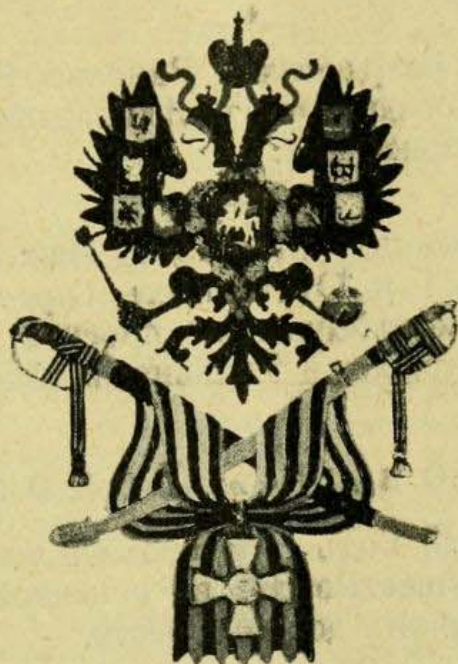

Revue de Marine

Námoňní Casopis

МОРСКОЙ

Ко дню праздника храбрыхъ.

ЖУРНАЛЪ

ЕЖЕМЪСЯЧНИКЪ. ИЗДАНИЕ КАЮТЪ-КОМПАНИИ ВЪ ПРАГЪ.
Годовая подписка — 2 ам. долл. Цѣна этого номера — 5 кр. чешск.

Декабрь 1937 г. № 120 (12). X годъ изданія.

Содержаніе: 26.XI/9.XII — 6/19.XII. Съ Новымъ Годомъ! Къ выходу 120 номера. Статьи: к.-а. Бубнова, к.-а. Смирнова, к2р. Монастырева, к2р. Кубе, инж. Александровскаго, к2р. Саблина, ген. отъ инф. Епанчина, к.-а. Никитина, к2р. Люби, мичм. Гефтера, инока А. Дехтерева и В. Н. Вѣславскаго. Отъ Совѣта Старѣйшинъ ВОМО. Къ 6-му ноябрю.

26.XI/9.XII — 6/19.XII.

Ко дню праздника храбрыхъ — 26 ноября-9 декабря — Редакция „Морского Журнала“ шлетъ искреннія поздравленія всѣмъ, чьей „вѣрностью и храбростью распространилась и возвысилась слава Россійской Имперіи“.

„Да живутъ непрерывно въ дорогомъ сердцу Нашему Россійскомъ воинствѣ преподанные въ Статутѣ завѣты воинской доблести и самоотверженія“ (слова Статута). Да живутъ многіе годы гордость каждой военной части — ея георгіевскіе кавалеры.

—*—

Г. г. офицеровъ Гвардейскаго Экипажа Редакция „Морского Журнала“ сердечно поздравляетъ съ праздникомъ 6/19 декабря и шлетъ наилучшія пожеланія.

—*—

Г. г. воспитанниковъ Морского Инженернаго Училища Императора Николая I и Отдѣльныхъ Гардемаринскихъ Классовъ Редакция „Морского Журнала“ проситъ принять искреннія поздравленія съ праздникомъ Училища и Классовъ.

С ъ Н о в ы м ъ Г о д о м ъ !

Вступая въ Новый Годъ съ твердымъ упованіемъ въ предстоящее свѣтлое будущее Россіи, въ конечное торжество Промысла Божія, принциповъ добра и чести,

Совѣтъ Старѣйшинъ ВОМО

шлетъ поздравленія и наилучшія благопожеланія на 1938 годъ всѣмъ морскимъ организаціямъ, всѣмъ членамъ родной морской семьи, разбросаннымъ по бѣлому свѣту.

Адмираль Русинъ.

— Совѣтъ и члены *Морского Собранія* и *Морского Историческаго имени адмирала Колчака Кружка* поздравляютъ всѣхъ членовъ морской семьи и всѣ организациі съ праздникомъ Рождества Христова и Новымъ Годомъ, желаютъ всѣмъ добраго здоровья и шлютъ наилучшія пожеланія.

Адмираль П. Муравьевъ.

— Члены *Каютъ-Компаніи въ Прагѣ* и издательство „Морского Журнала“ шлютъ сердечныя поздравленія всѣмъ членамъ морской семьи съ праздникомъ Рождества Христова и наилучшія пожеланія къ Новому Году. Молимъ Всевышняго — да будетъ минувшій годъ послѣднимъ годомъ владычества большевиковъ надъ нашей Родиной, да будетъ наступающій Новый Годъ — первымъ годомъ возрожденной Національной Россіи!

Къ выходу 120-го номера.

Передъ выпускомъ 120-го номера, завершающаго десятилѣтнюю работу „Морского Журнала“, я получилъ отъ многихъ морскихъ организацій и отдѣльныхъ офицеровъ Флота привѣтствія по случаю юбилея журнала. Большинство привѣтствій составлено въ выраженіяхъ, трогających до самой глубины души, и сильно было мое желаніе помѣстить въ журналѣ всѣ полученныя привѣтствія. Но я ограничиваюсь напечатаніемъ только нѣкоторыхъ привѣтствій и увѣренъ, что организаціи и отдѣльные члены морской семьи поймутъ, что, по техническимъ причинамъ, я не могу помѣстить всѣхъ привѣтствій. Я еще разъ выражаю самую сердечную благодарность всѣмъ приславшимъ привѣтствія.

Въ сотомъ номерѣ журнала я давалъ подробный отчетъ о работѣ журнала и объ условіяхъ работы. Я не буду сейчасъ повторяться. За истекшіе 20 мѣсяцевъ условія остались все тѣ же. По прежнему тверда наша увѣренность въ грядущее воскресеніе Родины и Флота, по прежнему непоколебимо наше желаніе довести „Морской Журналъ“ до того момента, когда на корабляхъ Великой Національной Россіи вновь поднимутъ съ церемоніей по старому ритуалу славный Андреевскій флагъ.

Представители „Морского Журнала“ во всѣхъ странахъ, безкорыстно 10 лѣтъ отрывающіе отъ часовъ отдыха время для журнала; **сотрудники** журнала, пишущіе 10 лѣтъ безъ всякаго гонорара статьи; **подписчики** журнала, изъ скромнаго бюджета своего отрывающіе ежегодно десятки кронъ подписной платы; **читатели** журнала, не могущіе по причинамъ, „отъ нихъ не зависящимъ“, уплатить подписки, но обращающіеся въ Редакцію съ просьбой высылать имъ журналъ бесплатно „до лучшихъ временъ“, — вами всѣми продержался „Морской Журналъ“ десять лѣтъ. И я считаю, что не подобаешь мнѣ, техническому исполнителю вашей коллективной воли, обращаться къ вамъ со словами благодарности за все, что вы сдѣлали, дѣлаете и, я надѣюсь, я увѣренъ, будете дѣлать и въ дальнѣйшемъ для нашего журнала. И я не скажу этихъ словъ благодарности — я крѣпко сохраню ихъ въ сердцѣ своемъ до конца дней своихъ и воспоминанія о работѣ для „Морского Журнала“ будутъ лучшими воспоминаніями за годы эмиграціи, а имена представителей, сотрудниковъ, подписчиковъ и читателей журнала будутъ самыми дорогими для меня именами.

М. Стахевичъ.

Совѣтъ Старѣйшинъ Всезарубежнаго Объединенія Морскихъ Организацій привѣтствуетъ Васъ, дорогой Михаилъ Сергѣевичъ, Редакцію и сотрудниковъ „Морского Журнала“ съ десятилѣтнимъ изданія журнала, горячо желаетъ дальнѣйшаго развитія и процвѣтанія на пользу морской науки, взаимной освѣдомленности, дружбы и сплоченности членовъ морской семьи.

Адмираль Русинъ.

— Отъ имени Совѣта Морского Собранія и его членовъ, а также отъ членовъ Историческаго имени адмирала Колчака Кружка и своего лично приношу Вамъ поздравленія съ исполняющимся 10-тилѣтіемъ „Морского Журнала“, который, несмотря на трудности изданія, непрерывно выходитъ и служитъ не только полезнымъ, но и необходимымъ связующимъ звеномъ между членами морской семьи во всемъ зарубежьи, для чего, не покладая рукъ, Вы уже 10 лѣтъ работаете. Давай Вамъ

Господь силъ и энергіи довести дѣло изданія „Морского Журнала“ до окончанія пребыванія нашего въ бѣженствѣ.

Примите увѣренія въ моемъ искреннемъ уваженіи и преданности *Адмираль П. Муравьевъ.*

— Въ десятую годовщину руководимаго Вами и дорогого всѣмъ морякамъ „Морского Журнала“ шлю Вамъ отъ имени Объединенія Офицеровъ Гвардейскаго Экипажа душевныя пожеланія всего наилучшаго — процвѣтанія Вашему литературному дѣтищу и лично Вамъ силъ, здоровья и успѣха въ переживаемыя нами всѣми тяжкія годы.

Крѣпко жму Вашу руку.

Кн. В. Барятинскій.

— Отъ имени всѣхъ гг. офицеровъ и гардемаринъ Каютъ-Компаніи г. Шанхая прошу Васъ принять и передать Вашимъ уважаемымъ сотрудникамъ наши сердечныя поздравленія ко дню десятилѣтняго юбилея родного намъ всѣмъ „Морского Журнала“.

Десятилѣтіе и въ нормальной человѣческой жизни немалый срокъ, въ нашихъ же тяжелыхъ эмигрантскихъ условіяхъ этотъ срокъ долженъ исчисляться подобно срокамъ осады Севастополя и Портъ-Артура.

Преклоняясь передъ Вашей поразительной твердостью духа и настойчивостью, давшимъ Вамъ возможность довести до знаменательнаго въ наши дни юбилея Ваше дѣтище, мы всей душой шлемъ Вамъ искреннія пожеланія здоровья, бодрости духа и всякаго житейскаго благополучія. Да пошлетъ Вамъ Господь Богъ успѣха въ Вашей тяжелой работѣ на пользу всей нашей морской семьѣ.

П. Крашенинниковъ.

Милостивый Государь, Михаилъ Сергѣевичъ!

Не такъ давно мы привѣтствовали выходъ сятаго номера редактируемаго Вами журнала. Нынѣ старѣйшій морской органъ празднуетъ свое десятилѣтіе.

Отъ всей души Редакція „Возрожденія“ приноситъ свои самыя искреннія поздравленія. Наши пожеланія, — конечно, поскорѣе перенести изданіе на родную почву и чтобы „Морской Журналъ“ сталъ настольнымъ въ каждой каютъ-компаніи корабля, вновь осѣненнаго дорогимъ намъ всѣмъ Бѣлымъ Флагомъ съ голубымъ Андреевскимъ крестомъ.

Богъ Вамъ въ помощь.

Глубоко уважающій Васъ *Ю. Семеновъ.*

Контръ-адм. А. Д. Бубновъ, Дубровникъ.

Значеніе духовной силы.

Въ настоящее время, когда войны ведутъ не арміи, а цѣлыя вооруженныя націи, психологія народа, какъ источникъ духовной силы бойцовъ, имѣетъ рѣшающее значеніе въ борьбѣ, которую эти народы ведутъ сначала на поприщѣ международнаго соревнованія, а затѣмъ — на полѣ брани. Психологія народа основана на чрезвычайно сложномъ комплексѣ различныхъ чувствованій и идей, кои находятся въ междуусобной связи и вліяютъ другъ на друга. Многіе изъ этихъ факторовъ трудно поддаются оцѣнкѣ, а еще труднѣе поддается оцѣнкѣ результатъ ихъ взаимодѣйствія.

Нѣкоторые военные писатели пытались привести въ связь психологію народа съ его культурнымъ уровнемъ, съ характеромъ его дѣятельности и съ образомъ его правленія. Однако, заключенія, къ коимъ сіи писатели пришли о тѣхъ будто бы народахъ съ низкимъ культурнымъ уровнемъ, съ сельско-хозяйственнымъ характеромъ дѣятельности и съ монархическимъ образомъ правленія, кои даютъ болѣе стойкихъ и духовно сильныхъ бойцовъ, совсѣмъ не оправдались, особенно въ войнахъ послѣдняго времени.

Во время минувшей войны русскій народъ, который находился подъ вліяніемъ именно этихъ факторовъ и который долженъ былъ бы, судя по этой теоріи, дать исключительно стойкую и мощную духомъ вооруженную силу, въ дѣйствительности первый капитулировалъ и отказался отъ борьбы; между тѣмъ, французскій народъ, который находился подъ вліяніемъ противоположныхъ факторовъ, а именно высокой культуры, промышленнаго характера дѣятельности и республиканскаго образа правленія, выдержалъ борьбу до побѣдоноснаго конца.

Поэтому болѣе правильнымъ и цѣлесообразнымъ является предположеніе, что психологія народа основана на факторахъ наслѣдственнаго и традиціоннаго характера, кои образовались въ душѣ народа на зарѣ его исторіи подъ вліяніемъ тѣхъ военно-политическихъ, этническихъ, географическихъ и климатическихъ условій, въ которыхъ сей народъ въ то время находился. На эти факторы, представляющіе собой врожденныя духовныя свойства народа и выражающіеся въ его воинственномъ характерѣ, патріотизмѣ и чувствѣ долга по отношенію къ Родинѣ, — культура, экономическое состояніе и государственное устройство могутъ имѣть извѣстное вліяніе, но сами по себѣ создать ихъ не могутъ. Эти врожденныя свойства, эти доблести создаются самой исторіей народа и его патріотическимъ воспитаніемъ. Патріотическое воспитаніе народа можетъ поднять его врожденныя духовныя качества на недостижимую высоту и со-

здать изъ него всесокрушающую силу, способную творить въ борьбѣ чудеса, чему исторія даетъ намъ рядъ краснорѣчивыхъ примѣровъ.

„Духовная сила, — говоритъ французскій военный писатель Мельяръ, — страшнѣе пушекъ и ружей; она мгновенно создаетъ неожиданныя и непредвидѣнныя возможности для дѣйствій; она есть результатъ разума, который рѣшаетъ, воли, которая исполняетъ, и мужества, которое презираетъ смерть; она воодушевляетъ массы и вызываетъ въ нихъ готовность на великія жертвы во имя побѣды“.

Духовная сила можетъ въ извѣстной степени возмѣстить недостатокъ матеріальныхъ средствъ и военного искусства, но ничто не можетъ возмѣстить недостатокъ этой силы. Исторія даетъ намъ рядъ примѣровъ блестящихъ побѣдъ, одержанныхъ слабѣйшей въ матеріальномъ и физическомъ отношеніи стороной въ войнѣ, но не даетъ намъ ни одного примѣра побѣды слабѣйшей въ духовномъ отношеніи стороны.

Безъ достаточной духовной силы борьба вообще невысказана. Безъ нея самыя искусныя оперативныя комбинаціи останутся безплодными, а самое совершенное оружіе останется неиспользованнымъ, ибо духовная сила является главнымъ двигателемъ всѣхъ дѣйствій человѣка.

Духовная сила способна поднять дѣятельность бойца на такую высокую степень геройства, которую нельзя предвидѣть и которая не имѣетъ границъ, чему во всѣхъ войнахъ имѣется много примѣровъ.

Матеріальныя средства можно легко создать, ибо это въ концѣ концовъ лишь вопросъ денегъ и рабочей силы; но создать духовную силу далеко не такъ легко, ибо она зависитъ отъ врожденныхъ свойствъ народа.

Такъ какъ духовная сила является главнымъ двигателемъ всѣхъ дѣйствій человѣка, весь механизмъ вооруженной борьбы, въ которой человѣкъ играетъ основную и руководящую роль, основанъ на этой силѣ, а потому все, что способствуетъ укрѣпленію этой силы, имѣетъ громадное значеніе въ дѣлѣ созданія военной мощи народа.

Укрѣпленію духовной силы прежде всего способствуетъ единеніе между всѣми чинами вооруженной силы, ибо „въ единеніи сила“.

А поэтому „Морской Журналъ“, неуклонно преслѣдуя въ теченіе 10 лѣтъ цѣль созданія единенія въ нашей морской семьѣ, творитъ великое патріотическое дѣло во имя укрѣпленія духовной мощи вооруженной силы грядущей Россіи.

А. Бубновъ.

Контръ-адмиралъ М. И. Смирновъ, Лондонъ.

Нѣкоторыя соображенія о вліяніи авіаціи на морскую войну.

Быстрое развитіе авіаціи и усовершенствованіе средствъ воздушной атаки имѣетъ большое вліяніе на морскую войну въ отношеніи какъ состава флота, такъ и его примѣненія.

Нзмъ, русскимъ эмигрантамъ, недоступны результаты секретныхъ опытовъ и маневровъ, производимыхъ морскими державами для изслѣдованія этого вопроса, поэтому мы можемъ имѣть сужденіе, базируясь только на общедоступную литературу. Настоящая замѣтка составлена на основаніи нѣсколькихъ статей, появившихся въ англійской прессѣ и, главнымъ образомъ, на изданномъ въ 1937 году изслѣдованіи по морской стратегіи бывшаго лектора Королевской морской штабной школы въ Гринвичѣ (Морской Академіи) капитана 2 ранга Русель Гренфель.

Весной 1937 г. въ объясненіи къ программѣ увеличенія флота Англии Первый Лордъ Адмиралтейства заявилъ въ Палатѣ Общинъ, что эта программа является результатомъ совмѣстной разработки Адмиралтейства съ представителями воздушнаго и военнаго министерствъ, которыя пришли къ общему заключенію, что развитіе авіаціи не отразилось кореннымъ образомъ на измѣненіи состава флота и что линейные корабли попрежнему являются ядромъ морской вооруженной силы. Оборонительныя свойства линейнаго корабля настолько усилились, что воздушная атака для него является не болѣе опасной, чѣмъ другого рода атаки, напримѣръ, минныя.. Но, конечно, развитіе авіаціи отразилось на дифференціаціи флота, о чемъ будетъ рѣчь ниже.

До этого заявленія перваго лорда адмиралтейства въ печати нерѣдко высказывались мнѣнія партизановъ новаго оружія, что линейный флотъ больше не нуженъ и морскія державы должны отказаться отъ постройки линейныхъ кораблей. Тѣмъ не менѣе, съ истеченіемъ 31 декабря 1936 года срока дѣйствія Лондонскаго морского соглашенія 1930 г., всѣ морскія державы приступили къ постройкѣ линейныхъ кораблей самага большаго размѣра (35 тысячъ тоннъ). Это показываетъ, что заключенія англійскаго адмиралтейства раздѣляются также и всѣми другими морскими державами.

Скорость полета современнаго боевого аэроплана приближается къ 250 морскихъ миль въ часъ или около 4 миль въ минуту. Аэропланъ не можетъ быть замѣченъ съ корабля съ разстоянія большаго, чѣмъ 6 или 7 миль. Слѣдовательно, онъ сброситъ бомбы меньше, чѣмъ черезъ двѣ минуты съ момента, какъ будетъ замѣченъ съ корабля. Надо думать, что противоаэропланная артиллерія не успѣетъ пристрѣляться въ этотъ короткій промежутокъ времени. Это вызываетъ необходи-

мость охраны ядра флота болѣе мелкими судами, вооруженными противозаэропланной артиллеріей и расположенными въ достаточномъ разстояніи отъ ядра флота въ направленіи ожидаемой атаки. Въ англійскомъ флотѣ пришли къ необходимости перевооружить нѣсколько легкихъ быстроходныхъ крейсеровъ большимъ числомъ противозаэропланнхъ орудій. Подобно тому, какъ появленіе подводныхъ лодокъ вызвало необходимость охраны ядра флота мелкими судами, такъ и появленіе аэроплановъ вызвало необходимость охраны новымъ спеціальнымъ типомъ судовъ.

Аэропланы, дѣйствующіе съ флотомъ, раздѣляются на базирующіеся на береговые аэродромы и на базирующіеся на корабли. Первые имѣютъ извѣстное ограниченіе въ дальности дѣйствій, вызываемое съ одной стороны ограниченіемъ запаса топлива, съ другой стороны, трудностью опредѣленія своего мѣста въ морѣ, особенно принимая во вниманіе необходимость возвращенія на свой аэродромъ послѣ атаки для возобновленія запаса бомбъ. Капитанъ 2 ранга Гренфель считаетъ, что районъ надежнаго дѣйствія современнаго аэроплана не многимъ превышаетъ 250 морскихъ миль отъ берега и, слѣдовательно, флотъ, находящійся въ океанѣ въ удаленіи болѣе 250 миль отъ непріятельскаго берега, не имѣетъ основанія опасаться массовыхъ воздушныхъ атакъ аэроплановъ, базирующихся на береговые аэродромы.

Аэропланы, слѣдующіе съ флотомъ, раздѣляются на двѣ категоріи: одни базируются на спеціальныя аэропланныя корабли-матки, другіе на линейныя корабли и крейсера. Современный спеціальныи аэропланнй корабль несетъ на борту до 50 или 60 машинъ, имѣющихъ колеса, которыя могутъ взлетать и садиться на палубу спеціальнаго корабля-матки. При болѣшомъ флотѣ будетъ находиться не болѣе двухъ или трехъ такихъ кораблей. Аэропланы, находящіеся на нихъ, раздѣляются на бомбовозы, истребители (они же развѣдчики) и корректировщики судового огня. Отраженіе атакъ непріятельскихъ аэроплановъ будетъ возложено на истребителей, которые не успѣютъ подняться въ воздухъ послѣ обнаруженія непріятельской воздушной атаки. Поэтому придется имѣть постоянно въ воздухѣ дозоръ. При необходимости смѣны, въ дозорѣ можетъ быть сравнительно небольшое число машинъ. При равныхъ силахъ, атакующая сторона, избирающая моментъ атаки, сможетъ имѣть въ воздухѣ болѣе число машинъ и, слѣдовательно, имѣетъ преимущество. Поэтому главная роль въ отраженіи атакъ ложится на зенитную артиллерію.

Примѣненіе машинъ, базирующихся на корабли и крейсера, сравнительно ограничено, такъ какъ эти машины, выпускаемые катапульты, не могутъ спускаться обратно на палубы!

своихъ кораблей и должны или садиться на воду и быть поднятыми на бортъ судовыми стрѣлами или же возвращаться не на свои корабли, а на аэропланые корабли-матки. Въ первомъ случаѣ онѣ должны быть снабжены плавниками, во второмъ — колесами. Поэтому раньше, чѣмъ выпустить аэропланъ, командиръ корабля долженъ рѣшить, дать ли ему плавники или колеса. По условіямъ войны, а также состоянія моря, часто будетъ невозможно поднять аэропланъ на палубу. Современные корабли и крейсера имѣютъ два, три, иногда четыре аэроплана на борту, но примѣненіе ихъ будетъ возможно только при благопріятныхъ обстоятельствахъ.

Аэропланы имѣютъ большія преимущества передъ крейсерами въ отношеніи морской развѣдки. Они значительно расширяютъ ея районъ, но не исключаютъ необходимости имѣть при флотѣ развѣдочныя суда. Опытъ показываетъ, что въ океанѣ условія погоды (туманы, штормы и т. п.) даютъ возможность пользоваться аэропланами для развѣдки меньше, чѣмъ въ теченіе половины дней въ году.

Вышеизложенныя заключенія относятся къ дѣйствіямъ флота въ открытомъ океанѣ, въ удаленіи большемъ 250 миль отъ берега.

При дѣйствіяхъ флота ближе къ непріятельскому берегу условія мѣняются. Флотъ будетъ подверженъ постояннымъ массовымъ атакамъ съ воздуха, условія его маневрированія будутъ стѣснены, его противоаэропланная артиллерія будетъ недостаточна для надежнаго отраженія воздушныхъ атакъ противника, базирующагося на береговые аэродромы. Количество атакующихъ машинъ будетъ превосходить число машинъ, сопровождающихъ флотъ, и, слѣдовательно, послѣднія также не дадутъ достаточной охраны флоту. Въ морскомъ бою сторона, сражающаяся въ районѣ дѣйствій своихъ береговыхъ аэроплановъ, будетъ имѣть большое преимущество, подобно тому, какъ если бы она сражалась въ зонѣ дѣйствій своихъ приморскихъ крѣпостей. Аэропланная развѣдка съ берега также облегчитъ дѣйствія подводныхъ лодокъ на непріятельскій флотъ.

Развитіе авіаціи, вѣроятно, сдѣлаетъ невозможнымъ производство крупныхъ десантныхъ операцій на непріятельскій берегъ, такъ какъ воздушныя атаки не допустятъ сосредоточенія транспортовъ у берега, а также и самой высадки войскъ на берегъ.

Англійскіе авторы называютъ районъ въ 250 миль отъ берега, въ которомъ дѣйствія береговыхъ аэроплановъ являются существенно опасными для флота, «прибрежной зоной».

Базы флота, находящіяся въ «прибрежной зонѣ» непріятеля, будутъ подвержены массовымъ воздушнымъ атакамъ и базированіе флота на нихъ будетъ затруднено. Конечно, и болѣе

удаленныя базы будуть подвергаться воздушнымъ атакамъ, но послѣднія не будутъ столь систематичны. Это обстоятельство имѣеть большое вліяніе на морскую стратегію. При войнѣ Англии съ Германіей вся береговая полоса отъ устья р. Гумберъ до острова Уайтъ будетъ неудобна для базирования флота, а всѣ германскія базы Сѣвернаго моря будутъ находиться въ «прибрежной зонѣ» Англии. При войнѣ Англии съ Франціей всѣ базы англійскаго флота въ англійскомъ каналѣ, какъ Портсмуть и Плимуть, будутъ находиться въ «прибрежной зонѣ» Франціи, а базы французскаго флота Брестъ, Шербургъ и Гавръ — въ «прибрежной зонѣ» Англии. Въ Средиземномъ морѣ Гибралтаръ находится въ «прибрежной зонѣ» Франціи и Испаніи, а Мальта — въ «прибрежной зонѣ» Италіи. Поэтому, въ случаѣ войны съ Италіей, Мальта должна быть оставлена англійскимъ флотомъ и онъ долженъ будетъ искать себѣ базъ въ восточной части моря, въ Палестинѣ или на о. Кипръ. Тулонъ и Бизерта находятся въ «прибрежной зонѣ» Италіи. Всѣ порты западнаго побережья Италіи — въ «прибрежной зонѣ» Франціи.

Развитіе авіаціи имѣеть большое вліяніе на морскую торговлю въ военное время. Развитіе подводнаго плаванія привело къ тому, что торговыя суда должны въ военное время соединяться въ группы, конвоируемыя крейсерами и миноносцами; такимъ образомъ, считается, что въ открытомъ морѣ конвоируемыя суда имѣють достаточную защиту отъ подводныхъ лодокъ. Если же конвой будетъ атакованъ аэропланами, базирующимися на непріятельскіе крейсера, то, какъ указано выше, зенитная артиллерія конвоирующихъ судовъ не успѣеть отразить атаку. Поэтому къ конвою придется придавать спеціальныя суда, вооруженныя зенитной артиллеріей, которыя будутъ держаться въ нѣкоторомъ разстояніи отъ конвоируемыхъ судовъ въ направленіи ожидаемой воздушной атаки. Эти суда не будутъ давать защиты конвою отъ атакъ подводныхъ лодокъ, такъ какъ эта защита должна быть въ непосредственной близости къ конвою. Слѣдовательно, конвой торговыхъ судовъ потребуеть гораздо большихъ средствъ, чѣмъ до развитія авіаціи. Въ районахъ «прибрежныхъ зонъ» никакой конвой не дастъ защиты торговыхъ судовъ отъ массовыхъ воздушныхъ атакъ и движеніе торговыхъ судовъ въ узкихъ моряхъ будетъ почти совсѣмъ прекращено. Для Англии въ случаѣ войны въ Средиземномъ морѣ, ея кратчайшій торговый путь въ Индію и на Дальній Востокъ будетъ прерванъ и ея торговымъ судамъ придется пользоваться путемъ вокругъ мыса Доброй Надежды.

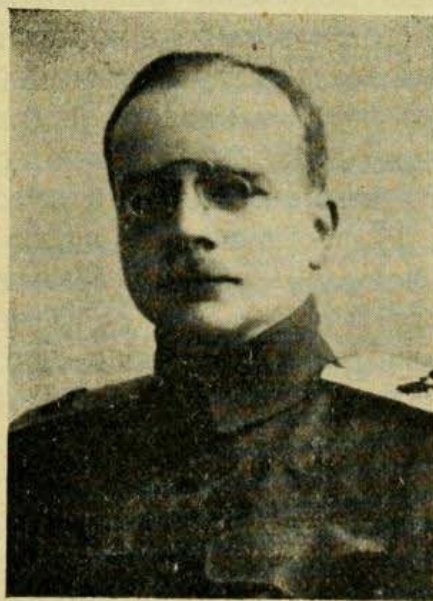
Выводы относительно вліянія воздушныхъ атакъ на морскую торговлю основаны на предположеніи, что воюющія стороны не будутъ стѣсняться нарушеніемъ международной кон-

венціи о предварительномъ осмотрѣ торговыхъ судовъ и о спасеніи ихъ командъ, подобно тому, какъ Германія не соблюдала этой конвенціи при веденіи ею неограниченной подводной войны. Когда существованіе страны будетъ поставлено на карту, то она, конечно, не будетъ соблюдать эту конвенцію. Къ тому же конвенція была принята, когда подводная лодка и аэропланъ еще не существовали.

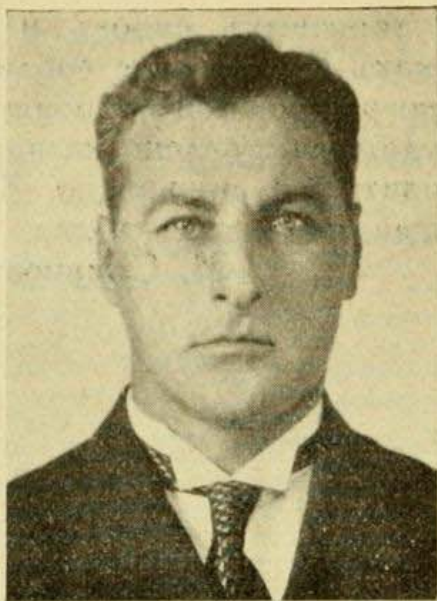
М. Смирновъ.

Контръ-адмиралъ
Михаилъ Ивановичъ
Смирновъ
(вып. 1899 г.).

Контръ-адмиралъ
Александръ Дмитріевичъ
Бубновъ
(вып. 1903 г.).

Кап. 2 ранга Н. А. Монастыревъ.
Тунисъ.

Морская сила въ Балтикѣ.

Послѣ Великой войны и революціи въ Россіи стратегическое положеніе на Балтійскомъ морѣ значительно измѣнилось.

Образовавшіяся на Балтійскомъ морѣ и берегахъ Рижскаго, Финскаго и Ботническаго заливовъ 5 новыхъ государствъ

(Латвія, Литва, Польша, Финляндія и Эстонія) лежатъ на стратегическомъ пути между историческими и, слѣдовательно, вѣроятными соперниками: Россіей и Германіей. Латвія, Литва, Эстонія и Польша, обладающія небольшими флотиліями и недавно получившія независимость, не будутъ сами ею рисковать: они знаютъ, что война, на какой бы то ни было сторонѣ, лишитъ ихъ этой независимости. По той же причинѣ, но въ болѣе осложненной обстановкѣ, Финляндія, съ длинной сухопутной границей съ Россіей, также нападать не можетъ и не хочетъ.

Третья морская держава на Балтикѣ, Швеція, займетъ въ любой комбинаціи нейтральное положеніе; это ясно и опредѣленно доказала исторія и послѣдняя война; эта страна, съ длинной морской границей и свободнымъ выходомъ въ океанъ, занимаетъ независимое стратегическое положеніе; шведскій народъ не желаетъ осложненій, которыя ни въ какомъ случаѣ не могутъ дать ему выгоды; слѣдовательно, Швеція будетъ сохранять строгій нейтралитетъ.

Изъ сказаннаго ясно, что борьба можетъ возникнуть только между Россіей и Германіей. Всякая борьба обуславливается нападеніемъ одной стороны и обороной другой. Кто будетъ нападающей стороной въ этой возможной войнѣ?

Россія въ настоящее время обладаетъ маленькой морской границей въ глубинѣ Финскаго залива, не имѣя на послѣднемъ ни территоріи, ни базъ. Германія, наоборотъ, имѣетъ въ Балтійскомъ морѣ широкую морскую границу и рядъ базъ для своего флота. Это исходное положеніе показываетъ, что наступающей стороной будетъ Германія. Т. е., если морская доктрина не измѣнилась въ Германіи, ея флотъ долженъ войти въ Финскій заливъ и уничтожить русскій.

Какими средствами обладаютъ въ настоящее время оба

флота? Сравнивъ количества кораблей и артиллеріи, можно сказать, что русскій флотъ имѣеть пока преимущество передъ германскимъ какъ въ линейныхъ корабляхъ, такъ и въ миноносцахъ и подводныхъ лодкахъ. Что касается крейсеровъ, то фактическое значеніе послѣднихъ въ узкомъ морѣ, при настоящемъ стратегическомъ положеніи, равно нулю; они съ успѣхомъ будутъ замѣнены гидроавіаціей.

Морская граница Россіи въ настоящее время менѣе уязвима, чѣмъ въ началѣ Великой войны, ибо тогда она простиралась отъ Мемеля до Торнео. Если въ началѣ 1914 г. могущественный германскій флотъ не смогъ выдѣлить двухъ бригадъ своихъ старыхъ линейныхъ кораблей для полного уничтоженія 4 старыхъ русскихъ кораблей (т. е. фактически всего русскаго флота), то въ настоящемъ стратегическомъ положеніи болѣе слабый, чѣмъ въ 1914 г., германскій флотъ отъ этой задачи долженъ отказаться, такъ какъ онъ вынужденъ будетъ дѣйствовать въ 600 миляхъ отъ своихъ базъ. Въ этомъ случаѣ о боѣ линейныхъ кораблей не можетъ быть и рѣчи, даже если ко времени войны германскій флотъ усилится новыми кораблями, въ любомъ числѣ и силѣ. Слѣдовательно, отъ наступленія въ Финскій заливъ и уничтоженія русскихъ силъ германскій флотъ долженъ отказаться. Послѣдняя война на Балтійскомъ морѣ въ теченіе 3 лѣтъ и 3 мѣсяцевъ ясно это показала.

По тѣмъ же самымъ причинамъ русскій флотъ не выйдетъ изъ Финскаго залива, рискуя быть отрѣзаннымъ отъ своей единственной и крайне удаленной отъ Балтійскаго моря базы — Кронштадта.

Какой же характеръ могутъ имѣть военныя дѣйствія на Балтикѣ въ случаѣ войны между Россіей и Германіей? Все тотъ же опытъ послѣдней войны, когда германскій флотъ имѣлъ всѣ преимущества, а русскій почти всѣ трудности, намъ указываетъ, что это будетъ война легкихъ силъ. Встрѣчи надводныхъ силъ обѣихъ сторонъ не дадутъ рѣшительно никакихъ преимуществъ ни той, ни другой сторонѣ, каковъ бы то ни былъ результатъ; дѣйствія сведутся къ минной войнѣ и атакѣ базъ противника авіаціей. Эти средства окажутся единственными активными, они дадутъ практической результатъ, т. е. нанесеніе вреда противнику.

Въ отношеніи легкихъ силъ: миноносцевъ, подводныхъ лодокъ и авіаціи въ настоящій періодъ можно считать обѣихъ противниковъ равными. У германскаго флота, нѣтъ сомнѣній, остались всѣ его качества. Русскій флотъ, несмотря на разрушительную революцію, сохранилъ опытъ стараго флота въ артиллерійской стрѣльбѣ и по тактикѣ минной войны, гдѣ особенно будутъ примѣняться подводные заградители. Въ этомъ отношеніи новыи русскій флотъ обучается старыми офицерами

по старымъ методамъ, что особенно ясно теперь, когда флотъ СССР рѣшительно отказался отъ революціонныхъ методовъ, оказавшихся негодными. Всего лучше это выразилось въ послѣднее время въ реорганизаціи и возстановленіи чиновъ и даже въ постепенномъ возвращеніи къ цвѣтамъ стараго флага. Постройка подводныхъ лодокъ и легкихъ судовъ даетъ опредѣленные указанія о принятіи СССР новой доктрины — доктрины малой войны.

Что же представляетъ собою новый флотъ Россіи? Матеріальная часть, т. е. линейные корабли и всѣ крейсера и проч. суда — всѣ безъ исключенія постройки царскаго времени, за исключеніемъ нѣсколькихъ подводныхъ лодокъ и авіаціи.

Подготовка личнаго состава не могла быть выполнена во время революціи и гражданской войны, при разрушеніи всѣхъ основъ и уничтоженіи старыхъ опытныхъ кадровъ. Въ Россіи изъ старыхъ офицеровъ остались немногіе, это они, переживъ рядъ униженій и преслѣдованій, продолжаютъ подготовку новаго состава. Разрушеніе старыхъ основъ привело флотъ къ краху; это было замѣчено правительствомъ два, три года тому назадъ и привело къ формулѣ: «все рѣшаютъ кадры».

Какъ бы хорошъ ни былъ молодой составъ флота, но сдѣлать изъ него «кадры» нужно время и опытъ, ибо давно извѣстно, что можно быстро построить корабль, но нужно много времени, чтобы его обучить. Мы знали, что флотъ Россіи не плаваетъ; это даетъ основаніе утверждать объ его недостаточной подготовкѣ.

Что касается новой совѣтской доктрины о «малой войнѣ», то надо сказать, что послѣ неудачи на Д. Востокѣ, морская доктрина Россіи свелась уже «къ малой морской войнѣ» и къ дѣйствіямъ флота совмѣстно съ арміей. Такъ и было въ дѣйствительности въ Великую войну. Слѣдовательно, и въ этомъ отношеніи совѣтское правительство ничего новаго не изобрѣло, давъ старымъ вещамъ новое названіе; свою военную доктрину оно подчинило коммунистическ. принципамъ: веденіе войны на основѣ классовой борьбы. И въ этомъ залогъ ея неудачи.

Что касается тактической стороны предстоящей войны, то операціи ея выльются въ серіи послѣдовательныхъ атакъ на противника и его базы, съ примѣненіемъ по преимуществу комбинированныхъ атакъ.

Итакъ мы видѣли, что въ Балтійскомъ морѣ, несмотря ни на что, повидимому, будетъ долго поддерживаться установившееся равновѣсіе и статусъ кво. Если это равновѣсіе будетъ какой либо стороною нарушено, произойдетъ новая міровая война, можетъ быть, еще въ болѣе грандіозныхъ размѣрахъ, и послѣдствія ея нельзя учеть.

Н. Монастыревъ.

Кап. 2 ранга М. О. Кубе, Парижъ.

Андреевскій флагъ.

„Тебѣ — безмолвному свидѣтелю служенія Флота Родинѣ, тебѣ — участнику славныхъ побѣдъ, тебѣ — дѣлившему горечь поражений, тебѣ — Андреевскій флагъ наше первое слово“...

(Передовая статья номера перваго „Морского Журнала“ — Январь 1928 года).

Такъ начиналась первая статья перваго номера новорожденнаго «Морского Журнала». И теперь, въ 120-мъ номерѣ, краснорѣчивомъ свидѣтелѣ беззавѣтнаго служенія идеѣ Флота и Родины, дорогого и близкаго всѣмъ намъ «Морского Журнала», — умѣстно снова поговорить о нашемъ Андреевскомъ флагѣ — символѣ этихъ идей: Флота и Великой Російской Имперіи...

Статья 1284-я Морского Устава (книги X Свода Морскихъ Постановленій) гласила такъ:

„Военный флагъ — бѣлый съ синимъ Андреевскимъ крестомъ; почитается, какъ знамя въ полку, и всѣ служащіе на кораблѣ должны охранять этотъ флагъ до послѣдней капли крови, какъ хоругвь русскаго Государя. Военный флагъ поднимается на гафель или кормовомъ флагштокѣ“.

Какой же именно флагъ являлся этой «хоругвью русскаго Государя, охраняемой до послѣдней капли крови» и «почитаемой, какъ знамя въ полку»?

Знамя въ полку — одно. Если и есть старья, историческія знамена, то они хранятся въ полковомъ храмѣ или музеѣ и выносятся лишь крайне рѣдко на особо торжественныя церемоніи въ жизни полка. Знамя же, за которымъ полкъ идетъ въ бой, которое несетъ передъ нимъ заслуженный, весь въ нашивкахъ и медаляхъ, старый бородачъ-фельдфебель между двумя ассистентами, — одно и никому и въ голову не можетъ придти вопросъ: какое знамя? У насъ во флотѣ такой вопросъ можетъ явиться вполнѣ обоснованнымъ.

Какой флагъ? Тотъ ли, прокопченный дымомъ и обтрепавшійся по краямъ, который поднимался на походѣ, а на якорѣ, свернутый, засовывался подъ голову дремлющаго подвахтеннаго сигнальщика? Или другой, почище, поднимавшійся въ хорошую погоду? Или, наконецъ, третій, этотъ уже большой и шелковый, подаренный при спускѣ заводомъ, или «сооруженный» на экономіи отъ «окрасочныхъ денегъ»? Который же изъ нихъ надо защищать до послѣдней капли крови? Который изъ нихъ является той судовой святыней, олицетворяющей Имперію и Государя, которую надо охранять до послѣдняго издыханія? Который изъ нихъ, переживъ свой корабль, дол-

женъ храниться, какъ его флагъ, и почитаться, какъ почитается обветшалое старое знамя, участвовавшее въ историческихъ бояхъ и походахъ такого то доблестнаго полка?

Мнѣ могутъ отвѣтить: «очень просто — тотъ, который поднять во время боя!» Хорошо, но, напр., развѣ лин. корабль «Цесаревичъ» въ Рижскомъ заливѣ или «Олеги» въ бою при Эстергарнѣ, несли тотъ же флагъ, что 28-го іюля у мыса Шантунгъ или 14 мая въ Цусимскомъ бою? Развѣ сохранили свои боевые флаги «Россія», «Громобой», «Аскольдъ», «Аврора» и др.?!. Гдѣ они — эти боевые флаги? Въ свое время шкиперъ имя-рекъ забралъ ихъ съ мостика и представилъ ихъ вмѣстѣ съ просаленными камбузными фартуками и продранными подстилками «дефектной комиссіи» Н-скаго порта и, по ея приговору, сдалъ «на третій сортъ» этого порта для обращенія въ ветошь.... Вотъ судьба нашихъ судовыхъ «святынь»! И это еще не худшее... Бывало хуже. Я прекрасно помню изъ разговоровъ отца, что въ свое время, въ началѣ 80-хъ годовъ и, по крайней мѣрѣ, въ Кронштадтѣ, — часть матеріаловъ съ упомянутаго третьяго сорта продавалась съ публичныхъ торговъ, рассказъ о томъ крупномъ скандалѣ, героемъ котораго явился одинъ изъ его товарищей. Этотъ офицеръ, будучи въ обходѣ въ праздничный день, распорядился сорвать, несмотря на протесты и сопротивленіе хозяина, отстаивавшаго свое «благопріобрѣтенное» имущество — штандартъ Государыни Императрицы, «украшавшій» входную дверь... одного изъ публичныхъ домовъ кронштадтской окраины!..

Допустимъ, что корабль дожилъ до «естественной смерти» сдачи къ порту и разборкѣ. Является мысль сохранить его «последній» флагъ... Какой? И получается то, съ чѣмъ мнѣ пришлось столкнуться теперь, какъ завѣдывающему музеемъ В.-М. Историческаго Кружка при Морскомъ Собраніи въ Парижѣ. Мичманъ О., одинъ изъ очень немногихъ офицеровъ, внявшихъ призывамъ Кружка о сохраненіи съ подобающимъ уваженіемъ и почетомъ флаговъ нашихъ судовъ, присылаетъ «последній» флагъ своего миноносца, лично имъ снятый. Немного позже приходится узнать, что командиръ того же миноносца хранить «последній» флагъ съ цѣлью накрытія имъ своего гроба... Кто же правъ изъ нихъ? Я думаю — оба! Мичманъ снялъ обтрепанный на походахъ флагъ, командиръ — сохранилъ болѣе «парадный»; и тотъ и другой могутъ вполне увѣренно утверждать, что именно этотъ то флагъ и является «последнимъ».

«Флага», какъ такового, къ которому на иностранныхъ языкахъ слѣдовало бы примѣнить опредѣленный членъ, не существовало; было ихъ всегда нѣсколько, т. е. можно говорить лишь о «нѣкоемъ» флагѣ.

Уставъ нашъ не давалъ опредѣленія, какой именно флагъ является судовой святыней (которую уже никакъ нельзя было бы «сдавать на третій сортъ») и это опущеніе лишаетъ нашъ флагъ (не въ переносно-символическомъ, а въ буквально-матеріальномъ смыслѣ) возможности быть почитаемымъ, «какъ знамя въ полку». И мнѣ кажется, что будущему законодателю, на долю котораго выпадетъ возстановленіе Морского Устава, слѣдовало бы восполнить этотъ пробѣлъ и точно установить «личность» того флага, который и будетъ тогда равноцѣннымъ знамени.

Примѣрная редакція этихъ статей мнѣ представляется такъ:

Ст. 1284-а. — Для каждаго военнаго корабля, въ моментъ его зачисленія въ списки флота, устанавливается приказомъ по Флоту и Морскому Вѣдомству кормовой флагъ, который и является судовой святыней, отвѣчающей опредѣленію статьи 1284-й.

Ст. 1284-б. — Флагъ этотъ можетъ быть: 1) Высочайше пожалованнымъ; 2) поднесеннымъ кораблю строившимъ его заводомъ, городскимъ или инымъ общественнымъ самоуправленіемъ; 3) отдѣльными частными лицами, имѣющими историческую связь съ именемъ корабля; 4) сооруженнымъ на средства личнаго состава корабля.

Ст. 1284-в. — Флагъ этотъ поднимается: а) въ бою, б) въ высокоторжественные дни.

Въ бою охрана его ввѣряется одному изъ младшихъ офицеровъ при двухъ рядовыхъ. На ихъ обязанности лежитъ принятіе всѣхъ мѣръ къ тому, чтобы, въ случаѣ сбитія его, поднимался вновь именно онъ и лишь въ случаѣ полного уничтоженія его замѣнялся бы другимъ, который послѣ боя и становится судовой святыней.

Ст. 1284-г. — При сдачѣ корабля къ порту и исключенія его изъ списковъ флота, кормовой флагъ — по указанію Командующаго Флотомъ — сдается на храненіе въ морской храмъ, офицерское собраніе даннаго порта или музей. При зачисленіи въ списки флота новаго корабля, носящаго то же имя, флагъ передается ему съ торжественнымъ цереміаломъ передъ фронтомъ офицеровъ и команды.

Примѣчаніе. Новобранцы, поступающіе на корабль, приводятся къ присягѣ не на берегу, а на кораблѣ.

Мнѣ казалось бы также желательнымъ измѣнить текстъ присяги для чиновъ флота, замѣнивъ не относящееся къ не-

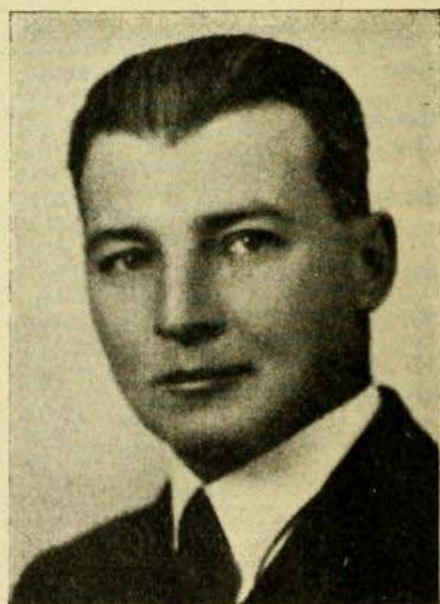
му: «...въ полѣ, обозѣ и т. д.», клятвой защиты флага до послѣдняго издыханія.

Все вышесказанное — пожеланія для будущаго Россійскаго Императорскаго Флота, «воскресенія котораго мы чаемъ». Сейчасъ же наша святая обязанность принять всѣ мѣры къ сохраненію тѣхъ флаговъ старыхъ судовъ, которые удалось спасти, оградивъ ихъ отъ возможности исчезновенія въ перипетіяхъ эмигрантской жизни, путемъ сосредоточенія ихъ въ одномъ надежномъ мѣстѣ или, по меньшей мѣрѣ, точнымъ учетомъ ихъ по мѣстамъ храненія. «Морской Журналъ» — наша «служба связи» — не откажетъ и въ этомъ случаѣ быть связующимъ звеномъ.

М. Кубе.

Капитанъ 2 ранга
Максимиліанъ Оскаровичъ
фонъ Кубе
(вып. 1908 г.).

Подп. К.К.О. горный инженеръ
Георгій Борисовичъ
Александровскій
(произв. 1920 г.).

Инж. Г. Б. Александровскій, Чехословакія.

Академія красныхъ флагмановъ.

Въ 1937 году исполнилось 15 лѣтъ существованія военно-морской академіи РККА имени К. Е. Ворошилова.

Пятнадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ въ зданіе Николаевской Морской Академіи, по воспоминаніямъ самихъ большевиковъ, «ввалились толпы новыхъ академиковъ». Новые слушатели, какъ на подборъ, были матросы, унтеры, боцмана. Среди нихъ даже гардемаринъ черной кости выглядѣлъ Рюриковичемъ. Въ анкетахъ пестрило: крестьянинъ, рабочій. Но не это повергло въ столбнякъ старую профессуру. Революція была фактомъ. Кромѣ того, и въ старомъ флотѣ были единицы, выкарабкавшіяся на блестящую флотскую поверхность изъ плебейской массы. Адмиралъ Макаровъ былъ сыномъ вахтера. Окончательный тупикъ былъ въ томъ, что эти люди, пришедшіе завоевывать высоты в.-мор. науки, часто не знали, какъ слѣдуетъ, арифметики и не умѣли грамотно писать. Это переворачивало всѣ привившіяся понятія о слушателяхъ высшаго учебнаго заведенія... пришлось создавать подготовительную школу... Профессора криво усмѣхались, пожимали плечами и пренебрежительно прозвали новый составъ академиковъ «дѣтскимъ садомъ». Они не вѣрили, что изъ такого неслыханнаго обученія можетъ выйти толкъ. Они смотрѣли на это, какъ на странный и нерентабельный экспериментъ въ увѣренности, что сама жизнь ликвидируетъ шалую затѣю. Нѣкоторые доказывали ея беспочвенность высшимъ властямъ. Но «дѣтскій садъ» проявилъ упорство... послали свою делегацію въ Центральный Комитетъ. Делегаціи шли въ ЦК и дрались, не сдаваясь. Они дошли до Сталина(!) и его авторитетное рѣшеніе опредѣлило исходъ борьбы. Новые люди сняли проржавѣвшую вывѣску съ Николаевской Морской Академіи и назвали ее новымъ совѣтскимъ именемъ «академіи рабоче-крестьянскаго краснаго флота» (сов. морск. сборникъ № 3 за 1937 г., стр. 18 и 19).

Эти люди, хотя и съ порѣдѣвшими рядами, окончили академію. Объ ихъ дальнѣйшей службѣ и головокругительной карьерѣ на красномъ флотѣ намъ уже приходилось писать въ №№ 65 и 101 «Морского Журнала». Главной ихъ заслугой была доказанная въ гражданской войнѣ преданность партіи. Теперь же, когда вѣрность старымъ партійнымъ завѣтамъ является самымъ тяжелымъ преступленіемъ въ СССР, красные флагманы потеряли ореолъ политической благонадежности и предстали въ своемъ настоящемъ видѣ — недоучившихся выскочекъ. И мы являемся сейчасъ свидѣтелями, какъ наиболѣе высоко взлетѣвшіе «академики», вродѣ Лудри, Стасевича и др., отставляются на второстепенные посты. Старые профессора Николаевской Морской Академіи, выражавшіе увѣренность,

что сама жизнь ликвидирует затѣю съ «дѣтскимъ садомъ», оказались правы.

Но кто же были эти профессора и какова ихъ новая смѣна? Начальникомъ академіи сначала по инерціи оставался б. ген.-м. Кладо, стремившійся переждать революціонное время и уберечь «храмъ науки». Въ 1924 г. его смѣнилъ б. кап. 2 р. Жерве, который, прикрываясь цитатами изъ сочиненій Маркса и Ленина, старался привить пришедшимъ учиться комиссарамъ гражданской войны основные принципы военно-морской стратегіи, доказать объективность военно-морской науки и отстоять самостоятельность морскихъ силъ въ общей системѣ вооруженныхъ силъ страны. Напрасный трудъ — изрѣченія Маркса и Энгельса не помогли — пришедшіе учиться участники гражданской войны принесли съ собой опытъ озерной, рѣчной и сухопутной войны и отъ этого опыта они отказываться не захотѣли. Имѣя за собой поддержку партіи, они объявили развиваемые б. кап. 2 р. Жерве и Петровымъ взгляды на необходимость созданія «полноцѣнной эскадры» реакціонной пораженческой идеей, дискредитирующей свойственную морскимъ силамъ РККА активность, выражающуюся въ сосредоточенномъ ударѣ всѣми наличными легкими средствами и во взаимодействіи съ остальными родами оружія красной арміи.

Съ этого времени прошло 7 лѣтъ. Смѣнившіе Жерве начальники академіи изъ «своихъ», мѣнялись, какъ перчатки. Сначала это былъ матросъ **К. И. Душеновъ**, назначенный въ 1931 году начальникомъ штаба Черноморскаго флота, а потомъ командующимъ Сѣверной военной флотиліей. Затѣмъ матросъ **Д. С. Дуплицкій**, который, однако, не смогъ окончить даже двухгодичный особый курсъ академіи для комиссаровъ, а потому смѣненный въ 1932 году окончившимъ этотъ курсъ **Г. С. Окуневымъ**, едва достигшимъ тридцатилѣтняго возраста, но зато обладающимъ среднимъ образованіемъ, что среди комиссаровъ было большою рѣдкостью. Карьерѣ Окунева, вѣроятно, помогла его близость къ начальнику всѣхъ совѣтскихъ морскихъ силъ **В. М. Орлову**, у котораго въ бытность его командующимъ Черноморскимъ флотомъ Окуневъ былъ начальникомъ политическаго управленія этого флота. На посту начальника академіи Окуневъ задержался лишь нѣсколько мѣсяцевъ, чтобы метеоромъ промелькнуть на должности замѣстителя Орлова по политической части, а затѣмъ быть назначеннымъ замѣстителемъ по политической части командующаго Тихоокеанскимъ флотомъ б. лейт. **М. В. Викторова** и быть соглядатаемъ Орлова у этого самаго опаснаго для него конкурента. Попутно Окуневъ былъ назначенъ однимъ изъ семи представителей отъ флота въ совѣтъ обороны страны и, вѣроятно, сталъ самымъ молодымъ участникомъ этого совѣта. На освободившуюся вакан-

сію нач-ка академіи былъ назначенъ «академикъ» **П. Г. Стасевичъ**, бывшій до того начальникомъ штаба Балтійскаго флота и на этомъ посту не оправдавшій возложенныхъ на него надеждъ. Новыми начальниками штаба Балт. флота были назначены уже бывшіе офицеры, сначала б. инж.-мех. лейт. **А. К. Сивковъ**, а потомъ б. мичм. **И. С. Исаковъ**. Весною этого года Стасевичу пришлось уступить свое мѣсто еще болѣе видному флагману изъ окончившихъ академію комиссаровъ **И. М. Лудри**, бывшему замѣстителю начальника в.-м. силъ по оперативной части, т. е. занимавшему постъ, аналогичный начальнику главнаго морского штаба въ старомъ флотѣ. Стасевичъ остался лишь отвѣтственнымъ редакторомъ сов. морск. сборника.

Но когда испанскія событія обнаружили полную неподготовленность краснаго флота защитить совѣтскіе транспорта отъ нападений крейсеровъ ген. Франко, т. е. когда у большевиковъ не оказалось «полноцѣнной эскадры», а построенныя легкія средства для осуществленія изобрѣтеннаго большевиками «сосредоточеннаго удара» оказались недостаточно автономными, чтобы оторваться отъ совѣтскихъ береговъ, то тогда настала предвидѣнная расплата. Комиссарская военно-морская доктрина потерпѣла полный крахъ. Проводившій ее Орловъ былъ смѣщенъ, а на его мѣсто назначенъ командовавшій Тихоокеанскимъ флотомъ бывшій лейтенантъ **Викторовъ**. Съ отвѣтственныхъ строевыхъ должностей были сняты дальнѣйшіе комиссары гражданской войны. Ихъ смѣнили или бывшіе офицеры или молодые красные командиры нормальной совѣтской подготовки. Такъ и изъ редакціи совѣтскаго морского сборника сначала былъ удаленъ идеологъ комиссарской военно-морской доктрины «академикъ» **А. П. Александровъ**, а потомъ и самъ отвѣтственный редакторъ капитанъ 1 ранга Стасевичъ былъ замѣненъ бывшимъ комсомольцемъ, нынѣ доцентомъ в.-м. академіи и военинженеромъ 2 ранга **М. А. Крупскимъ**. Единственно, кто не прогадалъ, это снова перешедшій на политическую линію бывш. матросъ съ «Амура» и «академикъ» **П. А. Смирновъ**, замѣнившій на посту начальника политическаго управленія арміи и флота застрѣлившася или застрѣленнаго Гамарника, а съ 1 января 1938 г. назначенный возглавлять выдѣленный изъ наркомата обороны комиссаріатъ военно-морскихъ силъ, каковой реформой была осуществлена отстаиваемая въ свое время б. к2р. Жерве самостоятельность флота. Одновременно Смирнову, очевидно, было поручено наблюдение надъ офицеромъ стараго флота Викторовымъ. Также и на постъ начальника военно-морской академіи былъ назначенъ старый офицеръ **Л. М. Галлеръ**. Такимъ образомъ, семилѣтнее возглавленіе в.-морской академіи профессиональными партійцами было безславно ликвидировано. Но если во главѣ академіи въ теченіе

ряда лѣтъ могли находиться люди, обладающіе только партійнымъ стажемъ, то основнымъ преподавательскимъ кадромъ академіи до самаго послѣдн. времени оставались старые профессора. На военно-морскомъ факультетѣ это были тѣ, кто приспособили свои лекціи къ оффиціальному курсу на взаимодѣйствіе разныхъ родовъ оружія и на подготовку «сосредоточеннаго удара». Ими оказались бывший помощникъ начальника Николаевской в.-морской академіи и г.-м. **А. В. Шталь**, занимающій кафедру военно-морской исторіи, бывший орд. профессоръ и г.-л. **Ю. М. Шокальскій**, преподающій основныя дисциплины по гидрографіи, б. преподаватель и к2р. **Л. Г. Гончаровъ**, возглавляющій кафедру тактики и техники боевыхъ средствъ флота, б. к2р. **В. Е. Егорьевъ**, занимающій кафедру в.-м. географіи, б. ст. лейт. **С. П. Ставицкій**, руководитель тактического цикла академіи и кафедры тактики оружія. Всѣ три нынѣ удостоены званія профессоровъ. Недавно умершій б. преподаватель Морского Корпуса и к2р. **Н. А. Сакеллари** руководилъ кафедрой кораблевожденія, а б. преп. учебно-артиллерійскаго отряда и к2р. **В. А. Унковскій** занимаетъ кафедру артиллерійской стрѣльбы.

На остальныхъ факультетахъ старый преподавательскій составъ представленъ еще полнѣе. Ими являются: б. заслуж. проф. и г.-л. **А. Н. Крыловъ**, нынѣ академикъ, б. экстраордин. проф. инж.-мех. к1р. **В. П. Мадисовъ** и д. с. с. **Ф. А. Бриксъ**, б. полк. гидр. **Н. Н. Матусезичъ**, **Н. А. Шапошниковъ**, **В. В. Каврайскій**, инж.-мех. к1р. **В. Л. Сурвилло**, инж.-мех. лейт. **М. І. Яновскій** (нынѣ всѣ профессора); инж.-мех. к1р. **Б. Д. Яшновъ**, полк. ККИ **А. П. Шершовъ**, астрон. **В. В. Ахматовъ**, **П. П. Большедворскій** и др.

Къ этому основному кадру въ первые годы большевизма присоединились новые преподаватели болѣе молодыхъ дисциплинъ изъ бывшихъ офицеровъ флота, вродѣ бывш. начальника штаба краснаго Черном. флота и лейт. **Г. А. Степанова**, преподающаго службу штабовъ, б. мичм. **Н. Б. Павловича**, сына стараго преподавателя географіи въ Морскомъ Корпусѣ, бывш. ассистента к2р. Жерве, а теперь читающаго лекціи по боевой подготовкѣ, б. подпор. или мичмана **К. И. Самойлова**, составителя новаго корабельнаго устава 1932 г. и др. инструкцій, б. мичм. **А. Томашевича**, состоящаго при кафедрѣ тактики подв. лодокъ и противолодочной обороны и т. д.

Настоящими партійцами, конечно, руководится основанная большевиками кафедра соціально-экономическихъ наукъ (тг. **Л. О. Леонидовъ**, **М. П. Шнейдерманъ**, **А. А. Вознесенскій**, **Маркинъ**, **Золотухинъ** и др.), а послѣ разоблаченія реакціонныхъ установокъ бывш. начальника академіи **Б. Б. Жерве**, и кафедра оперативнаго искусства и стратегіи. Ее занимаетъ б.

главный застрѣльщикъ по критикѣ буржуазныхъ идей въ военно-морской наукѣ **А. П. Александровъ**, прошлое котораго темно, а физиономія — «каторжная». Конечно, своихъ людей большевики поставили и на постъ пом. начальника академіи по политической части (нѣкоего т. Волкова) и на выдуманный ими постъ начальника штаба академіи, замѣнившаго собою должность пом. н-ка академіи, на каковомъ поприщѣ сначала подвизался т. **А. М. Якимичевъ**, а потомъ **А. П. Александровъ**, и на мѣста начальниковъ факультетовъ военно-морского и в.-м. оружія. Первый возглавляетъ **П. А. Трайнинъ**, вѣроятно, изъ торг. моряковъ и специалистъ у большевиковъ по рѣчнымъ флотиліямъ, второй — сначала т. **Н. Алякринскій**, а потомъ переведенный со специальныхъ курсовъ ком. состава начальникъ сектора т. **Лысенко**. Посты начальниковъ факультетовъ кораблестроенія и гидрографіи занимаютъ **Снитко** и **Козловъ**, заслужившими эти назначенія болѣе политической благонадежностью, чѣмъ своими научными трудами.

Такъ какъ представители основного профессорскаго кадра достигли уже или предѣльнаго возраста, вродѣ недавно отпраздновавшихъ 50-лѣтіе службы на флотѣ **А. В. Шталя**, **Ю. М. Шокальскаго** и **А. Н. Крылова**, или обладаютъ уже расшатаннымъ здоровьемъ и отошли въ лучшій міръ, вродѣ б. начальника факультета в.-м. оружія **Берлявскаго** или **Н. А. Саккелари**, то большевики озабочены подготовкой новой смѣны.

Подготовка молодого преподавательскаго кадра идетъ изъ двухъ категорій лицъ: изъ б. офицеровъ стараго флота и изъ командировъ большевицкой подготовки.

Въ первой группѣ слѣдуетъ отмѣтить недавно возведенныхъ въ доценты б. к2р. **Е. Е. Шведе**, автора талантливыхъ хроникъ въ старомъ и совѣтскомъ сборникѣ, б. кап. **ККИ А. И. Балкашина** по кафедрѣ кораблестроенія, затѣмъ б. к2р. **В. А. Белли** и б. мичм. **И. С. Исакова**, являющихся сотрудниками выше упомянутаго **А. П. Александрова**, б. ст. лейт. **Г. В. Штейнберга** по артиллерійскимъ стрѣльбамъ, б. ст. лейт. **Ю. А. Добротворскаго** по минному оружію, б. мичм. **С. Жонголовича** по подводному плаванію, б. ст. лейт. **И. А. Кирѣва** по траленію, б. лейт. **Н. А. Бологова** по кафедрѣ в.-м. исторіи, о которомъ большевики пишутъ, что онъ «съ первыхъ дней октября порвалъ со средой враждебнаго офицерства, придя къ большевикамъ не какъ сторонній спутникъ, но какъ товарищъ и боецъ, дравшійся на фронтахъ въ рядахъ матросскихъ отрядовъ, попадавшій въ плѣнъ къ бѣлымъ, бѣжавшій подъ выстрѣлами и тяжело контуженный въ бою. Онъ командовалъ позднѣе большимъ соединеніемъ, но физическія послѣдствія контузіи подорвали его здоровье и онъ былъ признанъ негоднымъ для строевой службы. Въ это время ему было 40 лѣтъ. Бывшій

флагманъ пришелъ въ академію готовиться къ научной работѣ. Ему была предоставлена возможность попутно пройти заочный курсъ университета по его предмету для расширенія научнаго кругозора, а черезъ два года онъ сталъ адъюнктомъ и помощникомъ Штала» (№ 3 сов. сборника за 1937 г., стр. 20-21). При академіи также состоятъ б. к2р. **В. Г. Селитренниковъ** и б. лейт. **Ю. Ф. Ралль**. Бывш. мичм. Исаковъ весною этого года былъ назначенъ нач. штаба Балтійскаго флота, а по послѣднимъ свѣдѣніямъ уже является командующимъ этого флота. Наиболѣе яркими представителями новой смѣны изъ красн. ком-ровъ являются выше отмѣченный **М. А. Крупскій**, который окончилъ при большевикахъ В.-М. Инж. Училище и В.-М. Академію и сталъ специалистомъ по радіотехникѣ, затѣмъ **И. Н. Колбинъ**, специализировавшійся по метеорологіи и **Н. И. Чулковъ**, у котораго, какъ пишутъ большевики, отецъ умеръ еще до его рожденія, а мать ушла на заработки, бросивъ сына въ чужой семьѣ. Съ 11 лѣтъ онъ работаетъ подмастерьемъ, въ гражданской войнѣ отмораживаетъ ноги, въ 1922 году попадаетъ въ водолазную школу, оттуда на подгот. курсъ в.-м. училища, которое черезъ пять лѣтъ оканчиваетъ, плаваетъ, затѣмъ въ три года оканчиваетъ академію, а съ 1936 года становится адъюнктомъ академіи по кафедрѣ в.-м. исторіи. **Э. Келле** и **Б. А. Денисовъ**, очевидно, пробилась въ адъюнкты академіи изъ матросовъ или изъ кондукторовъ. Первый работаетъ по кафедрѣ тактики подв. лодокъ, а второй по минамъ загражденія. Неизвѣстно, къ какой группѣ слѣдуетъ причислить доц. **С. Э. Столярскаго**, б. пом. штурм. на «Ярославнѣ» («Воровскій») во время ея перехода на Дальній Востокъ, а затѣмъ специализировавшагося по морской авіаціи, **В. Ф. Чернышева**, автора ряда статей по тактическимъ расчетамъ и по использованію торпедныхъ катеровъ, **Вс. А. Березкина**, работающаго по гидрографіи сѣверныхъ морей, **В. Петровскаго**, состоящаго при кафедрѣ оперативнаго искусства и стратегіи, **И. В. Харитоновъ** по двигателямъ внутр. сгорания, руководителей **Гастева**, **Антонова**, **Туркова**, **Максименко** и др.

Но основнымъ кадромъ педагоговъ академіи являются по-прежнему старые офицеры, возглавляющіе почти всѣ ведущія дисциплины и составляющіе большинство и среди молодыхъ кандидатовъ профессорскаго званія. Имъ большевики могутъ быть благодарны за военно-морскую и техническую подготовку личнаго состава краснаго флота. Если эта подготовка не на высотѣ, то виной тому не отмѣченные въ статьѣ старые офицеры, а отсутствіе элементарной грамотности и культурности у ихъ учениковъ.

Инж. **Г. Александровскій**.

P. S. Интересующихся учебной основой в.-м. академіи отсылаемъ къ нашей статьѣ въ № 110-111 „Часового“. Г. А.

Письмо въ Редакцію.

Глубокоуважаемый Михаилъ Сергѣевичъ.

Сердечныя и прочувствованныя слова, напечатанныя въ Вашемъ „Морскомъ Журналѣ“, которыми Вы почтили, отъ имени всей морской семьи, память скончавшагося Вильгельма Михайловича Линденъ, и выразили теплое сочувствіе его семьѣ, глубоко тронули его дѣтей и внуковъ.

Позвольте выразить Вамъ и черезъ посредство „Морского Журнала“ — всей морской семьѣ, которую Вашъ журналъ объединяетъ, нашу глубокую благодарность.

Искренно уважающіе Васъ и признательные

дѣти и внучки покойнаго.

Петръ Линденъ.

7, rue du Dodropol, Paris-17.

Памяти В. М. Линдена.

30 октября 1937 года скончался въ Парижѣ въ преклонномъ возрастѣ, на 95-мъ году, Флота генераль-лейтенантъ въ отставкѣ Вильгельмъ Михайловичъ Линденъ, старѣйшій по возрасту офицеръ Россійскаго Военнаго Флота.

Благодаря свѣтлому уму и необыкновенной памяти, которые В. М. сохранилъ до конца своей жизни, онъ являлся живой лѣтописью Флота за три послѣднихъ царствованія; В. М. пользовался трогательной любовью и уваженіемъ товарищей, цѣнившихъ его ясный умъ, вѣрность традиціямъ Флота, доброту и то душевное обаяніе, которымъ онъ отличался во время долгаго жизненнаго пути, посвященнаго Флоту и морскому дѣлу.

Вильгельмъ Михайловичъ родился 5/17 марта 1843 г. въ Иркутскѣ, гдѣ отецъ его, бывшій морской офицеръ, былъ въ то время директоромъ Иркутской гимназіи.

Вскорѣ послѣ рожденія сына, отецъ В. М-ча вышелъ въ отставку и поселился со своей многочисленной семьей въ деревнѣ, на Волини, гдѣ и протекло дѣтство В. М. до поступленія въ Корпусъ.

Тринадцатилѣтнимъ мальчикомъ, 5 октября 1856 года, В. М. поступилъ въ Морской Корпусъ. Гардемариномъ В. М. плавалъ на трехдечномъ кораблѣ «Прохоръ». Въ 1861 г. В. М. получаетъ первую награду: серебряныя часы съ надписью «Унтеръ-офицеру Вильгельму Линденъ за отличные успѣхи въ наукахъ», пожалованные за образцовое веденіе журнала по морскому дѣлу въ теченіе лѣтняго плаванія.

Въ 1862 году В. М. окончилъ Корпусъ первымъ въ выпускѣ и 8 апрѣля произведенъ въ корабельные гардемаринны. Въ томъ же 1862 году кор. гард. Линденъ отправился въ первое заграничное плаваніе на клиперѣ «Алмазь» подъ командой

кап.-лейт. Павла Алексѣевича Зеленаго. Клиперъ стоялъ въ Англіи, въ ремонтѣ, когда, въ 1863 году былъ отозванъ обратно для включенія въ составъ эскадры адмирала Лесовскаго, которая была весною того же года послана Императоромъ Александромъ II къ берегамъ Америки, какъ знакъ моральной поддержки Сѣвернымъ Штатамъ въ ихъ борьбѣ за освобожденіе невольниковъ. Это были самые тяжелые дни гражданской войны для Сѣверо-Американской республики. Англійское правительство открыто поддерживало южанъ. Одновременно Англія вмѣшивалась въ русскія дѣла, агрессивно выступая въ пользу повстанческаго движенія въ Польшѣ. Поэтому посылка эскадры имѣла вторую болѣе важную цѣль: создать угрозу морскимъ коммерческимъ сообщеніямъ англичанъ. Эти смѣлыя и энергичныя дѣйствія Россійскаго правительства достигли цѣли — вмѣшательство англичанъ прекратилось.

Въ лицѣ В. М. сошелъ въ могилу послѣдній офицеръ — участникъ этого историческаго похода.

«Алмазь», на которомъ плавалъ В. М., передъ походомъ въ Америку нѣкоторое время несъ патрульную службу вдоль береговъ Курляндіи для воспрепятствованія ввоза оружія польскимъ повстанцамъ и ожидавшейся высадки добровольцевъ изъ Даніи. Въ память этого крейсерства В. М. получилъ бронзовую медаль «За усмиреніе польскаго мятежа 1863-1864».

Переходъ къ берегамъ Америки «Алмазь» совершилъ въ отдѣльномъ плаваніи, прибывъ въ Нью-Йоркъ на 69-й день. В. М. сохранилъ въ памяти живую картину отошедшихъ въ далекое прошлое условій этого исключительнаго паруснаго плаванія и восторженный пріемъ, оказанный русскимъ морякамъ населеніемъ и властями США.

18 іюня 1864 года В. М. былъ произведенъ въ мичманы и, оставаясь на томъ же «Алмазѣ», совершилъ плаваніе изъ Сѣв. Америки въ Ріо-де-Жанейро и оттуда въ Средиземное море, гдѣ клиперъ получилъ назначеніе сопровождать, въ качествѣ конвоира, фрегатъ «Александръ Невскій», на которомъ перевозилось тѣло Наслѣдника Престола, скончавшагося въ Ниццѣ. По возвращеніи изъ заграничнаго плаванія, въ 1866 году, В. М. былъ свидѣтелемъ прибытія въ Коонштадтъ американскаго монитора «Міантономъ» съ письмомъ отъ президента США къ Государю Императору Александру II съ изъявленіемъ благодарности по случаю поддержки Соединенныхъ Штатовъ посылкой русскихъ эскадръ во время гражданской войны. По этому случаю В. М. напечаталъ интересную брошюрку съ описаніемъ монитора. Это было первое выступленіе В. М. въ печати. Въ 1866 году В. М. поступилъ и 4 ноября 1868 года окончилъ «Академическій Курсъ Морскихъ Наукъ» по Гидрографическому Отдѣленію, 4-мъ въ своемъ выпускѣ.

1 января 1868 года В. М. произведенъ въ лейтенанты и осенью 1869 года опять попадаетъ въ заграничное плаваніе на корветѣ «Бояринъ» подъ командой к2р. Сѣркова, въ отрядѣ к1р. Константина Павловича Пилкина (участника обороны Петропавловска въ 1854 году, впослѣдствіи извѣстнаго адмирала).

Плаваніе это, во время котораго «Бояринъ», обогнувъ мысь Доброй Надежды, посѣтилъ Австралію, Тасманію и острова Тихаго океана (Соломоновы, Фиджи и Самоа), дало интересный матеріалъ для очень живыхъ и въ то же время обстоятельныхъ очерковъ, написанныхъ В. М. и напечатанныхъ подъ заглавіемъ «Въ Тихомъ океанѣ» въ іюльскомъ номерѣ «Вѣстника Европы» за 1871 годъ. Эта книга чудомъ нашлась въ Парижѣ и теперь, какъ реликвія, хранится въ семьѣ В. М.

Продолжая плаваніе, «Бояринъ» прибылъ въ 1870 году въ Японію, въ разгаръ франко-прусской войны; затѣмъ онъ въ 1871 г. посѣщаетъ Владивостокъ и оттуда совершаетъ, конечно, подъ парусами, переходъ въ Санъ-Франциско съ заходомъ на Сандвичевы острова. По возвращеніи въ Японію, В. М. былъ опять переведенъ на клиперъ «Алмазъ», находившійся тогда подъ командой к2р. Владиміра Николаевича Брылкина (впослѣдствіи коменданта Кронштадтской крѣпости). В. М. сохранилъ о немъ память, какъ о лихомъ офицерѣ, носившемъ всегда большую парусность.

Просвѣтительная эпоха, когда Генераль-Адмиралъ Константинъ Николаевичъ сдѣлалъ такъ много для образованія моряковъ, отразилась на складѣ характера В. М. Обогащаясь впечатлѣніями кругосвѣтнаго плаванія, В. М. въ длинные и подчасъ однообразные парусные переходы, неустанно работалъ надъ самообразованіемъ и основательно усвоилъ англійскій языкъ. Въ то же время В. М. регулярно посылалъ статьи въ «Кронштадтскій Вѣстникъ», сообщая результаты своихъ метеорологическихъ наблюденій.

Вернувшись въ 1872 году изъ плаванія, В. М. служилъ короткое время Отдѣленнымъ Начальникомъ Морского Училища.

7 января 1873 г. В. М. женился на Вѣрѣ Семеновнѣ Каврайской. Бракъ этотъ былъ благословленъ семью дѣтьми, изъ коихъ пятеро живы и понынѣ.

Въ томъ же 1873 году, черезъ мѣсяць послѣ брака, В. М. съ молодой женой покидаетъ Россію на долгіе годы, получивъ лестное для молодого офицера назначеніе въ Парижъ: состоять при Свиты Его Величества контръ-адмиралъ И. Ф. Лихачевъ, бывшемъ въ то время военно-морскимъ агентомъ во Франціи и Англійи. Это была переходная эпоха, когда военные флоты всего міра преобразались, переходя отъ парусовъ къ машинѣ, отъ деревяннаго судостроенія къ желѣзному, когда артиллерія получила совершенно новый характеръ, благодаря развитію тех-

ники, и начали появляться скорострѣльные пушки, броня и тараны на судахъ и, наконецъ, новое морское оружіе — мина Уайтхеда. Русскій флотъ не могъ отставать отъ иностранныхъ, и на адмирала Лихачева и его помощника легла отвѣтственная и обширная задача слѣдить за этими совершенствованіями, держать въ курсѣ Морское Вѣдомство и участвовать въ наблюдении за тѣми морскими заказами, которые, за недостаткомъ верфей и заводовъ въ Россіи, приходилось дѣлать за границей. Въ эту огромную работу В. М. ушелъ всецѣло, состоя сначала помощникомъ адм. Лихачева, а затѣмъ, съ февраля 1875 года, въ составѣ лондонскаго агентства и, наконецъ, съ 1876 года, будучи еще въ чинѣ лейтенанта, самостоятельнымъ морскимъ агентомъ въ Лондонѣ. 1 января 1878 г. В. М. былъ произведенъ въ капитанъ-лейтенанты. Въ Лондонѣ, вынося на собственныхъ плечахъ всю огромную и отвѣтственную работу, В. М. ревностно послужилъ родному флоту на этомъ почетномъ посту почти 10 лѣтъ — до конца 1885 г., когда необходимость дать русское образованіе подраставшимъ дѣтямъ заставила его вернуться въ Россію.

26 февраля 1885 г. В. М. былъ произведенъ въ капитаны 2 ранга. 1 января 1886 г. В. М. назначенъ и. д. старшаго помощника Капитана надъ Николаевскимъ портомъ, гдѣ въ то время строился новый Черноморскій флотъ и въ присутствіи Императора Александра III былъ спущенъ на воду броненосецъ «Императрица Екатерина II». Но черезъ годъ сфера дѣятельности В. М. совершенно измѣнилась: адмиралъ Жандръ, одинъ изъ создателей пароходства «Кавказъ и Меркурій», этого піонера сообщеній по Каспійскому морю, пригласилъ В. М. быть помощникомъ управляющаго пароходствомъ.

27 апрѣля 1887 г. В. М. выходитъ въ отставку съ чиномъ капитана 1 ранга, мундиромъ и пенсіей, и переселяется въ Астрахань, гдѣ основательно ознакомился съ новой для него коммерческой стороною морского дѣла.

Пять лѣтъ спустя, покинувъ службу въ Обществѣ, В. М. 3 февраля 1892 г. опредѣляется на службу прежнимъ чиномъ капитана 2 ранга съ зачисленіемъ по Флоту и 17 февраля того же года уволенъ для службы въ Добровольный Флотъ съ назначеніемъ Инспекторомъ сего Флота. Флотъ этотъ, основанный въ 1878 году на добровольныя пожертвованія съ тѣмъ, чтобы въ мирное время совершать коммерческія операціи, а въ военное — нести крейсерскую и транспортную службу, состоялъ въ 1892 году изъ десятка судовъ, поддерживавшихъ сообщенія между Одессой и Владивостокомъ съ заходами въ попутные порты за грузами, и перевозившихъ, кромѣ грузовъ, и классныхъ пассажировъ, войсковыя части и переселенцевъ.

Въ это время проектировался Великій Сибирскій путь, и

скоро на Добровольный Флот легла задача перебросить во Владивостокъ и Портъ-Артуръ огромныя массы желѣзнодорожнаго и военнаго матеріала. Испрошены были кредиты на увеличеніе Флота, и В. М., благодаря техническому опыту, пріобрѣтенному въ Англіи, могъ поставить дѣло заказа новыхъ судовъ на образцовую высоту. В. М. лично составлялъ спецификаціи этихъ судовъ, заботился о введеніи на нихъ всѣхъ современныхъ усовершенствованій, ѣздилъ на ихъ испытанія и пріемку въ Англію и въ то же время велъ огромную техническую, коммерческую и административную работу, связанную съ разросшимся Флотомъ. За 15 лѣтъ работы В. М. въ Добровольномъ Флотѣ, дѣятельность этого Флота разрослась неузнаваемо: открылись многія новыя линіи по всему побережью Сибири и Флотъ разросся до 37 судовъ, среди коихъ были пароходы крейсерскаго типа, снабженные водотрубными котлами, достигая скорости 20 узловъ.

Выдающаяся дѣятельность В. М. была не только по заслугамъ оцѣнена въ Россіи всѣми, имѣвшими съ нимъ соприкосновеніе, — она не осталась безъ отклика и за границей: на страницахъ „Engineering“ того времени находимъ лестную статью о проявленной В. М. инициативѣ и компетентности при постройкѣ судовъ въ Англіи. Въ теченіе службы въ Д. Ф. В. М. привлекался во всѣ важныя комиссіи, занимавшіяся разработкою различныхъ вопросовъ по торговому мореплаванію.

28 марта 1893 г. В. М. былъ переименованъ въ подполковники по Адмиралтейству, съ производствомъ за отличіе по службѣ въ полковники. 6 декабря 1898 г. В. М. было объявлено Монаршее благоволеніе за успѣшную перевозку войскъ изъ Приамурскаго Края въ Портъ-Артуръ, а 1 апрѣля 1901 г. В. М. былъ произведенъ въ генераль-майоры.

30 апрѣля 1907 г., 64 лѣтъ отъ роду, В. М. Высочайшимъ приказомъ былъ произведенъ въ генераль-лейтенанты съ увольненіемъ отъ службы съ мундиромъ и пенсіей.

В. М. имѣлъ всѣ Россійскіе ордена до Анны I степени включительно.

Выйдя въ отставку, В. М. продолжалъ интересоваться морскимъ дѣломъ, участвуя въ работѣ РОПИТ-а и Общества «Кавказъ и Меркурій»; онъ прожилъ въ Петербургѣ еще года четыре, а затѣмъ по состоянію здоровья переѣхалъ въ Крымъ.

Въ 1917 году скончалась его вѣрная и преданная подруга жизни, Вѣра Семеновна, съ которой В. М. прожилъ въ мирѣ и согласіи и взаимномъ уваженіи 45 лѣтъ.

В. М. пришлось пережить въ Крыму два нашествія большевиковъ, и въ іюль 1920 года ему удалось выѣхать въ Константинополь, гдѣ онъ и прожилъ у сына до января 1922 г. Изъ Константинополя В. М. выѣхалъ въ сопровожденіи дочери

сначала во Францію, а затѣмъ въ Висбаденъ и Майнцъ, гдѣ прожилъ при дочери около 8 лѣтъ. Съ эвакуаціей Ренаніи французами, въ маѣ 1930 г., В. М. переѣхалъ въ Парижъ, гдѣ къ тому времени собрались всѣ его дѣти. Здѣсь протекли его послѣдніе дни. Но и въ эти послѣдніе годы живость ума и потребность дѣятельности не покинули В. М., о чемъ свидѣлствуютъ его близкое участіе въ жизни морскихъ организацій, а равно и статьи, воспоминанія и рассказы, которые по временамъ появлялись въ печати.

Въ отношеніяхъ своихъ къ людямъ В. М. являлъ всю свою жизнь примѣръ большой доброты и благожелательности; онъ былъ очень скромный и очень простъ въ обращеніи; онъ живо интересовался всѣмъ окружающимъ, дѣтей же своихъ любилъ горячо и самоотверженно, оставаясь ихъ самымъ близкимъ другомъ до конца.

Послѣдніе годы своей жизни В. М. страдалъ каттаромъ дыхательныхъ путей, неоднократно обострившимся до частичнаго воспаленія легкихъ. Благодаря своему необыкновенно крѣпкому организму, В. М. благополучно справлялся съ этими вспышками. Предпослѣдняя болѣзнь его была въ іюль 1937 г., онъ и на этотъ разъ съ ней благополучно справился, но по выздоровленіи состояніе его не вполнѣ возстановилось, силы, повидимому, ослабѣли и когда онъ вновь заболѣлъ въ концѣ сентября, то ихъ уже было, надо думать, недостаточно, чтобы справиться съ болѣзью. Онъ проболѣлъ весь октябрь и въ субботу 30 октября въ два часа дня его не стало...

Кончилась зѣмная жизнь Человѣка, до послѣднихъ дней своихъ продолжавшаго интересоваться происходящимъ въ мірѣ, и Моряка, за нѣсколько часовъ до кончины спрашивающаго у близкихъ — «Кто сегодня на вахтѣ», т. е. чья очередь дежурить у его койки. Со спокойной совѣстью предстанетъ онъ предъ Престоломъ Всевышняго, ибо добрыя дѣла его будутъ говорить за него.

Спи спокойно, дорогой Вильгельмъ Михайловичъ, въ чужой землѣ — твой благородный обликъ сохранимъ мы въ нашихъ русскихъ сердцахъ!..

Памяти незабвеннаго В. М. Линденъ.

Лѣтнюю кадетскую кампанію 1901 года я совершилъ на кр. 1 р. «Генераль-Адмираль» (флагъ к.-а. Доможирова, к-ръ к1р. Мордовинъ, ст. офицеръ лейт. Вл. Евд. Дмитріевъ). Какъ то, во время стоянки въ Гельсингфорсѣ, будучи вахтеннымъ кадетомъ, я встрѣтилъ у трапа поднявшагося съ подошедшей частной шляпки почтеннаго и уже пожилого офицера во флотскомъ кителѣ съ генеральскими погонами. Это была моя

первая встрѣча съ В. М. Линденъ, пріѣхавшимъ навѣстить своего сына, Петра В-ча, бывшего тогда въ мичманскомъ чинѣ вахтеннымъ начальникомъ у насъ на крейсерѣ. И только 30 лѣтъ спустя, уже въ Парижѣ, мнѣ было суждено познакомиться съ В. М., когда по избранію Пражской Каютъ-Компаніи я сталъ его замѣстителемъ въ Совѣтѣ Старѣйшинъ ВОМО. Предшествовавшая служба и дѣятельность флота генерала Линдена была настолько на виду, что я, конечно, о ней слышалъ, но до знакомства съ нимъ я не представлялъ себѣ, сколь интереснымъ, всесторонне-образованнымъ и на рѣдкость сердечнымъ и симпатичнымъ человекомъ является этотъ старѣйшій офицеръ нашего флота. Не было вопроса по морской спеціальности, о которомъ онъ не имѣлъ бы яснаго представленія, не было темы морского, политическаго или историческаго содержанія, которой бы онъ не интересовался. Онъ исправно, насколько позволяло здоровье, предсѣдательствовалъ на традиціонномъ морскомъ обѣдѣ, посѣщаль собранія, гдѣ обсуждались морскіе вопросы, и не разъ бывало, что самое вѣрное, наиболѣе существенное замѣчаніе исходило именно отъ него.

Онъ много читалъ на нѣсколькихъ языкахъ, дѣлалъ переводы, писалъ статьи и внимательно слѣдилъ за всѣми нововведеніями и усовершенствованіями.

Въ сентябрѣ с. г., во время моей недавней побывки въ Парижѣ, онъ дѣлился со мной своими впечатлѣніями о выставкѣ и высказывалъ мысль, что слѣдовало бы перевести на иностранные языки выводы изъ книги проф. А. Н. Крылова, просмотрѣнной имъ на книжной полкѣ совѣтскаго павильона.

Разсѣянная по всему міру морская семья понесла горестную утрату, но память объ ушедшемъ Вильгельмѣ Михайловичѣ будетъ долго и свято храниться въ ея средѣ.

М. Казиміровъ.

Памяти старшаго лейтенанта В. М. Марченко.

Въ сентябрѣ с. г. геройски погибъ на испанскомъ фронтѣ старшій лейтенантъ В. М. Марченко. Зная Всеволода Михайловича съ первыхъ шаговъ его службы въ Черномъ морѣ, горячо оплакиваю его кончину. В. М. Марченко былъ рѣдкій во всѣхъ отношеніяхъ морской офицеръ и летчикъ, и гибель его большая потеря для нашего флота и Россіи.

Миръ праху моего дорогого и незабвеннаго сослуживца и друга, о которомъ всегда буду хранить свѣтлую память, какъ объ истинномъ патриотѣ и доблестномъ офицерѣ.

Семью покойнаго прошу принять мое искреннее и сердечное соболѣзнованіе въ постигшемъ ихъ горѣ.

Кап. 1 р. **Мордвиновъ.**

Усопшіе.

— Еще одного нѣтъ болѣе среди насъ. Въ неравномъ воздушномъ бою въ Испаніи, 17 сентября с. г., погибъ нашъ дорогой однокашникъ Всеволодъ Марченко. Кто знаетъ, можетъ быть, красный аппаратъ, сбившій его, управлялся также русскимъ и погибъ нашъ однокашникъ отъ братской руки.

Еще въ Корпусѣ Всеволодъ интересовался авіаціей и мечталъ сдѣлаться летчикомъ. Выйдя въ Черное море, онъ, прослуживъ самый короткій срокъ на морѣ, перешелъ въ морскую авіацію, гдѣ скоро заслужилъ репутацію знающаго и спокойнаго летчика, не теряющагося ни при какихъ обстоятельствахъ. Эти его качества послужили причиной назначенія его во время Великой войны начальникомъ отряда аппаратовъ, съ которыми онъ доблестно несъ службу въ составѣ гидроавіаціи Чернаго моря.

За свои боевыя заслуги В. М. былъ, кромѣ всѣхъ боевыхъ орденовъ, награжденъ еще и Георгіевскимъ оружіемъ.

Послѣ эвакуаціи онъ совмѣстно съ Рагозинымъ и Крыгинымъ уѣхалъ въ Испанію, но, пробывъ недолго въ Иностранномъ Легіонѣ, перешелъ въ гражданскую авіацію и, какъ одинъ изъ лучшихъ летчиковъ, былъ на линіи Мадридъ-Парижъ и Мадридъ-Берлинъ. Вернувшись въ Мадридъ изъ очередного полета и не зная еще о національной революціи, онъ попалъ во власть красныхъ, былъ лишенъ права летать и арестованъ. Только лѣтомъ этого года ему удалось бѣжать во Францію въ Байонну. Казалось бы, что мѣшало ему уѣхать къ своей семьѣ въ Югославію? Нѣтъ, долгъ чести къ пріютившей его странѣ не позволилъ ему поступить такъ и онъ отправился къ ген. Франко и тамъ погибъ съ честью, жизнью своей отдавъ свой долгъ. Мы оплакиваемъ тебя, дорогой Всеволодъ, но мы гордимся тобой: ты до конца высоко несъ знамя чести офицера Россійскаго Императорскаго Флота и долгъ свой ставилъ выше жизни. Спи же, дорогой Всеволодъ, спокойно въ землѣ, ставшей тебѣ второй родиной, — ты исполнилъ завѣтъ: «Блаженъ, кто душу свою положить за други своя». **Ф. Пелль.**

—•—

— 22 декабря на 78 году жизни тихо скончался предсѣдатель группы морскихъ офицеровъ въ Копенгагенѣ, отст. к2р. Гвардейскаго экипажа **Александръ Александровичъ Папаригопуло**. По окончаніи юнкерскихъ классовъ Черноморскаго флота, покойный въ 1882 году былъ произведенъ въ мичманы. Въ 1884-87 гг. совершилъ кругосвѣтное плаваніе на клиперѣ

«Джигитъ». Затѣмъ былъ переведенъ въ Гвардейскій экипажъ и въ 1897 г. вышелъ въ отставку капитаномъ 2 ранга съ мундиромъ. Въ 1920 г. покойному удалось бѣжать изъ Петербурга и онъ поселился въ Копенгагенѣ. Это былъ обаятельный, сердечный и доброжелательный человѣкъ, къ которому вся морская семья относилась съ большой любовью. Несмотря на годы, покойный живо интересовался жизнью морской семьи въ эмиграціи и былъ аккуратнымъ подписчикомъ «Мор. Журн.».

Погребеніе состоялось въ Копенгагенѣ на русскомъ кладбищѣ.

Н. Фогель.

— — —

— 29 августа скончался въ г. Бургасѣ (Болгарія) и тамъ же погребенъ **А. К. Тимротъ**. Окончивъ Морское училище въ 1887 году, А. К. совершаетъ рядъ кругосвѣтныхъ плаваний и прикомандировывается къ иркутскому генераль-губернатору наладить доставку матеріаловъ для постройки Сибирской жел. дороги, откуда переходитъ инспекторомъ въ «О-во Черном.-дунайскаго пароходства» и, съ выкупомъ пароходства въ казну, назначается управляющимъ этимъ новымъ видомъ государственнаго хозяйства, дѣйствующаго и работающаго на полныхъ коммерческихъ основаніяхъ (въ 1903 году — «Русское Дунайское Пароходство»). Перейдя директоромъ въ «Сѣверное пароходство», А. К. приглашается директоромъ въ «Русское Общество Пароходства и Торговли» (РОПИТЪ), откуда переходитъ опять въ Петербургъ членомъ правленія нѣсколькихъ пароходныхъ обществъ и членомъ совѣта торговаго мореплаванія. Послѣ эвакуаціи, приказомъ ген. Врангеля назначается членомъ правленія «Русскаго Дунайскаго Пароходства». Обладая большой выдержкой, чрезвычайной работоспособностью, будучи отличнымъ морякомъ, всесторонне образованнымъ и свободно владѣя англійскимъ, нѣмецкимъ, французскимъ и шведскимъ языками, покойный былъ однимъ изъ очень немногихъ, знавшихъ морское коммерческое хозяйство и понимавшихъ задачи Россіи въ дѣлѣ морскихъ пароходныхъ сообщеній внутри и особенно съ «за-границей». Въ эмиграціи покойный неустанно мечталъ о возвращеніи въ горячо имъ любимую Россію. Миръ праху твоему, вѣрный сынъ нашей дорогой Родины.

М. П. Е.

— 14 декабря 1937 г. въ Русскомъ Домѣ въ S-ta Gèneviève des Bois скончался адмиралъ **Алексѣй Петровичъ Угрюмовъ**.

Отъ Совѣта Старѣйшинъ ВОМО.

Журналь засѣданія Совѣта Старѣйшинъ Всезарубежнаго Объединенія Русскихъ Морскихъ Организаций.

19 іюля 1937 года.

№ 61.

Предсѣдательствоваль: Адмираль Русинъ (3); присутствовали: Адмираль Муравьевъ (3), Контръ-Адмиралы: Остелецкій (1) и Шрамченко (2), Капитаны 1 ранга Потаповъ (1) и Соловьевъ (1), Капитанъ 2 ранга Романовъ (1) и полковникъ Хорошавинъ (1).

Слушали: Письма съ мѣстъ: 1) Редактора «Морского Журнала» (Прага), 2) изъ Алжира, 3) изъ Санъ-Франциско, 4) изъ Сеаттля — о постройкѣ храма, 5) изъ Шанхая.

Адмираль П. П. Муравьевъ, представитель Кають-Компаніи въ Шанхаѣ, ознакомилъ Совѣтъ Старѣйшинъ съ письмомъ Предсѣдателя Кають-Компаніи, въ которомъ содержится просьба дать совѣтъ по вопросу о томъ, слѣдуетъ ли считать членовъ партіи младороссовъ нежелательными въ составѣ морской организациі.

Постановили: Ознакомившись съ указаннымъ письмомъ капитана 1 ранга Крашенинникова, Совѣтъ Старѣйшинъ прежде всего считаетъ своимъ долгомъ указать, что морскія эмигрантскія объединенія являются національными, профессиональными и внѣпартійными организациями, стоящими внѣ политическихъ партій (параграфы 1 и 6 Устава ВОМО) и не могутъ быть членами мѣстныхъ морскихъ организаций лица, принадлежащія къ коммунистической организациі или къ какимъ либо ея развѣтвленіямъ (прим. въ пар. 34). Состояніе же въ другихъ политическихъ партіяхъ не можетъ служить, по мнѣнію Совѣта Старѣйшинъ, препятствіемъ къ вхожденію въ составъ морскихъ организаций.

Подлинный за надлежащими подписями.

Съ подлиннымъ вѣрно:

Генеральный Секретарь К2р. ф. Кубе.

— Русская книжная торговля и антикваріатъ —

Е. ПОДЫМОВА

Довоенная и послѣвоенная
литература

по минимальнымъ цѣнамъ.

E. Podymov. Praha-Smíchov, třída Svornosti č. 10. ČSR.

Кап. 2 р. Н. В. Саблинъ, Букарестъ.

ДЕКАБРЬ

340   6   25

ВОСКРЕСЕНІЕ

Св. Николая Мирликійскаго Чудотворца. Бл. Максима. — Чт. Тим. II-20 26. — Св. Николаю. — Утр. Іоан. X-9-16. — Рождественскій постъ—28-я седмица по Пятидесятницѣ.

Тезоименитство Благовѣрнаго Государя Императора Николая Александровича.

Праздники: 3-го Е. В. и 4-го Имп. фам. стр. п. п., Гвардейскаго Экипажа, Роты дворц. Гренадеръ, Гв. пол. жанд. эск., Соб. Е. И. В. ж.-д. п., Спб. Стол. Пол., Спб. Пожарной Команды.

6 ДЕКАБРЯ.

Завѣдующій строевою частью Гвардейскаго Экипажа, флигель-адъютантъ, капитанъ 2 ранга, Семень Семеновичъ Фабрицкій, съ фигурой крупной и представительной, сидитъ наканунѣ экипажнаго праздника за столомъ адъютанта,

и огдаетъ послѣднія приказанія ротнымъ командирамъ и всѣмъ 6 фельдфебелямъ батальона.

— Тебѣ, Сергѣй Викторовичъ, — обращается онъ къ командиру шефской роты, лейтенанту Мясоѣдову-Иванову, — „поручается завтра вести батальонъ въ Михайловскій манежъ. При ротамъ по одному младшему офицеру. Всѣмъ остальнымъ офицерамъ разрѣшается пріѣхать прямо въ манежъ. Линейныхъ на весь парадъ выставить отъ 3-ей роты. Понягн? Фельдфебелямъ идти съ ротами. Музыкѣ не играть. — Завѣдующій строевою частью обводитъ фельдфебелей стеклянными глазами. Всѣ эти шеврончики не въ первый разъ готовятся къ параду, и не въ первый разъ выдерживаютъ взглядъ стеклянныхъ глазъ. Они только мигаютъ, а фелдфебель 3-ей роты, Андрей Николаевичъ Храповъ, имѣющій за сверхсрочную службу все, что только можно имѣть, храбро говоритъ:

— Ефто какъ же безъ музыки-то? Въ праздникъ? И ефто какъ же мнѣ идтить съ ротой, когда отъ меня выставляемъ жолнеровъ на весь Высочайшій?

— Ну это ты, Андрей Николаичъ, какъ тамъ хочешь. Я приказаль! смѣясь заканчиваетъ собраніе Фабрицкій, и выходитъ изъ канцеляріи.

— Вотъ еще придумали: линейные! — Съ упоконъ вѣковъ были жаланеры. И чаво выдумали: „линейные на линію!“ Жаланеры были, съ императора Наполеонта. А таперича пошли линейные! ворчитъ Храповъ, помогая ротнымъ командирамъ одѣвать пальто.

***

Въ зимнемъ помѣщеніи каютъ-компаніи Экипажа происходитъ другое засѣданіе. Предсѣдательствуетъ старшина, капитанъ 1 ранга Санговичъ. Около него сидятъ двое другихъ старшинъ: адъютантъ Великаго Князя Александра Михайловича, капитанъ 1 ранга Фогель и адъютантъ

Великаго Князя Кирилла Владиміровича — князь Ширинскій-Шихматовъ. Кругомъ молодежь.

— И такъ, господа, меню утверждено. Генераль-адмиралу понравятся *cailles à la Princesse de Galles*. Насчетъ вечернихъ развлеченій — ты, княже, устроилъ?"

— Позвольте, господа, — вмѣшивается Фогель, — никакихъ перепелокъ теперь нѣтъ, наложить буфетчикъ обыкновенныхъ рябчиковъ, и будетъ скандалъ!

— Ну, Николай Федоровичъ, вѣдь не всѣ же такіе коннэсэры и гурманы, какъ ты. Даже если и подсунетъ Михаилъ Захарычъ рябцевъ, то зальетъ такимъ соусомъ, что и не разобрать будетъ!

— Программа послѣ ужина первый сортъ! Два англичанина, ужасные комики изъ Акваріума, будутъ изображать какихъ-то ословъ, въ шкурахъ, и съ лампочками подъ хвостами. Одна потѣха. Будутъ Шувалова, Буба Мирова. Для молодежи три французскихъ егозы изъ Буффа.

* * *

Днемъ въ ротахъ наводятъ чистоту и порядокъ. Драютъ пуговицы, раздають первосрочное обмундированіе, и голенища новыхъ сапогъ воняютъ на всѣ четыре этажа казармъ. Въ винтовки заводятъ новые бѣлые погонные сыромятные ремни, отъ чего духъ еще крѣпче. Офицеры свободны, занятій нѣтъ. Мы всѣ идемъ въ Экономическое Общество офицеровъ Гвардейскаго корпуса, что на Большой Конюшенной, покупать новые эполеты, шарфы, револьверные шнуры. Изъ экономки ѣдемъ пить чай въ Европейскую гостиницу. Музыканты въ красныхъ фракахъ встрѣчаютъ насъ маршемъ изъ Аиды. За столикомъ сидятъ уже Ширинскій-Шихматовъ, Мясоѣдовъ, Фогель.

— А не поѣхать ли намъ вечеромъ въ бани? Къ Воронину, въ Фонарный. Куда дѣгся передъ празникомъ?

Веселой компаней паримся мы въ квасномъ пару, клубами подъ потолкомъ. И когда выходимъ въ предбанную, банщики громко провожаютъ: „Староста.. принимай г.г. флотскихъ съ легкимъ паромъ... Вашъ Сіялость, не забудьте чайкомъ... Гаврила пятнадцатый... номеръ мой пятнадцатый“... Послѣ жару на полкахъ, всѣ пьютъ ледяное пиво Дурдина. Что за пиво было. Храбро-Василевскому мальчишка-казачекъ подносить бокаль прямо въ рукъ. Храбрый разсердился, напустился:

— Ты что, невѣжа, прямо въ рукахъ.. поднось надо!

— Какъ возможно, Вашъ благородь, подъ носъ!.. не извольте обижаться.. мы съ уваженіемъ!

* * *

Утро 6 Декабря чудное. Настоящія Царскія Именины Я веду третью роту. Фельдфебель Храповъ говоритъ мнѣ: „Ты, ужо, Вашъ Благородь Саблинъ третій, веди роту то одинъ, а я махну въ манежъ на конкѣ, поскорѣй: огъ насъ то жалнеровъ выставляемъ, надо присмотрѣть!“

Оркестръ, ярко блистая начищенной до золота мѣдью, идетъ съ батальономъ. Солнце вылазитъ красное, въ морозцѣ. Пройдя кварталъ, Мясоѣдовъ не выдерживаетъ, и гарцуя на чудесной рыжей кобылѣ изъ придворныхъ конюшенъ, приказываетъ: „старый Егерскій!“ Кругомъ оркестра сейчасъ же сбѣ аютъ мальчишки, няньки съ дѣтьми, собаки; а изъ кондитерской Иванова, что на углу Театральной площади и улицы Глинки, выскакиваютъ смазливья продавщицы, наши знакомыя и даже пріятельницы. Сколько недѣль въ году батальонъ учится передъ окнами кондитерской на этой площади. Гремить музыка по Большой Морской, на нарядномъ Невскомъ проспектѣ, и по Екатерининской улицѣ батальонъ сворачиваетъ въ Михайловскій манежъ. Двери его широко раскрыты, и изъ нихъ валитъ на морозный воздухъ синій туманъ. Какой просторъ этотъ манежъ.

И всегда въ немъ какой то гулъ. Окна запотѣли, а подь высокимъ потолкомъ виситъ изморозь. Батальонъ проходитъ въ глубину, заходитъ плечомъ, и выходитъ на линію „жалнеровъ“ Храпова, который весь внѣ себя: мѣловая нитка-канатъ плохо отбила линію и нашъ фронтъ на полъ шага впереди Императорскихъ стрѣлковъ. „Полъ шага не вывѣрили, собачьи дѣти, вотъ ужо покажу!“ — ворчитъ старый фронтовикъ, перебивая линію. Съ другого конца манежа входятъ жандармы и стрѣлки; мощные звуки хоровъ музыки мѣшаются, и эта какофонія какъ то ужасно празднична.

Черезъ десять минутъ все въ порядкѣ, шинели сняты, мундиры одернуты, перевязи перепоясаны, и опять отъ начищенныхъ сапогъ несетъ юфтью и смазкой, бьющими въ носъ, но пріятными.

Первыми отъ главнаго входа стоятъ дворцовые гренадеры, въ мохнатыхъ медвѣжьихъ шапкахъ, въ золотыхъ галунныхъ мундирахъ. Потомъ эскадронъ полевыхъ жандармовъ, удивительно красивыхъ и молодыхъ, въ голубыхъ колетахъ. Рядомъ — нашъ Экипажъ Сейчасъ же за музыкантами громадныя верзилы Царицыной роты. Георгіевскіе ленточки на шапкахъ и бѣлые пояса красиво разцвѣчиваютъ черныя мундиры матросовъ. За нами стоитъ 3-ій стрѣлковый полкъ, а дальше Императорскіе стрѣлки, въ чудесныхъ русскихъ кафтанахъ, въ малиновыхъ рубашкахъ и конфедераткахъ. Полкъ немногочисленный, подтянутъ до умопомраченія. Что то такое волнующее, русское, такое родное, эти русыя головы, эта удивительная форма, столь любимая Государемъ. Далѣе строгая ученая инженерная обмундировка желѣзно-дорожнаго Государева Полка, лихіе санктъ-петербургскіе городовые (какъ звучно это слово!) и кумовья-пожарные, въ блестящихъ каскахъ, съ топорами за широкими трехполосными поясами.

На серединѣ манежа — коверъ, и на немъ аналой въ золотомъ об-

Митроф., прот. о. Николай Кодратовъ въ сослуженіи съ діакономъ о. К. Портанскимъ.

лаченіи. Настоятель нашего Морского Николаевского Богоявленскаго Собора, митрофорный протоіерей отецъ Николай Кодратовъ стоитъ въ ок-

руженіи сомна духовенства другихъ празднующихъ частей. Пѣвческій хоръ школы юнговъ выстроенъ по голосамъ; мальчишки-дисканты впереди, басы прокашливаются сзади. Въ свитской ложѣ, рядомъ съ царской—дамы всѣхъ полковъ и частей—какой букетъ, какіе краски, воланы, эспри, мѣха!

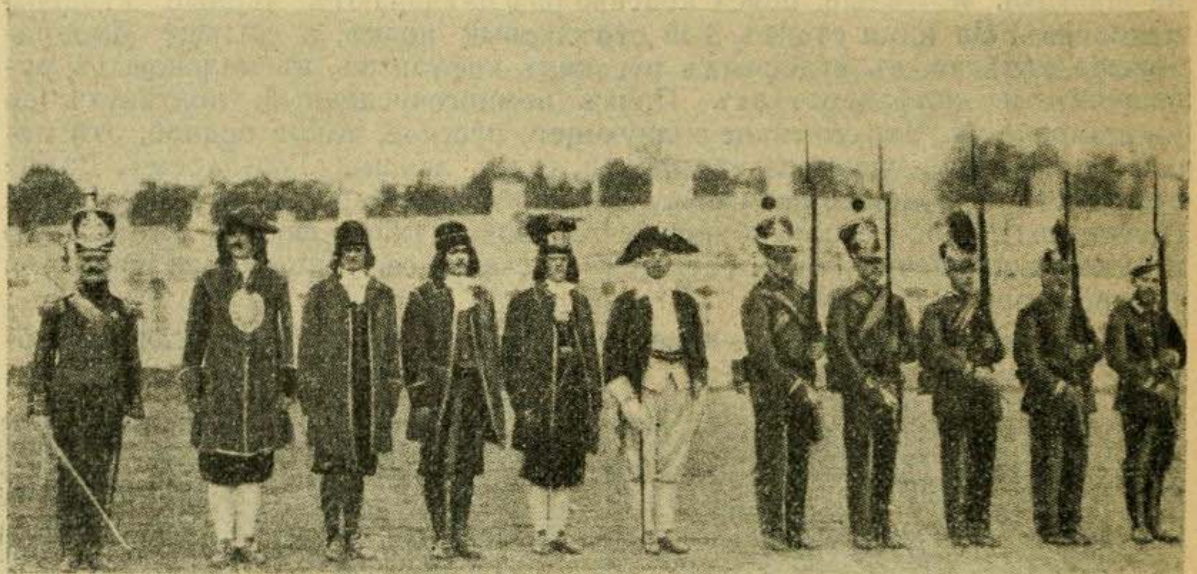
* * *

—Его Превосходительство, командиръ гвардейскаго к-о-р-п-у-с-а! —громко объявляетъ ординарецъ у дверей манежа, и всѣ пять тысячъ людей замираютъ. Старшій изъ начальниковъ, свиты контръ-адмиралъ Ниловъ, нашъ командиръ, командуетъ „Шай!.. на кра-уль!“

— Здорово старики! — радушно обращается Командиръ Корпуса къ Дворцовымъ гренадерамъ. — Съ праздникомъ!

— Здорово полевые голубые гвардейскіе жандармы! — любовно здоровается генералъ Даниловъ съ эскадрономъ.

— Здорово гвардейскіе моряки! Командиръ Корпуса невольно задерживается у правофланговаго батальона, красавца Петра Великова

Историческая шеренга Гвардейскаго Экипажа. Правофланговый въ формѣ времяя Петра Великаго—мастр. 1 ст. Петръ Великовъ.

Это дѣйствительно косая сажень, если такая человѣческая мѣра существовала. Музыка играетъ Николаевскую встрѣчу, генералъ продолжаетъ осмотръ.

Обходъ конченъ. Командиръ корпуса возвращается къ дверямъ манежа, гдѣ уже собрались министры, свита, начальствующія лица. Въ манежѣ тишина—только неясный гулъ и какое то праздничное настроеніе.

— Смирно!.. Полки, батальоны... команды!.. Шай!.. На кра-уль!.., командуетъ Даниловъ, и громадныя ворота манежа настезь открываются передъ Самодержцемъ Всероссійскимъ.

Государь Императоръ въ мундирѣ Гвардейскаго Экипажа. Что-то подкатываетъ къ горлу и предательская слеза туманитъ глаза.

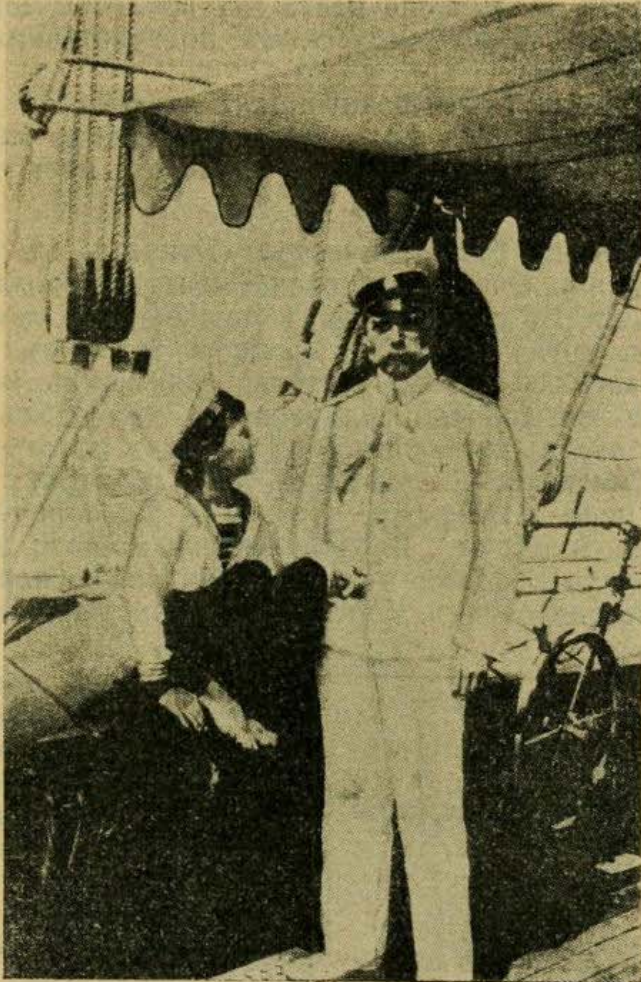
Какое обаяніе въ олицетвореніе царственности!

Почти всѣ офицеры Экипажа плаваютъ на царскихъ яхтахъ. Сколько разъ въ жизни мы имѣли счастье близко видѣть Государя Николая Александровича, и даже говорить съ Нимъ. А вотъ на смотрахъ, пара-

дахъ, волнуешься, возносишься горѣ. Нашъ соплаватель по Штандарту, нынѣ покойный инженеръ-механикъ Невяровскій, говорилъ: „А вѣдь нужно быть настоящей скотиной, чтобы не испытывать волненій при видѣ Государя!“ Какъ онъ былъ правъ!

Государь проходитъ по фронту празднующихъ частей, здороваясь съ каждой отдѣльно.

Начинается богослуженіе. Аналой стоитъ какъ разъ противъ Царской ложи, въ которой нашъ Августѣйшій Шефъ, Императрица Марія Феодоровна, Великія Княжны и Княгини, кавалерственныя дамы, во главѣ совдвой адмирала Макарова, К. Н. Макаровой, и фрейлины. И когда отличный хоръ школы юнговъ подаетъ въ пѣснопѣніяхъ мягко слышится эхо, отзывающееся въ лоджахъ и гро-

На Штандартѣ.

кая стальными лезвьями сабель, мягко лязгая желѣзными ножнами, плотно идутъ, какъ будто приклеившись другъ къ другу, полевые жандармы въ платиновыхъ каскахъ и голубыхъ мундирахъ. Кавалерія въ пѣшемъ строю всегда какъ-то отлична въ своихъ движеніяхъ отъ пѣхоты.

Вотъ и наша очередь. Нилъвъ помахиваетъ палашемъ, строго оглядывается, и ловитъ ногу. Я иду ассистентомъ слѣва при знамени. Нилъвъ мѣряетъ разстояніе, смотритъ на Государева линейнаго, батальонъ отбиваетъ шагъ на мѣстѣ... и вдругъ: „Прямо!“

Своднымъ оркестромъ дирижируетъ главный капельмейстеръ полковъ гвардіи, знаменитый придворный музыкантъ, Гуго Варлихъ. Онъ ловко переходитъ на стрѣлковый темпъ — 128 въ минуту, — и вотъ первая рота прошла, и мы слышимъ Высочайшую похвалу:

„Отлично.. молодцы!“

Выходятъ и другія роты, получая Царскую похвалу.

Второй церемоніаль по полуротно; тутъ нашему Экипажу трудно

мадной аркъ между ними. Молебень отслуженъ. Противъ лож выстраиваются оркестры Экипажа, стрѣлковых полковъ, и трубачи съ серебрянными георгиевскими трубами жандармскаго эскадрона. Церемониальный марш по взводно Дворцовые гренадеры, все старички идутъ съ трусцой, головы, въ громадныхъ медвѣжьихъ запахахъ, качаются не въ тактъ, но ногу ветераны держатъ отлично.

Съ особымъ шикомъ свер-

потому что, едва пройдя Государя, мы слышимъ музыку 132 въ минуту — это для Императорскихъ стрѣлковъ. держущихъ шагъ быстрѣ нашего — чисто стрѣлковый. Но Варлихъ ловко взвинчиваетъ тактъ — сколько парадовъ мы провели вмѣстѣ съ Императорскими стрѣлками!

Старшій кокъ Гвардейскаго Экипажа во всемъ бѣломъ выносить подносъ съ пробой. Государь, не торопясь, беретъ морскую чарку, зачерпываетъ „вина“ — изъ нашей каютъ-компанейской серебрянной енды — (гдѣ теперь въ изгнаніи найти эту прелесть, морскую чарочку!), и громкимъ голосомъ, такимъ отеческимъ, прочувственнымъ и сердечно-ласковымъ произноситъ:

— За здоровье всѣхъ празднующихъ частей!

Мощное „ура“ гремитъ подъ высокими сводами манежа, отдаваясь гдѣ то далеко гудящимъ титаническимъ гуломъ отъ пяти тысячъ человекъ.

* * *

Парадъ оконченъ. Его Величество уѣзжаетъ въ коляскѣ, поданной прямо въ манежъ. Опять „ура“ раскатывается и громыкаетъ по всему громадному манежу. Во дворѣ стоятъ придворныя линейки По десять человекъ, спинами другъ къ другу, офицеры ѣдутъ въ Зимній дворецъ на Высочайшій завтракъ. Длинные столы занимаютъ весь Георгіевскій залъ. Придворные музыканты въ красныхъ камзолахъ подстраиваютъ инструменты; на входныхъ хорахъ виденъ нашъ оркестръ.

Государь Императоръ входитъ въ зало подъ руку съ Императрицей Матерью, нашимъ Шефомъ. За ними Великія Княжны, Великія Княгини, Генераль-Адмиралъ, Великія Князья моряки; Александръ Михайловичъ. и Кириллъ Владиміровичъ, Великія Князья носящіе нашъ мундиръ: Михаилъ Александровичъ, Константинъ Константиновичъ и Димитрій Константиновичъ.

6		6
DÉCEMBRE		DÉCEMBRE
M E N U		
Tortue Claire. Crème de Pois Comtesse.		
Blanchailles au Naturel et à la Diable. Escalopes de Truites à la Valenciennes.		
Hanche de Venaison, Sauce Aigredoux. Jambon de Prague à la Montpensier.		
Poulardes et Ortolans sur Canapés. Salade de Coeurs de Romaines.		
Asperges d'Argenteuil. Sauce Mousseline.		
Pêches à la Reine Alexandra. Pâtisseries Fondantes.		
Cassolettes à l'Armenonville.		
Paniers de Glacés à la Napolitaine. Bonbonnières.		

Государь пьетъ за здоровье частей, Министръ двора, высоко — торжественно и строго этикетно произноситъ тостъ за Его Императорское Величество, Августѣйшаго Имянинника. Оглушительное ура долго не смолкаетъ въ Георгіевскомъ Екатерины II Залѣ. Государь обходитъ группы офицеровъ каждой части милостиво разговариваетъ; Его великодушія и доброты этихъ удивительныхъ глазъ Царя Великому-ченника, не забыть до конца жизни.

* * *

Уже 4 часа дня. Надо поспать, вечеромъ въ десять часовъ въ зимній каютъ-компаніи экипажескій ужинъ. Послѣ него серкль въ присутствіи Высочайшихъ особъ, и потомъ варьетѣ съ акваріумскими англичанами, пѣвицами, и французскими демуазель-стрекозами.

Подъѣздъ каютъ-компаніи затянутъ пестрыми полотнищами и городовые суетятся, разстанавливая автомобили и кареты.

Всѣ офицеры стоятъ въ билліардной во фронтѣ. На флангѣ Великіе Князья. Въ передней вѣстовыми завѣдуетъ фельдфебель Андрей Николаевичъ Храповъ. Онъ принимаетъ съ плечъ николаевскую шинель генераль-адмирала Алексѣя Александровича, бывшего столько лѣтъ командиромъ Экипажа.

— Почитай свыше тридцать годовъ вотъ служу въ нашъ праздникъ Его Высочеству Великому Князю. Совсѣмъ молодымъ зналъ, сколько плавали, а вотъ нонѣ и Онѣ-съ въ годахъ! Да-съ! — шамкаетъ старый служака, поглаживая бородку клиномъ.

— Ихъ Императорское Высочество, Генераль-Адмираль!" — громко кричитъ въ билліардную Храповъ. Музыка схватываетъ встрѣчу экипажа.

Генераль-Адмираль богатырская фигура. Мы всѣ въ тѣ года носили уже сюртуки длинные, ниже колѣнъ. Великій Князь вѣренъ модѣ генераль-адмирала Константина Константиновича: сюртукъ у него много выше колѣнъ.

Командиръ экипажа рапортуетъ. Алексѣй Александровичъ обходитъ фронт, каждому крепко жметъ руку, всматривается въ лица. Старшихъ офицеровъ помнигъ еще со временъ командованія экипажемъ.

***

Во время мя ужина, адъютантъ читаетъ безконечныя поздравле-

ять круглые столики, всѣ усѣлись, подаютъ кофеи. Черезъ нѣсколько минутъ офиціальная часть праздника кончается, молодежь уже шумитъ, всѣ бѣгаютъ въ громадную комнату дежурнаго офицера. гдѣ устроена артистическая. Люстры тухнуть и въ полумракѣ боковыхъ бра, въ глубинѣ зала, появляются два уморительныхъ осла. Они привѣтливо раскладываются, одинъ спрашиваетъ:

— How do you do?

А другой махаетъ хвостомъ: — „ни такъ, — ни сякъ!“

Поетъ Шувалова, прелестная дива; выступаетъ въ русскихъ пѣс-

*Е. И. В. Генераль-Адмираль
Алексѣй Александровичъ.*

ня отъ флота, съ плавающихъ судовъ, отъ всѣхъ гвардейскихъ полковъ, отъ бывшихъ служившихъ въ Экипажѣ.

Начинаются тосты...

Ужинъ оконченъ. Столы убраны, и въ углу устанавливаются громадную серебрянную братину — ладью, подарокъ генераль-адмирала каютъ-компаніи.

Бывшій офицеръ экипажа М. М. Веселкинъ закатавъ рукава сюртука, начинаетъ варить жженку. Большой специалистъ былъ по этой части. Передъ каминомъ сто-

няхъ Буба Мирова, и парижскія егозы на радость мичманамъ вносятъ монмартговскую струйку парижскаго веселья въ строгія стѣны столоваго зала зимней каютъ-компани Гвардейскаго Экипажа.

Высочайшія особы отбываютъ. Музыка играетъ экипажный маршъ и хоръ музыкантовъ, стройно отвѣтивъ на благодарность командира, уходитъ въ роту, мягко стуча каблуками высокихъ сапогъ.

Прелестный оркестръ Оки Альбы отъ Кюба, беретъ насъ въ плѣнъ торжественными звуками полонеза изъ оперы „Жизнь за Царя“.

Дружеская бесѣда оканчивается подь утро, когда артистамъ подаютъ ужинъ, и когда мы всѣ опять ужинаемъ, вѣрнѣе сказать утреницаемъ.

Прежде служившіе въ Экипажѣ и гости разъѣзжаются; расходимся и мы, правда не безъ борьбы за право провожать demuазелей-стрекозъ и прочихъ егозъ, развлекавшихъ насъ съ такимъ entrain весь вечеръ.

***

Утро морозно. Дворники посыпаютъ желтымъ пескомъ откосы тротуаровъ, дѣти бѣгутъ въ школы, и съ высокой колокольни Морского Николаевскаго Богоявленскаго Собора раздается дрожащій звонъ мѣднаго пуловика, призывающаго къ ранней заутренѣ.

Н. Саблинъ.

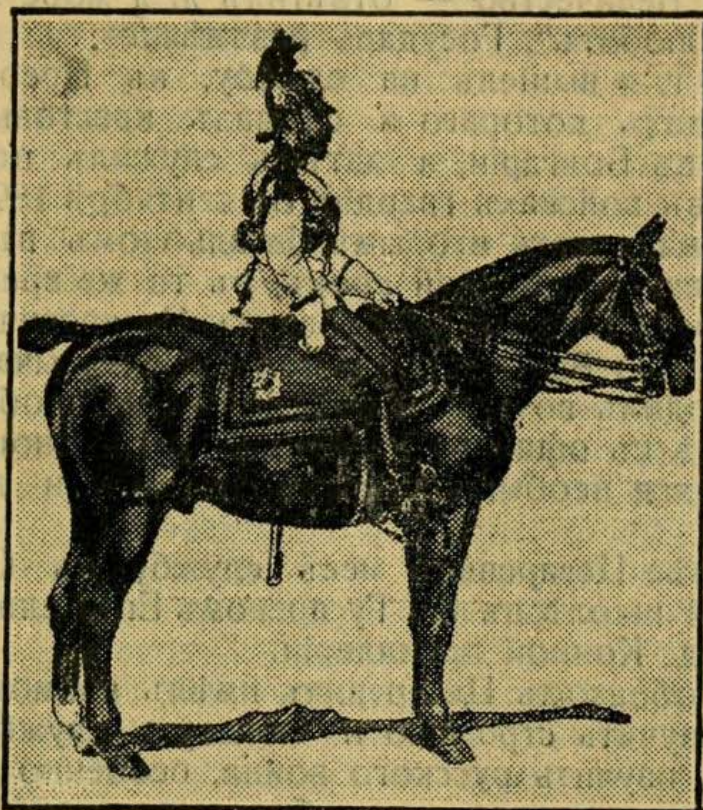

К. 2 р. Николай Васильевичъ Саблинъ 3-ій, выпуска 1901 г., по окончаніи Морского Корпуса плавань вахт. нач. на бр. бер. об. „Генераль Адмираль графъ Апраксинъ“, подь флагомъ к. а. С. И. Палтова.

Осенью того же года состоялъ въ Уч. Ком. Стр. Кварт., подь начальствомъ к. 1 р. Р. Н. Вирена. Въ Январѣ 1902 года былъ командированъ въ Америку на постройку эс. бр. „Ретвизанъ“, на каковомъ кораблѣ и проплавалъ три года, вплоть до его гибели въ Портъ Артуръ, въ Ноябрь 1904 г. 1905-й годъ провелъ въ Японіи, въ плѣну, въ г. Матсуяма. Весною 1906 г. былъ назначенъ на Гардемаринскій отрядъ на эс. бр. „Слава“, подь командованіемъ к. 1 р. А. И. Русина, но будучи

вскорѣ прикомандированъ къ Гвардейскому Экипажу, былъ переведенъ на Имп. Яхту „Штандартъ“, подь командованіемъ флиг. адъют. к. 1 р. И. И. Чагина, вахтеннымъ начальникомъ до 1908 г., а потомъ ревизоромъ до 1910 г., когда былъ назначенъ старшимъ флагъ-офицеромъ походнаго штаба флагъ-капитана Его Величества, свиты к. адм. К. Д. Нилова и одновременно адъютантомъ Гвардейскаго Экипажа. По должности флагъ-офицера плавалъ на Имп. яхтахъ „Штандартъ“, „Полярная Звѣзда“ и „Александріч“. Осенью 1915 года былъ назначенъ помощникомъ начальника Чудской озерной позиціи, к. адм. Н. Н. Коломейцева. Весной 1916 года былъ назначенъ начальникомъ Сатакундской флотиліи въ Финляндіи.

Ген. отъ инфантеріи Н. А. Епанчинъ, Ницца.

Государь въ формѣ кавалергардовъ.

ВОСПОМИНАНІЯ О ИМПЕРАТОРѢ НИКОЛАѢ II — ЦАРѢ-МУЧЕНИКѢ.

Я счастливъ принять посильное участіе въ работѣ „Морского Журнала“*), ибо принадлежу къ морской семьѣ, члены которой служили во флотъ со времени его созданія Великимъ Петромъ. Самъ я не могъ служить во флотъ, ибо совершенно не переносу моря.

Мои дѣды, мой отецъ, мои дяди, мой братъ, служили во флотъ; отецъ мой былъ начальникомъ Морской Академіи и Морского училища, а я осенью 1874 г. поступилъ въ Павловское военное училище. Въ ноябрѣ, какъ обычно, въ училище пріѣхалъ Императоръ Александръ II и вновь принятые юнкера имѣли счастье быть представленными Его Величеству. Каждому Государь сказалъ нѣсколько милостивыхъ словъ, а когда начальникъ училища назвалъ мою фамилію, то Государь спросилъ меня отчего я не поступилъ во флотъ,

*) Выходящаго уже 10 лѣтъ.

„вѣдь весь вашъ родъ, со временъ Петра Великаго служилъ и служить во флотъ, ты вѣрно не любишь моря?“

— Ваше Величество — отвѣтилъ я, я море люблю, но оно меня не любитъ“. Государь разсмѣялся.

Въ 1876 г. я вышелъ на службу, въ Преображенскій полкъ, въ рядахъ котораго и сдѣлалъ крестовый походъ 1877—78 гг. въ Болгаріи, а затѣмъ служилъ по Генеральному штабу въ войскахъ гвардіи. Въ сентябрѣ 1893 г. я былъ назначенъ командовать вторымъ батальономъ въ Преображенскомъ полку на годовой срокъ, въ то же время первый батальонъ полка принялъ Наслѣдникъ Цесаревичъ.

Службу Его Высочество исполнялъ чрезвычайно добросовѣстно, входилъ во всѣ необходимыя подробности. Онъ близко стоялъ къ офицеру и солдату и въ сношеніяхъ со всѣми отличался необыкновеннымъ тактомъ и доброжелательствомъ.

Еще ранѣе Цесаревичъ несъ службу въ Офицерской Кавалерійской школѣ, въ Гв. Гусарскомъ Его Величества полку и въ Гвард. Конной артиллеріи.

Такимъ образомъ Цесаревичъ имѣлъ возможность основательно изучить строевую и полевую службу, изучить бытъ войскъ, изучить русскаго воина, особенно простолюдина, что было для него, какъ будущаго монарха, крайне необходимо.

Что же касается военно-научнаго образования Цесаревича, то въ немъ были немалые пробѣлы. А между тѣмъ Цесаревичъ пользовалъ я каждымъ случаемъ, чтобы расширить свои познанія, любилъ бесѣдовать съ офицерами на военно-научныя темы. Однажды, это было въ октябрѣ 1893 г., Цесаревичъ спросилъ меня о чемъ я предполагаю дѣлать сообщеніе офицерамъ въ теченіе предстоявшей зимы и высказалъ предположеніе, что вѣроятно я буду говорить о Крестовомъ походѣ 1877—78 гг., такъ какъ я участвовалъ въ этомъ походѣ и писалъ о немъ. При этомъ Цесаревичъ высказалъ мнѣнія, что было бы хорошо сдѣлать общій очеркъ всего похода и очеркъ восточнаго вопроса. „Я просилъ бы васъ, сказалъ Цесаревичъ, сдѣлать это отчасти и для меня и я вамъ скажу почему: я не имѣю должнаго представленія объ этомъ походѣ“.

Эти откровенныя слова Цесаревича поразили меня сильнѣйшимъ образомъ. Какъ могло случиться, что Цесаревичъ, которому шелъ двадцать шестой годъ, не былъ посвященъ преподавателями въ такой важный для Россіи вопросъ, какъ ближне-восточный! Ему не было дано обстоятельнаго объ-

ясненія такого похода русской арміи, какъ Крестовый 1877—78 гг. Что же смотрѣлъ воспитатель Цесаревича? — Что же это, небрежность или что либо другое?

Я конечно исполнилъ желаніе Цесаревича и сдѣлалъ въ теченіе зимы 94 г. восемь докладовъ о ближне-восточномъ вопросѣ; а вѣдь былъ еще дальне восточный вопросъ и оба эти вопроса имѣли большое значеніе въ царствованіе Императора Николая II, японская война 1904—5 гг. и мировая война, начавшаяся изъ-за соперничества Австріи вѣрнѣе Германіи и Россіи на почвѣ ближнѣ-восточнаго вопроса.

Черезъ нѣсколько дней послѣ моего разговора съ Цесаревичемъ я былъ у нашего извѣстнаго историка Н. К. Шильдера, какъ это бывало довольно часто и узналъ отъ него, что онъ за нѣкоторое время до этого разговора, былъ у Императора Александра III для обычной бесѣды по исторіи, на этомъ разѣ зашла рѣчь о томъ почему мы не заняли Константинополя весной 78 г. Н. К. доложилъ Государю, что у него есть большая монографія по этому вопросу, написанная по подлиннымъ документамъ, которые ген. Шильдеръ получилъ отъ бывшаго главнокомандующаго во время войны 1877—78 гг. Вел. Кн. Николай Николаевича Старшаго. Н. К. въ своемъ сочиненіи по этому вопросу, указывалъ три періода: 1) Константинополь легко было занять въ январѣ—началѣ февралѣ 78 г., когда тамъ не было войскъ, но это было запрещено изъ Петербурга. 2) когда же турки привезли туда войска изъ дунайскихъ крѣпостей, то это стало труднѣе, но все-же возможно, а главнокомандующій получалъ изъ Петербурга *противорѣчивыя распоряженія* и 3) когда турки сильно укрѣпили позиціи отъ Чернаго моря до Мраморнаго, а на помощь къ нимъ пришелъ англійскій флотъ—то было *категорически приказано* потребовать, чтобы турки отправили войска съ позиціи впереди Константинополя въ Малую Азію, а флотъ въ *Николаевъ для разоруженія*. Такое приказаніе было, конечно, неисполнимо.

Имп. Александръ III очень заинтересовался трудомъ Н. К. Шильдера и сказалъ ему: „я человекъ уходящій *), а этотъ вопросъ долженъ хорошо изучить Цесаревичъ“ и просилъ Н. К. передать рукопись военному министру П. С. Ванновскому для доклада ея Цесаревичу. Военный министръ принялъ ген. Шильдера крайне сухо, взялъ рукопись и черезъ три дня вернулъ ее Н. К. „Вы читали эту рукопись, сказалъ мнѣ Н. К., въ ней тысяча страницъ и прочитайте ее и ознакомить съ ней Цесаревича въ три дня было совершен-

*) Государь скончался черезъ годъ.

но невозможно". Я могъ подтвердить это предположеніе Н. К., ссылаясь на слова Цесаревича о томъ, что онъ совершенно не знакомъ съ Крестовымъ походомъ и что онъ не могъ мнѣ не сказать, что онъ ознакомился съ вопросомъ почему не былъ занятъ Константинополь.

Въ образованіи Цесаревича были пробѣлы не по одной военной части. Однажды во время бесѣды Его Высочества съ офицерами полка выяснилось, что онъ недостаточно знакомъ съ политико-экономическими вопросами и Цесаревичъ, со свойственной ему откровенностью нисколько не стѣснялся признаться въ недостаточномъ знаніи того или другого вопроса и охотно принялъ предложеніе одного изъ офицеровъ пригласить въ полковое собраніе для бесѣды извѣстнаго практическаго дѣятеля, бывшаго моряка, Кази! Эта живая бесѣда состоялась и произвела на всѣхъ чрезвычайно отрадное впечатлѣніе, хотя все же горько было сознавать, что Цесаревичъ только такимъ образомъ могъ расширять свои познанія столь важныя для наслѣдника, который черезъ три мѣсяца вступилъ на престоль.

Какая могла быть причина такихъ пробѣловъ въ образованіи Цесаревича?

Первоначальное воспитаніе онъ получилъ дома; семейная жизнь Императора Александра III была образцовая, добрыя взаимныя отношенія, простота, скромность стола, русскаго вкуса, дѣти приучались къ порядку, къ тому, что они имѣютъ не только *права, но и обязанности*, и эти обязанности они должны были исполнять точно, относиться къ нимъ серьезно.

Воспитаніе, веденное въ этомъ духѣ, дало прекрасные результаты, но затѣмъ началось воспитаніе подъ руководствомъ ген. Гр. Гр. Даниловича.

Это былъ выдающійся военный педагогъ, директоръ 2-го Кадетскаго корпуса. Но при выборахъ воспитателя для Цесаревича было упущено изъ вида, что имѣется большая разница между воспитаніемъ *массы* и *одного* воспитанника. Директоръ учебнаго заведенія даетъ общее направленіе воспитанію, онъ руководитъ работой воспитателей и преподавателей, оказываетъ общее вліяніе на молодежь, но *непосредственно* не имѣетъ дѣла съ каждымъ отдѣльнымъ воспитанникомъ. Индивидуальное воспитаніе требуетъ отъ воспитателя иныхъ способностей и, повидимому, этимъ не обладалъ ген. Даниловичъ; онъ не сумѣлъ подойти близко къ сердцу и душѣ Цесаревича, а это такъ важно.

Цесаревичъ былъ чрезвычайно доброжелательнаго и

благодарнаго характера, а между тѣмъ его отношенія къ ген. Даниловичу были иного свойства и это рѣзко выразилось въ дни его кончины. Ген. Даниловичъ скончался въ Петербургѣ и его тѣло было перевезено въ Могилевскую губернію черезъ Царское село. Казалось столь естественнымъ, чтобы Государь выѣхалъ на царскосельскую станцію поклониться праху своего воспитателя, но этого не было сдѣлано. Это конечно не была низкая месть, ибо на это Государь былъ рѣшительно не способенъ, но ясно, что сердце не лежало къ покойному...

Съ морскимъ дѣломъ Цесаревичъ знакомился во время ежегодныхъ плаваній съ отцомъ въ шхерахъ, а затѣмъ онъ совершилъ большое плаваніе въ Японію на эскадрѣ подъ флагомъ адмирала Басаргина.

Помню Цесаревичъ не разъ говорилъ мнѣ объ этомъ плаваніи, съ любовью и уваженіемъ вспоминая службу нашихъ доблестныхъ моряковъ. Не могу не вспомнить, что Цесаревичъ мнѣ говорилъ, какъ адм. Басаргинъ сочувственно и благодарно отясулся къ воспитательской дѣятельности моего отца; продолжительное плаваніе на эскадрѣ адм. Басаргина дало Цесаревичу много познаній по морскому дѣлу, сблизило его съ флотомъ, который онъ такъ любилъ до конца своей многострадальной жизни, особенно многострадальной въ концѣ царствованія. Помню какъ Государь нерѣдко говорилъ: „я родился въ день Іова многострадальнаго“ (6 мая).

Изъ Японіи Цесаревичъ вернулся въ Петербургъ черезъ Сибирь.

Въ Сибири Цесаревичъ положилъ начало работамъ великаго Сибирскаго пути, сооруженнаго по мысли Императора Александра III. У насъ не сознавали значеніе этого важнаго государственнаго предпріятія по нашей недоброй привычкѣ не цѣнить, какъ слѣдуетъ, свое и даже относиться къ нему пренебрежительно.

На Пасху 1903 г. Государь со всей семьей отправился въ Москву. На страстной недѣлѣ Царская семья говѣла. Въ это время я былъ директоромъ Пажескаго Его Величества корпуса и имѣлъ счастье состоять въ свитѣ Государя. Въ Москву были командированы пажи и я съ ними. Получивъ церемоніаль пасхальнаго выхода и порядка христосованія съ Государемъ, я увидѣлъ, что свитѣ было назначено христосоваться послѣ заутрени, а пажамъ въ первый день Пасхальной недѣли. Моей мечтой всегда было желаніе быть на пасхальной службѣ въ Успенскомъ соборѣ и такъ какъ я долженъ былъ быть при пажахъ во время ихъ христосованія

съ Ихъ Величествами, то я рѣшилъ не быть на пасхальномъ выходѣ, а христосоваться одновременно съ пажами. Я такъ и поступилъ и до сихъ поръ не могу забыть того возвышеннаго чувства, съ которыми я былъ у заутрени и литургии въ Успенскомъ соборѣ.

На другой день, когда я во главѣ пажей подошелъ къ Государю, Его Величество сказалъ мнѣ, что я не христосовался съ Нимъ послѣ заутрени. Я доложилъ Государю о причинѣ и Онъ мнѣ отвѣтилъ: „какъ я вамъ завидую, это тоже моя мечта“.

Въ великій четвергъ Государь и Императрица не пришли въ дворцовую церковь, а направились въ Успенскій соборъ, не предупредивъ объ этомъ никого. По этому случаю Государь сказалъ мнѣ: „я такъ былъ счастливъ, что могъ запросто слушать Двѣнадцать Евангелій“.

На Святой недѣлѣ Государь пожелалъ обойти Кремлевскія стѣны, двигаясь поверху стѣнъ. Съ Государемъ шли Императрица, вся царская семья и небольшая свита. Народъ замѣтилъ Государя и на Красной площади собралась огромная толпа, все увеличивавшаяся; она двигалась параллельно съ движеніемъ Государя и все время пѣла „Христось Воскресе“ и „Спаси Господи люди твоя“.... Такого подъема чувствъ до того не приходилось мнѣ видѣть и чувствоваться, что сердце Царево билось одновременно съ сердцемъ народа. Невольно вспоминалось—„Осанна!“ „Осанна!“

27 іюня 1909 г. въ Полтавѣ было большое торжество по случаю 200-лѣтія Полтавской побѣды. Изъ Полтавы Государь и Императрица проѣхали въ Кіевъ, который Государь очень любилъ. Я въ то время командовалъ въ Кіевѣ дивизіей и полки ея были построены для встрѣчи Ихъ Величествъ отъ станціи и далѣе по Бибииковскому бульвару. Государь ѣхалъ въ экипажѣ медленно, такъ что я сопровождалъ Ихъ Величества верхомъ, шагомъ. И вотъ я видѣлъ ясно какъ солдаты встрѣчали Царя—почти у всѣхъ на глазахъ были слезы...

Въ октябрѣ 16-го я былъ въ Кіевѣ по служебнымъ дѣламъ и видѣлъ проѣздъ Ихъ Величествъ по улицамъ города, но какая разница! Толпа встрѣчала Государя гробовымъ молчаніемъ... Въ это время во всю шла пропаганда, клевета и уже мало было общенія между Царемъ и народомъ, вмѣсто воиновъ твердыхъ въ преданности Царю, были толпы плохо обученныхъ и даже почти не вооруженныхъ запасныхъ... А тамъ уже близки были проклятой памяти дни конца февраля и начала марта...

Всѣ главнокомандующіе забыли присягу, дали преступный примѣръ войскамъ и Государь-мученикъ былъ правъ, когда записалъ въ дневникъ: „всѣ мнѣ измѣнили, кругомъ обманъ и измѣна“. Простить ли намъ Господь измѣну Его Помазаннику...

Н. А. Епанчинъ, Ницца.

Доска, сооруженная въ русской часовнѣ на кладбищѣ въ Загребѣ, въ память Государя Императора, Его Августѣйшей Семьи и съ Ними убиенныхъ.

Часовня и доска сооружены трудами вице-адм. Ф. А. Вяткина.

Есть гласнокопавшие зодия поволю дана престоуп-
 ния фрмиде покема и Государе-мученика ГИРЛ преев,
 когда записанъ въ дневникъ: въ мнѣ вѣрившиа, крѣпота
 омава въ... Пространство... Ето

ST. NICHOLAS

RUSSIAN ORTHODOX CHURCH
 1714-13th AVENUE
 SEATTLE

GROUND BROKEN DEC. 20, 1936.
 DEDICATED DEC. 19, 1937.

ХРАМ-ПАМЯТНИК

во имя СВ. НИКОЛАЯ
 ЧУДОТВОРЦА
 В ГОР. СИАТТЛЪ

ЗАЛОЖЕН ДЕК. 20, 1936.
 ОСВЯЩЕН ДЕК. 19, 1937.

Храмъ построенъ въ память убиенныхъ Государя Импе-
 ратора Николая II и Его Августѣйшей Семьи, а также
 всѣхъ вѣрныхъ русскихъ воиновъ, павшихъ на полѣ брани.

Контръ-адм. Д. В. Никитинъ, Сеаттль.

Первое плаваніе.

Иванъ Гавриловичъ смотрѣлъ на насъ искоса, мрачно и неодобрительно, когда мы, кадеты, его питомцы, выйдя нестройной кучей человѣкъ въ 50 изъ барказа на палубу пароходо-фрегата «Рюрикъ», выстраивались въ шеренгу вдоль бортовъ. Иванъ Гавриловичъ былъ капитанъ 2 ранга, состоявшій «по флоту». На погонахъ его сюртука были бѣлые училищные «просвѣты». Онъ въ теченіе двухъ долгихъ лѣтъ былъ нашимъ командиромъ въ 4-й «неранжированной» или «малолѣтней» ротѣ Морского училища. Когда то онъ принялъ насъ, когда мы, одѣтые въ разношерстные штатскіе костюмчики въ первый разъ вступили подъ высокіе своды стариннаго зданія на набережной Невы. Онъ протаскивалъ насъ черезъ всѣ тонкости тогдашней рекрутской школы, строго наблюдая, чтобы мы «не заваливали штыковъ» при маршировкѣ.

Теперь мы начинали первое наше плаваніе и на его обязанности лежало придать намъ «морской лоскъ».

— Вы тутъ не на паркетѣ въ Столовомъ залѣ, — сердито закричалъ онъ. — По пазу!.. По пазу равняться надо, разъ вы на палубу военного судна вышли!

Съ нѣкоторымъ чувствомъ гордости и самоудовлетворенія мы, кадеты, поглядывали въ этотъ день другъ на друга. Синіе воротники нашихъ форменокъ были при отъѣздѣ изъ Петербурга сразу же выпущены наружу нашихъ темно-синихъ училищныхъ галанокъ. Намъ казалось, что мы однимъ взмахомъ переродились въ «морскихъ волковъ», настоящихъ всамдѣланныхъ матросовъ.

Иванъ Гавриловичъ назывался командиромъ пароходо-фрегата «Рюрикъ». Другому училищному офицеру, Николаю Федоровичу, который въ этотъ день беспомощно метался по судну, исполняя волю своего старшаго коллеги, былъ данъ титулъ «старшаго офицера».

Мнѣ сильно сдается, однако, что на официальномъ языкѣ нашъ «пароходо-фрегатъ», давнымъ давно сданный къ порту, именовался просто «блокшивомъ № такой то», а Иванъ Гавриловичъ носилъ не очень парадное названіе: «Завѣдующій блокшивомъ». «Рюрикъ» былъ, однако, несмотря на свою старость, достаточно крѣпкимъ и исправнымъ судномъ. Трюмы его были сухи, течи не было. Красивые яхтенные носовые обводы съ фигурнымъ княвдегетомъ и съ большимъ, покрытымъ позолотой Николаевскимъ орломъ, развалистая корма съ широкимъ подзоромъ, также украшенная орломъ, все это несказанно радовало нашъ взоръ.

Но предметомъ огорченія, и не малымъ, было полное отсутствіе гребныхъ колесъ. Подъ объемистыми кожухами, увѣнчанными громоздкими кожуховатыми ботами, наблюдалось совершенно пустое мѣсто. Чья то враждебная намъ рука заботливо разобрала на части желѣзныя колеса съ ихъ лопастями и куда то ихъ убрала. Кадеты, плававшіе на «Свѣтланѣ», «Скобелевѣ» и «Баянѣ», имѣвшихъ паровой двигатель, получали возможность надъ нами подтрунивать: «Какой же это пароходо-фрегатъ, когда у него даже гребныхъ колесъ нѣтъ».

Иванъ Гавриловичъ преподавалъ морскую практику гардемаринамъ и считался въ училищѣ наилучшимъ знатокомъ морского дѣла. Ему въ молодости удалось много поплавать за границей и сейчасъ, чувствуя подъ своими ногами палубныя доски, онъ вѣроятно какъ бы вновь переживалъ весну своей жизни. Передъ нами былъ не тотъ Иванъ Гавриловичъ, котораго мы привыкли видѣть въ ротѣ училища. Тамъ онъ свѣтски любезный и галантный кавалеръ очаровывалъ въ пріемные полуденные часы молодыхъ и пожилыхъ дамъ, мамашъ и тетокъ нашихъ кадетъ. Тутъ, въ судовой обстановкѣ, онъ вспомнилъ вѣроятно годы своихъ «дальнихъ вояжей» на клиперахъ и корветахъ и сразу же весьма наглядно продемонстрировалъ намъ все богатство «морского языка». Мы убѣдились, что языкъ этотъ крайне экспрессивенъ и въ немъ много чрезвычайно выразительныхъ и специальныхъ выраженій.

Какъ на грѣхъ, онъ увидѣлъ, что нѣсколько камеръ-пажей въ своихъ блестящихъ мундирахъ и парадныхъ каскахъ поднимаются по наружному трапу на сосѣдней съ нами корветъ «Скобелевъ». Эти молодые люди, видимо, пріѣхали изъ Петербурга, чтобы проводить своихъ родныхъ или пріятелей. Ивану Гавриловичу, очевидно, показалось, что въ самой походкѣ этихъ юношей и въ ихъ манерѣ входить на палубу военнаго судна проглядываетъ какой то «снобизмъ», какое то желаніе выразить презрѣніе намъ, скромнымъ морякамъ.

— Посмотрите... Посмотрите на этихъ столичныхъ франтовъ, — съ негодованіемъ закричалъ онъ. — Вѣдь у нихъ, такъ ихъ и перетакъ и еще разъ такъ, даже (тутъ слѣдуетъ техническій терминъ-названіе одной изъ частей тѣла) и та золотомъ расшита.

Кадетская палуба на «Рюрикѣ» являла странное сочетаніе былой роскоши съ крайней простотой теперешняго обихода. Чудная отдѣлка краснаго дерева на бортахъ и переборкахъ напоминала о тѣхъ временахъ, когда нашъ корабль служилъ яхтой Высочайшихъ особъ, плавалъ въ Средиземномъ морѣ и здѣсь была парадная столовая. Но подволоки были запросто выбѣлены мѣломъ съ известкой по тогдашнему обычаю, а наши подвѣсныя столы, разборныя скамейки и грубо сколоченные

плотникомъ кадетскіе рундуки у бортовъ очень мало гармонировали съ изяществомъ стѣнь.

Въ палубѣ этой было сейчасъ настоящее столпотвореніе. Тамъ появился какой то мрачный человѣкъ заспаннаго вида, безразличнымъ взоромъ смотрѣвшій на насъ. Это былъ судовой баталеръ, выльзшій изъ преисподней: носового кубрика, гдѣ былъ ахтеръ-люкъ и бродъ-камера. Онъ принесъ для раздачи намъ парусинныя койки, пробковые матрасы, шкентросы и деревянные палочки-растопырки.

Кадеты стремились создать изъ всѣхъ этихъ вещей нѣчто похожее на настоящую, связанную правильно, койку.

Слышался авторитетный голосъ Кости Головизнина. Этотъ день былъ, можно сказать, «его днемъ». Костя былъ второгодникъ. Быть можетъ, въ наукахъ онъ не былъ чрезвычайно силенъ, но въ нашихъ глазахъ онъ стоялъ сейчасъ на недостижимой высотѣ. Единственный изъ насъ онъ имѣлъ уже морской опытъ, проплававъ предыдущее лѣто на томъ же «Рюрикѣ».

— Надо шкентросы правильно основывать, — съ апломбомъ поучалъ онъ окружавшихъ его кадетъ. — А вы такъ ихъ перепутали, что они отдадутся и вы же, дураки, на палубу свалитесь и башки себѣ перестукаете.

Наступилъ вечеръ. Среди тишины, передаваясь съ корабля на корабль, прозвучали «повѣстка» и «зоря». Равняясь «по пазу», мы въ первый разъ въ жизни присутствовали при спускѣ флага съ церемоніей. Намъ раздали наши койки. Сразу измѣнился видъ кадетской палубы, когда на леерахъ, прикрѣпленныхъ къ потолку, появились ряды гамаковъ-коекъ. Вльзть въ койку, довольно высоко подвѣшенную, оказалось дѣломъ не очень легкимъ. Подобно всаднику, вскакивающему на сѣдло, надо было однимъ взмахомъ отдѣлиться отъ палубы и водворить себя на надлежащее мѣсто.

Извѣстный французскій писатель Пьеръ Лоти, вспоминая первый день плаванія на учебномъ кораблѣ «Борда», говоритъ, что вечеромъ, когда онъ улегся въ койку, все происходило въ тонахъ высоко поэтическихъ. Волны моря убаюкивали новичка и пѣли ему нескончаемую пѣсню объ чужеземныхъ странахъ, рассказывали ему о чудесныхъ приключеніяхъ, ожидающихъ его на просторѣ морей и океановъ.

Намъ, плававшимъ на «Рюрикѣ», волны такихъ повѣствованій не дѣлали, когда мы въ первый разъ забрались въ наши койки. Нѣсколько согнутое положеніе тѣла съ непривычки причиняло неудобство. Волны насъ не убаюкивали, какъ Лоти, потому вѣроятно, что и волнъ то въ Кронштадтской гавани не было. Каждые полчаса среди тишины ночи начинался мелодичный перезвонъ судовыхъ колоколовъ; на сосѣднихъ корабляхъ били склянки. Каждый разъ колоколь «Рюрика» отчет-

ливо отбивалъ время. По палубѣ долго сновали еще не успокоившіеся кадеты, задѣвали головами за койки, толкали и будили спящихъ, а тѣ громко выражали свое недовольство. Койка, долго послѣ этого поскрипывая, раскачивалась, какъ маятникъ. Казалось, трудно успокоиться и заснуть при такихъ условіяхъ. Но ночи въ маѣ мѣсяцѣ на сѣверѣ Россіи достаточно прохладны, а отопленія на «Рюрикѣ» не было. Какъ только закутаешься хорошенько, все окружающее вдругъ сразу куда то исчезаетъ и крѣпкій молодой сонъ овладѣваетъ вами.

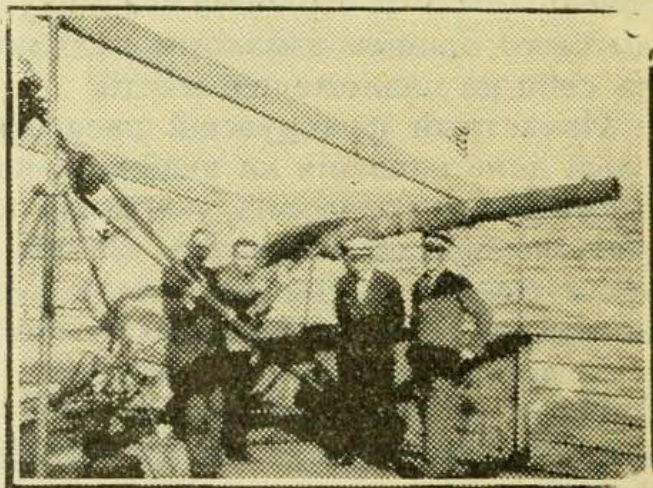
Первый день на военномъ суднѣ пришелъ къ концу.

Д. В. Никитичъ.

Контръ-адмиралъ
Дмитрій Владиміровичъ Никитинъ
(вып. 1891 г.).

Оригинальный снимокъ изъ коллекціи к2р. Люби: стоятъ справа налѣво: капитанъ „Москэры“, к2р. Люби, помощникъ капитана „крейсера“ и лейтенантъ Е. А. Гирсъ (помощникъ к2р. Люби), — всѣ четверо у 88 мм. зенитнаго орудія, „удлиненнаго“ на два

съ половиной метра съ помощью вентиляціонной трубы передъ входомъ въ Ласъ-Пальмасъ по распоряженію Главнокомандующаго, чтобы ввести въ заблужденіе зрителей и казаться „сильнѣе“.

Кап. 2 ранга К. Г. Люби, Парижъ.

Военно-морскія картинки.

(Отрывокъ изъ готовящейся къ печати книги
„Подъ Колумбійскимъ флагомъ“).

Впервые крейсеръ «Москэра» встрѣчается съ военнымъ кораблемъ на одномъ и томъ же рейдѣ. Какъ только «Москэра» отдалъ якорь, отъ бразильск. броненосца береговой обороны «Флоріано» отваливаетъ гребная шлюпка подъ вымпеломъ съ офицеромъ въ бѣлой парадной формѣ при саблѣ. Бразильцы весьма щепетильны во всѣхъ тонкостяхъ морского этикета. Выжидаю нѣкоторое время. На шлюпку никто не обращаетъ вниманія. Говорю начальнику штаба. Никакого впечатлѣнія. На-спѣхъ объясняю.

— Что же съ нимъ дѣлать?

Поясняю, какъ выставить фалрепныхъ къ трапу, чтобы офицера встрѣтить, а затѣмъ уже по желанію — можно пригласить въ салонъ, предложить бокаль шампанскаго, хотя это и не обязательно уже, а всецѣло зависитъ отъ степени «альянса».

Между тѣмъ, шлюпка неукоснительно идетъ къ правому борту, видимо полагая, что на «Москэрѣ», какъ на всякомъ благоустроенномъ военномъ кораблѣ вообще, а находящемся въ заграничныхъ водахъ и тѣмъ болѣе, существуетъ правый парадный трапъ и налажена соответствующая служба. Напрасны столь опрометчивыя ожиданія! Шлюпка прокатываетъ вдоль всего борта, не найдя трапа. Съ палубы слышенъ голосъ одного изъ офицеровъ:

— На лѣвую сторону, пожалуйста.

Колумбійцы вообще народъ вѣжливый. Стоящіе по всему борту солдаты, новоиспеченные моряки, и сидящіе на поручняхъ, съ галантной поспѣшностью готовы помочь и своему офицеру и чужестранному гостю. Со всѣхъ сторонъ, на перебой, несетя нестройный хоръ молодыхъ веселыхъ голосовъ:

— На лѣво! На лѣвую сторону, пожалуйста!

У бразильскаго офицера на лицѣ недоумѣніе. Быстро сообразивъ, круто поворачиваетъ, проходитъ подъ кормой «крейсера» и пристаетъ къ лѣвому трапу, на верхнюю площадку котораго впервые спѣшно водружается часовой, солдатъ, только что переодѣтый въ новую матросскую форму, и абсолютно не понимающій, зачѣмъ его сюда ткнули и что онъ долженъ дѣлать. Площадка трапа находится противъ камбуза. Кокъ-китаецъ (прекрасный поварь!) меланхолично ошипываетъ курицу, не обращая вниманія на внушительную группу солдатни, избравшую это мѣсто, какъ наиболѣе занимательное: можно осмотрѣть поближе приѣзжающихъ. Офицеръ, для того назна-

ченный, съ трудомъ протискивается, чтобы встрѣтить высокаго гостя и провести его въ болѣе покойное мѣсто...

Когда на другой день я былъ по дѣламъ службы на берегу, это «торжественная встрѣча» уже ходила, какъ анекдотъ, по городу. Такое произвела впечатлѣніе!..

Утромъ, конечно, произошла и другой морской «случай». Иначе и быть не могло. Такъ ужъ установилось на «Москэрѣ» съ перваго дня прихода въ Белемъ (Пара), что флагъ подымался съ восходомъ солнца. Никакія разъясненія и ссылки на международные обычаи не помогали. Но тамъ, по крайней мѣрѣ, поблизости не было чужихъ военныхъ кораблей. Здѣсь же, въ Манаосѣ, стоялъ «Флоріано». Вдругъ, на бразильскомъ броненосцѣ замѣтили, что «Москэра» поднялъ кормовой флагъ. Значить, кто то входитъ на рейдъ, кого съ «Флоріано» еще не видно и кому «Москэра» показываетъ свои «національные цвѣта». «Флоріано» тоже поднялъ кормовой флагъ. И, конечно, съ отданіемъ почестей: всѣ лицомъ къ флагу, отдають честь, стоя смирно. Бразильцы ждутъ минуту, двѣ, пять минутъ... Бинокли направлены на мысь Ріо Negro... Никто не показывается. Да и на «Москэрѣ» никакого движенія. Просто съ побудкой «вывѣсили» флагъ безъ всякой церемоніи и успокоились. «Флоріано», опять отдавая почести, спустилъ свой флагъ. Ждетъ. На «Москэрѣ» — безъ перемѣнъ...

Безъ пяти минутъ восемь на «Флоріано» протрубили горны. За минуту — новый сигналъ. Всѣ замерли, обращенные лицомъ къ кормѣ. Командиръ принялъ утренніе рапорты. Раздалась команда. Заиграли горны. Всѣ отдають честь медленно поднимающемуся судовому знамени — кормовому военному флагу. Пауза. Горнисты протрубили новый сигналъ и всѣ зашевелились. Официальный день начался.

Эта церемонія произвела разнообразное впечатлѣніе на колумбійскихъ зрителей-офицеровъ. Стали спрашивать, зачѣмъ это дѣлается. Нѣкоторымъ понравилось, но кто то произнесъ:

— Они не интеллигентны.

Убилъ! Часть смѣялась, но въ общемъ — отданіе почестей своему флагу нашли ненужнымъ предразсудкомъ.

Кстати, о словѣ «интеллигентный». Это очень часто употребляемое колумбійцами слово, во французскомъ его значеніи. Такъ, на примѣръ, представляя когонибудь, колумбійцы обязательно назовутъ предварительно фамилію представляемаго, чинъ, занимаемую должность и неизмѣнно прибавляють: «онъ очень умный». Единственный разъ мнѣ представили одного капитана артиллеріи, говоря о которомъ, эта стереотипная фраза была опущена. Я даже насторожился и подумалъ, «кто же онъ будетъ?» Но черезъ нѣкоторое время, видя его чаще, я

понялъ. А когда мнѣ какъ то пришлось коснуться одного его распоряженія, отзвъвъ его же соотечественниковъ и сотоварищей былъ въ корнѣ противоположнымъ значенію слова «энтеллижанъ». Значить, бываютъ исключенія!

Прибылъ «командиръ морской артиллеріи» канонерки «Пичинча». (Вооруженіе канонерки — одно 75 мм. и одно 37 мм. орудія). Видъ растерянный. Что то быстро докладываетъ Главнокомандующему. Генераль спокойно отвѣчаетъ и движеніемъ глазъ указываетъ въ мою сторону. Офицеръ подходитъ ко мнѣ.

— Мон команданъ, поѣдемте ко мнѣ. У меня орудіе не дѣйствуетъ (не марчъ па).

Стараюсь вывѣдать, въ чемъ неисправность. Оказывается, общая болѣзнь всѣхъ 75 мм. орудій. Разрегулировался спусковой приборъ. Говорю «общая болѣзнь», потому что то же самое случилось съ обоими орудіями и на «Москэрѣ». Молодежи-солдатнѣ очень нравилось «щелкать», спуская ударникъ. А такъ какъ порой хотѣли вызвать этотъ «щелкъ» при опущенномъ уже ударникѣ и, не достигая звукового эффекта, усиленно жали рукоятку спуска, — отсюда не только все разрегулировалось, но уничтожены были и запасныя части, и пришлось выдѣлывать ихъ въ судовой мастерской, а теперъ заказывать въ Манаосѣ. Послалъ своего помощника, лейтенанта Е. Гирса, отрегулировать. Бѣдняга! Ему пришлось уже смѣнить и наладить пять комплектовъ на «Москэрѣ»! Дощелкались!

На другой день снова появляется тотъ же артиллеристъ «Пичинчи» и уже прямо ко мнѣ:

— Монъ команданъ, монъ канонъ не марчъ па.

— Что еще?

— Въ оптику ничего не видно...

— Какъ не видно?

— Ничего не видно! Не марчъ па!

Иду къ начальнику штаба, такъ какъ главнокомандующій занятъ — идутъ важные радіо-переговоры съ правительствомъ въ Боготѣ. Просить меня съѣздить, лично проинспектировать состояніе артиллеріи.

— А, впрочемъ, я ѣду сейчасъ въ городъ. Заѣдемъ сперва на «Пичинчу», а потомъ — приглашаю васъ на берегъ.

Съ удовольствіемъ принимаю приглашеніе. Чувствую, что голова идетъ кругомъ отъ всей этой сутолоки. Занятій все равно нѣтъ — половина людей отпущена на сутки на берегъ. На сутки! Съ 11 утра до одиннадцати утра слѣдующаго дня. Всѣ офицеры и солдаты съѣзжаютъ на берегъ въ полной формѣ. Ёду тоже въ формѣ — съ цѣлой гаммой орденскихъ ленточекъ на груди и тремя широкими золотыми галунами и якоремъ на плечахъ, что означаетъ по колумбійски чинъ «капитана ди фригата» (въ чинѣ второго ранга).

Чтобы никого не беспокоить, беремъ съ начальникомъ штаба «вольный» яликъ, которыхъ много держится у единственнаго лѣваго трапа въ ожиданіи щедрыхъ пассажировъ. Прибываемъ на «Пичинчу». Встрѣча — по семейному, безъ почестей. Обращаемся къ сидящимъ на люкъ солдатамъ — позвать офицера. Идемъ къ орудію. Оптический прицѣль установленъ на мѣсто и грѣется ничѣмъ не прикрытый подъ палящими лучами тропическаго солнца. Смотрю въ него... вѣрно: ничего не вижу! Отнимаю глазъ отъ окуляра. Предо мной — матовое стекло! Хочу протереть. Безполезно!

— Почему оно у васъ такое?

Артиллерійскій офицеръ («командиръ артиллеріи») пожимаетъ плечами и дѣлаетъ обиженную мину:

— Его чистили... и вотъ...

— Чѣмъ же чистили?

Съ еще болѣе обиженнымъ видомъ, съ пожиманіемъ плечъ отходить въ сторону. На сцену выступаетъ юркій унтеръ-офицеръ:

— Ми команданте, я знаю! Э-э-э... чистили... наждачной бумагой!

Глаза начальника штаба мечуть молніи:

— Дорогой команданъ, возьмите съ собой оптику и отвеземъ въ городъ! Быть можетъ, какой нибудь оптикъ сможетъ отшлифовать. Ёдемъ!

Кап. 2 р. Люби.

Капитанъ 2 ранга К. Г. Люби былъ инструкторомъ въ двухъ иностранныхъ флотахъ: греческомъ (на подводныхъ лодкахъ) въ 1919 г. и въ колумбійскомъ — въ періодъ „вооруженнаго конфликта“ между Перу и Колумбіей — въ 1932-33 гг., состоя при особѣ верховнаго главнокомандующаго всѣми вооруженными силами республики.

Вооруживъ во Франціи вспомогательный „крейсеръ“ „Москэру“, к2р. Люби поднялся на 3.000 километровъ вверхъ по Амазонкѣ. По возвращеніи въ Парижъ, к2р. Люби написалъ нѣсколько очерковъ объ этомъ экзотическомъ плаваніи, какъ въ русскихъ, такъ и иностранныхъ газетахъ и журналахъ, прочиталъ докладъ въ В.-М. Ист. им. адм. Колчака Кружкѣ и подготовилъ къ печати книгу по французски и по русски.

Перу к2р. Люби принадлежать многочисленныя очерки, главнымъ образомъ, изъ морской жизни, всѣ — историческіе, изъ далекаго прошлаго нашего флота, а также — подводной и гражданской войнъ. Его рассказы печатались въ „Возрожденіи“, сотрудникомъ коего онъ состоитъ уже пятый годъ, „Иллюстрированной Россіи“, „Новомъ Словѣ“ (въ Берлинѣ), „Часовомъ“, главнымъ образомъ, подъ псевдонимомъ „Черноморъ“, а также въ „Пари-Суаръ“, „Италія Нуова“ и др. — по французски.

Мичманъ А. А. Гефтеръ, Парижъ.

Перстень.

Памяти Ивана Максимовича Собоцкаго.

Онъ купилъ этотъ перстень, когда былъ еще совсѣмъ молодымъ офицеромъ, во время своего перваго кругосвѣтнаго плаванія. Старый синигалезъ на Цейлонѣ привлекъ его вниманіе своей коллекціей опаловъ, сверкавшихъ, какъ капли росы въ солнечныхъ лучахъ. У мичмана былъ своеобразный характеръ, онъ любилъ обо всемъ имѣть свое собственное мнѣніе, если даже оно идетъ въ разрѣзъ съ мнѣніемъ большинства. Пожалуй, и упрямство играло извѣстную роль при этомъ.

Говорятъ, что опаль несчастливый камень. Мичманъ считалъ для себя унижительнымъ вѣрить въ предрасудки. Онъ не признавалъ и не боялся ни понедѣльниковъ, ни пятницъ, ни тринадцатаго числа, ни трехъ свѣчей и очень любилъ прикуривать папиросу третьимъ въ компаниі, все для того, чтобы показать окружающимъ, да и самому себѣ, что онъ стоитъ выше всего этого.

Но, помимо всѣхъ этихъ соображеній, въ покупкѣ опала играло главную роль то обстоятельство, что камень былъ поразительно красивъ и рѣдкаго качества. Такъ и случилось, что съ самаго начала военной карьеры мичмана Сторожева на его мизинцѣ появился опаловый перстень, съ которымъ онъ не разставался всю свою долгую жизнь, до того дня, какъ уже въ чинѣ контръ-адмирала отдалъ его своему сыну, тогда юнкеру артиллерійскаго училища.

Получилась та удивительная вещь, что, вопреки существующему повѣрью, Сторожевъ жилъ до тѣхъ поръ, пока носилъ опаловый перстень. Когда онъ съ нимъ разстался, онъ погибъ.

Разстался онъ съ нимъ въ Севастополѣ, въ грозную годину революціи.

Сторожевъ прожилъ удивительную жизнь, сначала на морѣ, потомъ на сушѣ. Но закончилъ онъ ее на морѣ, на одномъ изъ кораблей. Какъ ни интересна была избранная имъ послѣ служенія флоту дорога, онъ все же вернулся на море, какъ лебедь, чувствуя приближеніе смерти, возвращается на воду.

Я увидѣлъ впервые этотъ камень на рукѣ Сторожева, когда онъ вышелъ въ резервъ и сталъ плавать на пароходахъ Добровольнаго Флота. Тогда какъ разъ появились эти стройные красавцы: „Смоленскъ“, „Петербургъ“, „Москва“...

Сторожевъ въ одинъ изъ своихъ рейсовъ на Дальній Востокъ привезъ построенную гдѣ то въ Японіи чудесную двойку, ходившую подъ парусами, разрѣзнымъ фокомъ. „Тама“ назвали эту двойку. На ней я познакомился съ моремъ и на ней Сторожевъ началъ мое обученіе морской практикѣ.

У него были поразительно красивыя руки, съ мягкими, какъ у дѣвушки, ладонями. На мизинцѣ съ опущеннымъ ногтемъ правой руки — перстень съ большимъ опаломъ. Эта рука лежала на румпелѣ и отъ нея зависѣлъ поворотъ къ берегу. Иногда, когда на морѣ было свѣжо, Сторожеву слишкомъ долго, какъ мнѣ казалось, „не приходило въ голову“ повернуть домой. Было ли у него желаніе поиграть съ мальчикомъ и помучить его немного, все время „держа въ море“, среди расхолодившейся зыби? Но мнѣ казалось, что все зависитъ отъ вспыхивающаго радужными красками опаловаго перстня. Если мы такъ долго не поворачиваемъ къ берегу, то этого не хочетъ колдовской камень. Я уже зналъ значеніе опала и боялся его. Я ни за что бы не попросилъ Сторожева о возвращеніи, мое самолюбіе мнѣ не позволило бы этого сдѣлать, но сколько, бывало, въ свѣжую погоду намучишься, пока не раздастся металлическій голосъ: „Готовься къ повороту... раздернуть кливершкоты“, и опаловый перстень на маленькой смуглой рукѣ плавно перекладываетъ руль!..

Это воспоминаніе, которое я съ грустнымъ удовольствіемъ вызываю передъ своими глазами, относится къ очень далекому времени, потому что я ходилъ на „Тамѣ“ подъ парусами, когда былъ совсѣмъ маленькимъ, но я не ограничусь лишь имъ, а расскажу болѣе значительное, относящееся къ исторіи перстня съ опаломъ.

Радужныя искорки вспыхивали на камнѣ не въ одинъ штормъ и не въ одну ночь указывалъ онъ на вспыхивавшіе огни едва виднаго вдали маяка, путь къ спасенію, между рифовъ.

Я былъ связанъ узами дружбы съ семьей Сторожева, и его жизнь проходила передъ моими глазами.

Одно время онъ былъ командиромъ порта въ одномъ изъ Крымскихъ городовъ. И вотъ какая тамъ произошла исторія. Пришла изъ Новаго Аѳона шхуна, команда которой была укомплектована монахами. Одинъ изъ нихъ сошелъ съ ума и въ припадкѣ безумія зарубилъ топоромъ трехъ другихъ. Затѣмъ взобрался по вантамъ на гротъ-рею и сжимая окровавленный топоръ, сталъ поджидать смѣльчака, кто бы рѣшился его снять оттуда.

Вызвали командира порта. Было ясно, что взять живымъ безумнаго монаха невозможно. Несмотря на отговариванія окружающихъ, Сторожевъ сталъ подыматься по вантамъ навстрѣчу убійцѣ.

Я такъ ясно вижу, какъ его выхолонныя руки хватаются за грубыя смоляныя выбленки вантъ и какъ роскошно играетъ при этомъ на его мизинцѣ опаль! Поднявшись къ монаху, Сторожевъ приказываетъ ему выпустить изъ рукъ свой страшный топоръ и затѣмъ, безъ всякаго сопротивленія со стороны убійцы, тащитъ его внизъ по вантамъ.

... А до этого случая, когда Сторожевъ еще плавалъ въ Добровольномъ Флотѣ, произошелъ какъ-то на пароходѣ, перевозившемъ на Сахалинъ каторжанъ, бунтъ. Ужасная вещь бунтъ на пароходѣ, да еще бунтъ каторжанъ, вдобавокъ!

Было растерзано нѣсколько конвойныхъ солдатъ раньше, чѣмъ начальство успѣло опомниться. Появился командиръ Сторожевъ. Безъ оружія, съ голыми руками онъ бросился къ вожаку и однимъ ударомъ сбиль его съ ногъ. Бунтъ былъ погашенъ сразу.

И опять — опаловый перстень на маленькой мужественной рукѣ!

Прошло еще нѣсколько лѣтъ. Капитанъ перваго ранга Сторожевъ былъ въ отставкѣ. Ему было что-то лѣтъ пятьдесятъ, и вотъ, въ этомъ возрастѣ онъ привелъ въ исполненіе свою давнишнюю мечту — отдаться наукѣ, которую онъ смутно любилъ, еще ее не зная, — медицинѣ.

Опаловый перстень — въ новой, такой необычной для него обстановкѣ. Палецъ, на которомъ онъ одѣтъ, мирно перелистываетъ страницы учебниковъ, держитъ скальпель (столько лѣтъ онъ держалъ секстанъ, румпель, корабельную снасть!) въ анатомическомъ театрѣ сначала, потомъ въ операционной. Осторожно поддерживаетъ хрупкую пробирку въ университетской лабораторіи.

Какъ странно все измѣнилось! Но воля Сторожева упорна, какъ и всегда, и онъ добивается того, что началъ. Докторъ Сторожевъ, капитанъ перваго ранга въ отставкѣ.

Опаль мирно вспыхиваетъ въ кольцо на его пальцѣ.

Начинается Великая война. Происходитъ то, о чемъ я сказалъ въ началѣ. Лебедь возвращается умирать на воду.

Контръ-адмиралъ Сторожевъ командуетъ отрядомъ транспортовъ. Это не то, что было бы раньше, не вполне отвѣчаетъ его прежнему темпераменту, но онъ уже не молодъ, не здоровъ, начинаетъ скверно видѣть. Онъ все-же на кораблѣ и какъ всегда, какъ столько десятковъ лѣтъ, опаловый перстень на его рукѣ по прежнему.

Онъ ему не принесъ несчастья, этотъ камень.

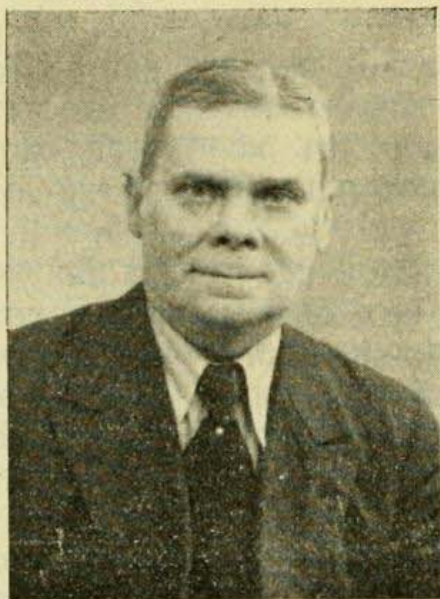
. . . . .

Въ одинъ скверный осенній день эвакуаціи Севастополя въ командирскую каюту бывшего парохода Ропита, занимаемую Сторожевымъ, постучались. Это былъ его сынъ, оставившій Севастополь для чужбины. На время. Всѣ тогда думали, что „на время“.

— Войдите, — сказалъ онъ своимъ по-прежнему металлическимъ голосомъ. — Съ кѣмъ я имѣю честь? — онъ очень плохо видѣлъ...

Сторожевъ остался умирать на Родинѣ, на морѣ, на кораблѣ, въ любимомъ Севастополѣ. Но передъ тѣмъ, какъ навсегда разстаться съ сыномъ, онъ снялъ съ мизинца перстень съ опаломъ, прожившимъ съ нимъ лучшую часть его жизни, его жизни и отдалъ сыну. Онъ больше не былъ ему нуженъ, этотъ камень, пусть онъ поможетъ его сыну.

Александръ Гефтеръ.

Мичманъ Александръ Александровичъ Гефтеръ, по окончаніи физико-матем. и юридическаго факультетовъ, поступилъ въ юнкера 2-го флотскаго экипажа. Плавалъ въ 1917 г. на уч. крейсерѣ „Орелъ“ въ Тихомъ океанѣ. Держалъ экзамены при Морск. Уч-щѣ въ Петербургѣ и произведенъ

въ томъ же 1917 г. Работалъ съ начала революціи въ к.-рев. организаціяхъ и нѣсколько разъ ходилъ англійскимъ секретнымъ курьеромъ въ Петербургъ на глассерѣ подъ орудійнымъ обстрѣломъ номерныхъ кронштадтскихъ фортовъ. Въ четвертый свой походъ глассеръ былъ накрытъ тремя прожекторами большевиковъ, потерялъ курсъ и налетѣлъ на ряжи Большого Кронштадтскаго рейда, сорвалъ винты, рули и раскололъ себѣ машину. Спасеніе произошло чудомъ. Затѣмъ былъ въ отрядѣ быстроходныхъ катеровъ подъ флагомъ каперанга П. Вилькена, дѣйствовавшихъ при Сѣв.-Зап. Арміи.

— Объявляется подписка на 1938 годъ —

11-й годъ изданія.

Подписная плата: на годъ — 2 ам. долл., на полгода — 1 ам. долл.

Инокъ Алексій Дехтеревъ, Мукачевъ.

Однажды въ Египтѣ...

Какая это простая и, вмѣстѣ съ тѣмъ, глубокая исторія; какъ все вообще просто и въ то же время глубоко въ жизни...

Все это было почти четверть вѣка тому назадъ, а кажется, будто вчера. Въ то отдаленное лѣто я долженъ былъ отбывать положенное мнѣ плаваніе въ качествѣ штурмана-практиканта. Было мнѣ тогда лѣтъ двадцать, я только-только закончилъ морское образованіе въ Либавскихъ классахъ дальняго плаванія. Балтику я успѣлъ уже изрѣзать вдоль и поперекъ и меня потянуло на югъ, въ далекую Новороссію, въ сказочно богатую, яркую Одессу. Сборы мои длились не долго, кажется, около двухъ часовъ. Извозчикъ доставилъ меня и мой скромный чемоданъ на вокзалъ, и вотъ — замелькали телеграфные столбы, рощи, поля, станціи, села, города. Утромъ на четвертый день я прибылъ въ Одессу и весь, что называется, душой и тѣломъ погрузился въ зной и известковую пыль ея улицъ, въ шумъ и звонъ большого торговаго города. День промелькнулъ незамѣтно, такъ какъ пришлось побывать въ конторѣ Ропита (Русское Общество Пароходства и Торговли) и у капитана прекраснаго парохода «Королева Ольга», на который меня назначилъ старшій агентъ. И только вечеромъ я вздохнулъ свободно, уладивъ всѣ свои дѣла.

На слѣдующее утро я долженъ былъ прибыть на пароходъ, а въ полдень — уйти въ Африку.

Весь поздній вечеръ я пробродилъ по городу, точно въ туманѣ, предвкушая прелесть предстоящаго рейса. Ночь спалъ плохо, то и дѣло просыпаясь отъ остро вспыхивающей мысли: вотъ, пройдетъ нѣсколько часовъ и я буду стоять на капитанскомъ мостикѣ, буду нести штурманскую вахту, весь бѣлый, на выбѣленныхъ доскахъ настила, въ бѣломъ зноѣ южнаго полудня.

Раннимъ утромъ, что то около шести часовъ, я уже всталъ, умылся, спѣшно привелъ себя въ порядокъ, взялъ чемоданъ и легкой юношеской поступью отправился въ портъ. Черезъ часъ я уже былъ въ своей каютѣ, рассчитанной на двухъ лицъ.

— Кто же второй? — спросилъ я вѣстового.

— Художникъ Хокинъ, — отвѣтилъ мнѣ веселый, словоохотливый, совсѣмъ еще юный матросъ, только-только начавшій плаваніе. На его широкомъ, бабьемъ лицѣ сіяла широкая улыбка, глаза были полуприщурены, а въ правомъ ухѣ покачивалась огромная серебрянная серьга.

Онъ былъ изъ донскихъ казаковъ, случайно забредшихъ въ Одессу. А кто въ тѣ времена смолоду попадалъ къ морю, тотъ непременно рѣшилъ, что ему необходимо поболтаться на волнахъ и повидать чужеземныя страны.

Не успѣлъ вѣстовой выйти изъ каюты, какъ въ дверяхъ показался юноша моихъ лѣтъ въ бѣлой голландкѣ, широкихъ панталонахъ и сандаляхъ на босу ногу. Его блѣдное, полное лицо съ узкими глазами и крѣпко сжатыми губами носило не русскій характеръ. Бѣлые волосы и бѣлыя брови подчеркивали эту нерусскость.

— Вы будете жить въ этой каютѣ? — спросилъ онъ меня теплымъ, груднымъ голосомъ, который сразу же пришелся мнѣ по душѣ.

— Да, отвѣтилъ я, — а вы тоже будете здѣсь ютиться?

— Я живу уже здѣсь три дня. Позвольте познакомиться — художникъ Хоканнень.

И юноша протянулъ мнѣ руку. Я назвалъ себя и крѣпко пожалъ широко и довѣрчиво протянутую руку. Черезъ нѣсколько минутъ мы уже сидѣли въ лонгъ-шезахъ на правомъ тѣневомъ споръ-дэкѣ и вели оживленный разговоръ.

Въ первый же день нашего знакомства Хоканнень рассказалъ мнѣ всю свою несложную біографію. Онъ — финнъ, сынъ нѣкогда зажиточнаго крестьянина, но потомъ, вслѣдствіе длительной болѣзни, впавшаго въ нужду. Приходилось питаться однимъ хлѣбомъ и невыносимо страдать отъ лихорадки. Пришлось послѣдовательно похоронить отца, мать и единственнаго старшаго брата. Когда Хоканнень минуло пятнадцать лѣтъ, онъ остался совершенно одинъ и, конечно, погибъ бы, если бы не приютила его у себя одна петербургская дачная семья.

Здѣсь и увидѣлъ его однажды извѣстный художникъ. Любя возиться съ дѣтьми, онъ замѣтилъ на столѣ въ дѣтской нѣсколько карандашныхъ рисунковъ, которые показались ему весьма примѣчательными. Узнавъ, что они принадлежатъ приѣмщику и приглядѣвшись къ мальчику, художникъ рѣшилъ взять его къ себѣ въ Петербургъ, гдѣ и отдалъ въ художественное училище барона Штиглица. Хоканнень окончилъ училище съ отличіемъ и получилъ заграничную поѣздку на Востокъ, такъ какъ проявилъ незаурядную склонность къ ориентализму. Такъ оказались мы вмѣстѣ на борту парохода «Королева Ольга», гдѣ и подружились съ юношеской экспансивностью въ первый же день. Рассказалъ и я о себѣ все. Но моя исторія оказалась совсѣмъ блѣдной: большой городъ, большая чиновничья семья, гимназія и потомъ морскіе классы, вотъ и все. Внѣшне ничего такого, что могло бы остановить вниманіе. Ну, а внутреннихъ переживаній мы еще не касались, такъ какъ слишкомъ мало знали другъ друга. Правда, для юности одинъ день, пожалуй, большой срокъ. Но вѣдь мы и дня еще не провели вмѣстѣ.

Да, все это было такъ давно, но и такъ близко въ то же время!.. Какъ сейчасъ предо мной блѣдуютъ высушенные на солнцѣ доски споръ-дэка, а впереди — безбрежно синѣть мо-

ре, уводя и мысль, и воображеніе въ далекія, еще невѣдомыя мнѣ страны, гдѣ таинственно шепчутся пальмовыя рощи и деревья манго даютъ желанную тѣнь.

Нашъ путь былъ необычайно длиненъ. Постояли мы въ болгарскихъ водахъ — въ Варнѣ и Бургасѣ; промелькнули предъ нами, какъ сказочное видѣніе, Босфоръ и Золотой Рогъ; полюбовались мы изъ Пирея и далекимъ бѣлымъ Акрополемъ. Еще два дня и вотъ, однажды, раннимъ утромъ въ сторонѣ забѣлѣлась узкая бѣлая полоска съ зеленой каймой надъ нею.

— Скоро Александрія!.. — сухо замѣтилъ старикъ капитанъ съ сѣдыми подъусниками и плотно сжатыми безкровными губами: типичный шкиперъ дальнихъ странствій.

— Это... Африка!.. — въ невольномъ восторгѣ выдохнулъ я, опираясь обѣими руками о поручни капитанскаго мостика и зорко вглядываясь въ даль.

А полоска все ширилась, ширилась и вскорѣ превратилась въ песчаный берегъ съ рощами стройныхъ кокосовыхъ пальмъ.

Черезъ два-три часа мы входили уже въ портъ, гремящій сотней лебедокъ, звономъ отбиваемыхъ склянокъ и ревомъ разнотонныхъ сиренъ: рабочій день былъ въ полномъ разгарѣ.

Съ наступленіемъ вечера полная тишина объяла весь рейдъ и портъ. Будучи совершенно свободнымъ, я рѣшилъ предложить Хоканнену пройтись по улицамъ города, на что онъ сразу же и согласился. Мы быстро привели себя въ порядокъ и спустились по сходнямъ на набережную. Рѣшили зайти въ Ботаническій садъ, не запираемый на ночь, чтобы сразу почувствовать все невысказанное обаяніе африканской флоры.

Вошли въ ворота и медленно стали продвигаться по главной аллеѣ, слабо освѣщенной электричествомъ. И дѣйствительно: сказочное богатство растительности, еще болѣе подчеркнутое полумракомъ, поразило наше воображеніе. Ничего подобного мы не ожидали. Эвкалиптовые и пальмовыя рощи, гигантскія свѣчи бамбуковъ, огромные фикусы, цѣлыя сѣти всевозможныхъ ліанъ, одуряющій ароматъ цвѣтовъ и міриады свѣтящихся насѣкомыхъ — все это останавливало насъ на каждомъ шагѣ и прерывало нашу бесѣду.

Здѣсь, въ этотъ таинственный и прекрасный вечеръ, Хоканненъ и рассказалъ мнѣ о себѣ то, что впоследствии подтвердилось роковымъ для него исходомъ этого злосчастнаго африканскаго рейса. Я приведу здѣсь по памяти рассказъ моего друга.

— Знаете, то, что я вамъ расскажу сейчасъ, не совсѣмъ обычное явленіе, — началъ Хоканненъ своимъ низкимъ, груднымъ голосомъ, — слушайте же со вниманіемъ и не перебивайте меня ни однимъ словомъ.

Я улыбнулся и — промолчалъ. А Хоканненъ началъ свой разсказъ.

— Это произошло года три тому назадъ, въ Гатчинѣ, на дачѣ пріютившаго меня художника. Въ томъ же домѣ жила семья недавно умершаго генерала Развадовскаго, состоявшая изъ двухъ дѣвочекъ и одного мальчика. Старшей, Вѣрѣ, было лѣтъ восемнадцать; младшей, Люсѣ, пятнадцать; мальшу, Колѣ, — восемь. Всѣ были необычайно красивы, напоминая Рафаэлевскихъ мадоннъ, такъ что положительно останавливали на себѣ взоры всѣхъ встрѣчныхъ, въ особенности, въ провинціальной Гатчинѣ. Признаюсь вамъ, что мнѣ очень нравилась Люся, съ которой, кстати, я и подружился. Мы любили нашъ общій большой, запущенный садъ, представлявшій собой сплошной букетъ попеременно цвѣтущихъ яблонь, вишенъ, черемухи, жасмина, шиповника и сирени. Любили его и утромъ, и днемъ, но особенно по вечерамъ, когда почти осязаемый плотный блескъ луны превращалъ всѣ деревья въ сказочный міръ, въ декорации къ тысяча и одной ночи.

Люся была не совсѣмъ обыкновеннымъ ребенкомъ. Ей нравились эти лунные вечера, какъ нравилось все таинственное, выходящее изъ ряда обыденнаго. Она любила свои сны и вѣрила въ нихъ, любила разсказывать о тѣхъ видѣніяхъ, которыя изрѣдка посѣщали ее, любила касаться жуткихъ граней потусторонняго міра. Однажды вдвоемъ мы гуляли позднимъ вечеромъ по саду. Вдругъ, проходя мимо почти развалившейся отъ ветхости бесѣдки, она остановилась и вскрикнула: «Смотрите, мой отецъ!..» — и бросилась бѣжать изъ сада. Я бросился за нею и догналъ ее уже во дворѣ. Оказывается, она явственно увидѣла блѣдный призракъ недавно умершаго отца.

Однажды она разсказала мнѣ сонъ:

«Я видѣла васъ во снѣ, — сказала она, — будто вы шли по садовой аллеѣ, среди какихъ то диковинныхъ растеній и... вдругъ поблѣднѣли, зашатались и повалились на бокъ. Я бросилась къ вамъ, а васъ — нѣтъ. Знаете, берегитесь сада, въ которомъ растутъ диковинныя растенія. Вы собираетесь съѣздить въ Батумъ — не ѣздите туда, лучше и въ будущее лѣто пріѣзжайте сюда».

Конечно, въ Батумъ я не попалъ по другимъ причинамъ, но и въ Гатчинѣ больше не пришлось бывать, такъ какъ мой опекунъ слѣдующее лѣто проводилъ въ сельцѣ Абрамцево, что подъ Москвой, а я — у своего пріятеля въ Павловскѣ. Тамъ, въ Павловскѣ, я встрѣтился съ дѣвушкой-финкой, учительницей мѣстной гимназіи, очень милымъ человекомъ, и вскорѣ сталъ ея женихомъ. Я и Ида рѣшили заключить свою жизнь бракомъ послѣ окончанія мной училища. Повѣрите ли мнѣ, это была весьма одухотворенная, прелестная дѣвушка,

стройная, съ узкимъ блѣднымъ лицомъ и большими синими глазами — цвѣтъ нашихъ бѣлыхъ мховъ и синихъ озеръ. Мы повѣнчаемся, какъ только я вернусь изъ поѣздки. Ида какъ то сразу вытолкнула мою первую любовь, загадочную Люсю, какъ яркое живительное солнце прогоняетъ мракъ холодной ночи.

Въ этотъ вечеръ мы поздно вернулись домой, оба удовлетворенные прогулкой и первымъ знакомствомъ съ матеріализованнымъ видѣніемъ Африки.

Дня черезъ два мы рѣшили съѣздить въ Каиръ. Капитанъ позволилъ мнѣ отсутствовать три дня, до отхода парохода. Выѣхали мы днемъ и, миновавъ Абукирское и Мероитское озера, вечеромъ были уже въ Каирѣ. Остановились у инженера О., одного изъ строителей Каирской желѣзной дороги, русскаго, но женатаго на французенкѣ. Приняты мы были съ чисто русскимъ хлѣбосольствомъ. У инженера былъ восьмилѣтній сынъ, который ни слова не говорилъ по русски. Онъ сыгралъ намъ на скрипкѣ нѣсколько солнечныхъ вещицъ Моцарта и ушелъ къ себѣ, довольный нашей похвалой. Окна, въ частой рѣшеткѣ, были безъ стеколъ, но прохлады мы не ощущали. Сзади насъ стояли юные слуги — арабы и большими опахалами создавали подобіе вѣтра. Инженеръ съ видимымъ удовольствіемъ бесѣдовалъ съ нами по русски и спрашивалъ о послѣднихъ событіяхъ въ Россіи.

Утромъ мы сѣли въ трамвай и отправились къ пирамидамъ. Побродивъ по песку и полюбовавшись ландшафтомъ пустыни, мы, на обратномъ пути, слѣзли съ трамвая передъ широкими раскрытыми воротами знаменитаго зоологическаго сада. Обиліе животныхъ, часто просто за изгородью, поразило насъ. Здѣсь были стада страусовъ и жирафъ. Хищные же звѣри цѣлыми колоніями ютились въ большихъ клѣткахъ, среди первобытной растительности. Съ небольшихъ озеръ то и дѣло вздымались розовыя облака фламинго, по вершинамъ деревьевъ носились цѣлые отряды небольшихъ обезьянъ, а ниже, въ чашѣ, пестрѣли всѣми цвѣтами радуги голосистые попугаи. Двухъ часовъ, которые мы положили на осмотръ сада, было мало. Но надо было спѣшить, такъ какъ къ шести часамъ гостепріимный инженеръ ждалъ насъ съ обѣдомъ.

Возвращаясь по одной изъ боковыхъ аллей, почти у самаго выхода, Хоканнень машинально протянулъ руку къ ярко оранжевому цвѣтку и машинально же началъ его жевать. И вотъ, случилось то, чего меньше всего можно было ожидать отъ столь невиннаго занятія, какъ разсѣянная игра языкомъ съ сорваннымъ цвѣткомъ или листомъ: Хоканнень почувствовалъ изжогу, тошноту и боль въ желудкѣ. Почти въ безсознательномъ состояніи онъ добрался до квартиры инжене-

ра. Нѣсколько капель опиума помогли ему и въ тотъ же вечеръ мы выѣхали въ Александрію. Бѣдный юноша былъ блѣденъ, какъ смерть, и холодный потъ то и дѣло выступалъ на его лицѣ. Въ такомъ состояніи онъ слегъ на одну изъ больничныхъ парходныхъ коекъ. Ни строгій режимъ, ни лѣкарства не помогали и, по приходѣ «Королевы Ольги» въ Одессу, Хоканненъ въ каретѣ скорой помощи былъ отправленъ въ больницу.

Черезъ три дня мы опять ушли въ Александрію. Предполагая, что у моего друга лихорадка и будучи занятъ погрузкой парохода, я такъ и не удосужился навѣстить больного. Черезъ двѣ недѣли я вернулся въ Одессу и первымъ дѣломъ бросился въ больницу. Но тамъ сообщили мнѣ, что дней десять тому назадъ, молодой художникъ умеръ; что къ нему приѣзжала невѣста, которая оставила одному господину адресъ. Взглянувъ на бумажку, я убѣдился, что адресъ предназначался мнѣ.

Не стану здѣсь передавать, какъ горестно пережилъ я эту смерть. Я написалъ Идѣ и получилъ отъ нея письмо, въ которомъ сообщала она, что умершій не разъ вспоминалъ меня и просилъ передать мнѣ послѣднее прости; что умеръ онъ отъ отравленія организма какимъ то невѣдомымъ ядомъ и что умеръ въ полномъ сознаніи. Сообщала она и то, что предсказаніе дѣвочки Люси сбылось. Вотъ тутъ только и вспомнилъ я о нашей бесѣдѣ въ Александрійскомъ ботаническомъ саду, о чемъ, по капризу судьбы, совсѣмъ было позабылъ.

И еще одна странность. Когда я въ третій разъ побывалъ въ Египтѣ и съѣздилъ въ Каиръ, чтобы побывать въ зоологическомъ саду и сорвать оранжевый цвѣтокъ, принесшій смерть бѣдному другу, — этого цвѣтка, какъ я ни искалъ, я не нашелъ. Я прожилъ въ Каирѣ десять дней и ежедневно посѣщалъ садъ, но даже и похожаго цвѣтка тамъ не оказалось.

Еще прошло два года и я встрѣтился съ невѣстой Хоканнена въ Севастополѣ. Ида много интереснаго рассказала мнѣ объ умершемъ, о чемъ и я расскажу въ другой разъ, при случаѣ; рассказала она и о себѣ, о сходствѣ своей судьбы съ судьбой милаго Хоканнена, о неимовѣрной бѣдности дома, о взятіи ее въ семью критика С., гдѣ и получила она незаурядное образованіе.

Ида была вѣрна своему умершему жениху еще пять лѣтъ, послѣ чего я потерялъ ее изъ виду. Гдѣ она живетъ и что съ нею — не знаю. Но почему то увѣренъ я, что замужъ она такъ и не вышла.

Прошло съ тѣхъ поръ много лѣтъ, но я не забылъ этой печальной исторіи, гдѣ предсказаніе и осуществленіе его почти слились воедино, гдѣ даже пламенная любовь не смогла побѣдить того, что было предназначено судьбой.

Много еще есть неразгаданнаго въ этомъ мірѣ. А. Д.

Мичманъ И. М. Бѣлавенецъ, Парижъ.

Обращеніе къ выпуску 1920 года.

Прежде чѣмъ обратиться къ моему выпуску съ опредѣленнымъ предложеніемъ, я полагаю необходимымъ привести краткую исторію выпуска для того, чтобы читателямъ «Морского Журнала» было бы извѣстно, что такое выпускъ 1920 года.

Приемъ нашего выпуска въ 6 роту Морского Корпуса произошелъ въ 1914 году и до весны 1917 года жизнь наша въ кадетскихъ ротахъ ничѣмъ особенно не отличалась отъ жизни другихъ выпусковъ. Лѣто 15 и 16 годовъ выпускъ плавалъ на судахъ Царской охраны въ Петергофѣ. Весною 17 года выпускъ былъ произведенъ въ гардемарины и былъ отпущенъ до осени по домамъ, но мы плавали по способности въ Дѣйствующихъ флотахъ Балтійскаго, Черноморскаго и Бѣлаго морей. Осенью 1917 г. подъ начальствомъ незабвеннаго кр. М. А. Кителина и такихъ доблестныхъ офицеровъ, какъ ст. лейт. А. Н. Степановъ, лейт. Шестаковъ, Краузе, Рыбинъ и др., выпускъ былъ отправленъ на Д. Востокъ, гдѣ на «Орлѣ» стбылъ въ заграничное плаваніе. Весною 1918 г. выпускъ прибылъ въ Маньчжурію, принялъ участіе въ бѣлой борьбѣ и съ утвержденіемъ власти адмирала Колчака въ Сибири былъ собранъ во Владивостокѣ, гдѣ продолжалъ и занятія в.-м. науками и военныя дѣйствія противъ красныхъ и участвовалъ въ подавленіи всевозможныхъ возстаній (Гайды, егерей и т. п.).

Два лѣтнихъ мѣсяца 1919 г. выпускъ плавалъ на ледоколахъ и п. с. «Якутъ» у береговъ Камчатки въ охранѣ и для штурманскихъ наблюденій. Съ паденіемъ власти адмирала Колчака, за нѣсколько часовъ до занятія большевиками Владивостока, выпускъ подъ начальствомъ нашего славнаго отца-командира М. А. Кителина на «Орлѣ» и «Якутъ» эвакуировался въ Японію, вывезя много семействъ.

За отсутствіемъ средствъ, перевозя грузы съ заходомъ въ Калькутту, Портъ-Саидъ и Дубровникъ, выпускъ прибылъ въ Севастополь за нѣсколько дней до эвакуаціи Крыма. По дорогѣ съ Дальняго Востока выпускъ усовершенствовался въ в.-м. наукахъ и былъ произведенъ кр. Кителинымъ въ корабельные гардемарины. Въ составѣ Русской эскадры выпускъ прибылъ съ флотомъ въ Бизерту и приказомъ ген. Врангеля былъ произведенъ въ мичманы. Въ Бизертѣ многіе мичманы выпуска 1920 г. были воспитателями въ Морскомъ Корпусѣ и вахтенными офицерами на эскадрѣ.

По расформированіи Русской эскадры и Училища, выпускъ разъѣхался во всѣ страны свѣта и, несмотря на прошедшіе уже 15 съ лишнимъ лѣтъ, не только не порвалъ связи между собой, но мы почти всѣ знаемъ другъ о другѣ. Многіе изъ насъ за годы эмиграціи въ разныхъ странахъ и колоніяхъ преуспѣли

въ новой жизни, приобрѣли тѣ или иныя специальности, ничего общаго съ навигацкими и математическими науками не имѣющими. Но никто изъ 100 съ лишнимъ человекъ не пересталъ быть русскимъ, не потерялъ вѣры въ Россію, въ ея будущее возрожденіе, и выпускъ всегда готовъ послужить Національной Россіи. Эти цѣнности, сохраненныя выпускомъ, не разточены главнымъ образомъ потому, что выпускъ имѣетъ заставку еще стараго Морского Корпуса, и потому, что М. А. Кितिцынъ своей доблестной жизнью и мудрымъ водительствомъ сумѣлъ заложить въ наши, тогда еще юныя души, дѣйствительную любовь къ Родинѣ, Флоту и морю. Его завѣты выпускъ сохранилъ и сохранитъ навсегда — вотъ почему такъ глубока наша ему признательность.

Идутъ года... И черезъ три года, въ 1940 году, исполнится 20-лѣтіе нашего пребыванія въ офицерскихъ чинахъ. И за три года до этого я поднимаю вопросъ о съѣздѣ выпуска.

Если до 1940 года Господь не смилостивится надъ нашей несчастной Родиной, временно носящей названіе СССР, и не будетъ она вновь Великой Національной Россіей, если къ нашему дорогому училищу еще будетъ прилѣплено имя «товарища Фрунзе», то я предлагаю въ 1940 году съѣхаться всѣмъ выпускомъ въ какомъ либо городѣ Европы. Такимъ мѣстомъ по многимъ причинамъ, мнѣ кажется, лучше Дубровника не найти. Я заглядываю въ далекое будущее потому, что, во первыхъ, вотъ уже 17 лѣтъ, какъ мы живемъ по Европамъ, Америкамъ и Австраліямъ, и ничего не извѣстно, что будетъ въ 1940 году, а повидать намъ всѣмъ другъ друга „vingt ans après“ было бы очень радостно; во вторыхъ, живя въ очень отдаленныхъ странахъ, многіе пользуются отпускомъ въ Европу разъ въ нѣсколько лѣтъ. Если вопросъ о съѣздѣ будетъ принятъ, они смогутъ приурочить свой отпускъ къ 1940 году. Европейцы, имѣя каждый годъ отпускъ и менѣе обезпеченные, смогутъ сдѣлать достаточный запасъ денегъ, чтобы дешевымъ билетомъ на 10 человекъ сразу, какъ ѣздить сокола на слетъ, изъ Бельгіи, Франціи и др. странъ приѣхать въ Дубровникъ.

Наконецъ, за эти три года мы сможемъ подъ руководствомъ М. А. Кितिцына организовать розыски тѣхъ немногихъ нашихъ однокашниковъ, до кого случайно не дойдетъ «Морской Журналь» — поистинѣ наша служба связи за рубежомъ, и, списавшись съ нашими «сербамъ», узнать отъ нихъ условія прожитія сообща мѣсяца лѣтомъ въ Дубровникѣ. Наши однокашники-поляки, о которыхъ мы давно уже не имѣемъ извѣстій, счень насъ обрадуютъ, если соберутся приѣхать на съездъ.

На все это необходимо имѣть хорошо налаженную «службу связи» и организаціонный центръ, каковой, я полагаю, долженъ быть тамъ, гдѣ находится кѣр. Кितिцынъ и слѣдующій

за нимъ — ст. лейт. А. Н. Степановъ, гдѣ, наконецъ, такъ много живетъ представителей нашего выпуска, но гдѣ съѣздъ устроить невозможно изъ-за дороговизны — это Нью-Йоркъ.

Дорогіе одноклассники! Подумайте каждый надъ моимъ предложеніемъ, какъ бы несбыточнымъ оно вамъ ни показалось на первый взглядъ. Связавшись съ центромъ нашего выпуска, думайте о съѣздѣ въ Морскомъ Корпусѣ въ Петроградѣ, надѣйтесь, чтобы это было раньше 1940 года, а если наши надежды не оправдаются раньше 40 года и Петроградъ все еще будетъ Ленинградомъ, то лѣтомъ 1940 года поѣдемъ всѣ на съѣздъ въ Дубровникъ, въ братскую Сербію, гдѣ и проведемъ мѣсяць, вспоминая прежніе годы и надѣясь дѣятельно послужить возрожденному отечеству нашему и Флоту.

Иванъ Бѣлазенецъ.

Понтъ Эвксинскій.

Не такъ давно я имѣлъ удовольствіе прочитать въ рукописи романъ въ 4-хъ частяхъ М. В. Абаза подъ названіемъ — «Понтъ Эвксинскій».

Уже по заглавію романа можно судить, что мѣстомъ его дѣйствія является Черное море. Фамилія автора, хорошо извѣстная на Флотѣ, зарождаєтъ надежду, что въ романѣ описана и морская жизнь. Эта надежда смѣняется увѣренностью, когда на первой страницѣ прочтешь трогательное посвященіе «милому Севастополю и родному Черноморскому флоту».

Черноморцамъ страницы романа напомнимъ многое: доброе старое время, время службы Родинѣ и радостной жизни, передъ войной; гордое сознаніе исполняемаго долга, упоеніе военной опасностью и щемящую тревогу за близкихъ и родныхъ — во время войны.

Многіе эпизоды, описываемые въ романѣ, вызовутъ цѣль воспоминаній, которымъ и отрадно и грустно отдаться послѣ трудового дня въ безразличной средѣ, въ чужой обстановкѣ, послѣ столькихъ пережитыхъ потрясеній, униженій и горя.

Какое отдохновеніе даютъ страницы романа М. Абаза читателю, только что ознакомившемуся съ романомъ совѣтскаго писателя Леонида Соболева «Капитальный ремонтъ», описывающимъ ту же среду и въ то же время кануна войны; авторъ его, недопеченный мичманъ выпуска 1918 года изъ Морского Училища, послѣ cadaго мѣткаго описанія морского быта, начинаетъ искать въ этомъ бытѣ классовыя противорѣчія, намекать на низменность всѣхъ побужденій правящаго сословія, издѣваться надъ русской исторіей, клеветать на лицъ Императорскаго Дома.

«Понтъ Эвксинскій» рисуетъ типы морскихъ офицеровъ такими, какими они были въ дѣйствительности: образцовыми служаками, доблестными воинами, а въ личной жизни, столь

изящной и своеобразной, — людьми не безъ человѣческихъ слабостей, которыми кто изъ насъ не надѣленъ. Въ «Капитальномъ ремонтѣ» морскіе офицеры, если они только не обуреваемы революціоннымъ психозомъ, — или подлецы, или карьеристы, или трусы. И въ отличіе отъ ренегата Леонида Соболева, пресмыкающагося передъ краснымъ отрепьемъ и поливающимъ грязью тѣхъ, служба и жизнь которыхъ толкнула его поступить въ Морской Корпусъ, М. В. Абаза — внучка, дочь и жена морскихъ офицеровъ, даетъ объективно правдивый обликъ офицера Россійскаго Флота.

Большое спасибо М. В. Абаза за то, что она вѣрнымъ описаніемъ жизни офицеровъ флота, бережнымъ отношеніемъ къ морскому быту вскрываетъ всю нарочитость построений совѣтскаго автора и защищаетъ честь офицеровъ Россійскаго Императорскаго Флота передъ клеветой романа, уже вошедшаго въ «большую литературу» и переведеннаго на многіе иностранные языки.

Поэтому мы рекомендуемъ «Понтъ Эвксинскій» вниманію не только русскихъ моряковъ и вниманію не только офицеровъ остальныхъ флотовъ, но и всѣхъ, интересующихся флотскимъ бытомъ, всѣхъ, ищущихъ правду въ потокѣ лжи и инсинуаций, которыми полна такъ называемая «настоящая» литература. Романъ М. Абаза цѣненъ еще и тѣмъ, что въ немъ впервые описываются душевныя переживанія женъ офицеровъ, героически переносившихъ тревогу за своихъ мужей, за свое личное счастье, и даются видѣнія войны, преломленныя въ широко открытыхъ, полныхъ тревоги и жертвеннаго огня глазахъ женщины. Глава о боѣ Черноморскаго флота съ «Гебеномъ» у мыса Сарыча (неожиданнымъ свидѣтелемъ котораго оказалась дочь моряка) полна художественныхъ описаній перипетій боя и глубоко-трагичныхъ переживаній женщины, трепещущей за жизнь любимаго человѣка тамъ, на стальномъ борту корабля, скрывающагося во всплескахъ и въ дыму залповъ и разрывовъ снарядовъ.

Я прочелъ романъ М. В. Абаза въ рукописи... Къ сожалѣнію, изданіе романа наталкивается на препятствія матеріальнаго характера. Однако, отмѣченная нами выше тенденція Соболева и К⁰ требуетъ немедленнаго отвѣта. Достойный отвѣтъ имъ данъ... Книга должна увидѣть свѣтъ...

Пусть же тѣ, кому дорого свѣтлое прошлое русской морской среды найдутъ средства, кои позволили бы выпустить эту полезную книгу; пусть же тотъ, кто хочетъ насладиться чтеніемъ книги, написанной легкой русской рѣчью, обогащенной правильными морскими оборотами и терминами, поможетъ скорѣйшему изданію романа присылкой заявокъ на него въ издательство «Морского Журнала».

Г. А.

В. Н. Вѣчеславскій, Рига.

Послѣдніе гардемарины.

(Окончаніе).

— Будьте увѣрены, — сказалъ Домашенко, — ему жарко будетъ, если его изловятъ. Онъ совершенно правильно дѣлаетъ, что даже отъ насъ скрываетъ.

— Ну, вотъ еще, — возмутился Неймановъ. — Какъ будто мы проболтаемся, выдадимъ?

— Не волнуйся, — успокоилъ его Бахметьевъ, — навѣрное, онъ не о тебѣ думаетъ? Онъ знаетъ, что ты надеженъ, какъ скала, и отнюдь не болтливъ.

Но иронія его была слишкомъ очевидна, и Неймановъ захохотался.

— Чепуха. Ты болванъ. Просто хочешь знать, кто же онъ такой?

— Ясно, хочется, — сказала Степа Овинъ. — Въ самомъ дѣлѣ, кто же онъ?

— Да, въ самомъ дѣлѣ, — медленно повторилъ Бахметьевъ. — Ну, что же, повидимому, кто нибудь изъ нашей роты. Больше никто не посмѣлъ бы такъ свободно шататься по всему корпусу. И надо думать, какой то отчаянный мужчина.

— Отчаянный, — вскрикнулъ Колосниковъ, — сумасшедшій, а не отчаянный. Продѣлывать такія штуки передъ производствомъ.

— Мямля, — разсвирѣпѣлъ Неймановъ, — не смѣй. Ты тля, вотъ кто ты!

— Нѣтъ, — тихо сказала Овинъ, — онъ не сумасшедшій, онъ герой. И будьте спокойны, его не п...

Въ коридорѣ задрезжалъ звонокъ... Бахметьевъ пожалъ плечами.

— Одно изъ двухъ: или поймаютъ или нѣтъ. Джентльмены, идемъ въ классы.

***

Въ ночь съ пятницы на субботу надъ койками, растопыривъ пальцы вверхъ, сушились въ мыльной пѣнѣ свѣже вымытыя замшевыя перчатки. Утро въ субботу начиналось въ особо приподнятомъ настроеніи духа. До завтрака шли занятія, на которыхъ трудно было сосредоточиться. Лекціи, казалось, тянулись значительно дольше обычнаго. Зато послѣ этого время летѣло вихремъ. Не хватало платяныхъ и сапожныхъ щетокъ, передъ зеркалами собиралось столько народу, что бриться приходилось, выглядывая изъ-за плеча впереди стоящаго. Наконецъ, въ 2 часа наступило долгожданное увольненіе.

— Господинъ лейтенантъ, старшій унтеръ-офицеръ четвертой роты Бахметьевъ проситъ разрѣшенія идти въ отпускъ. Билетъ номеръ тридцать два.

— Идите, — испытующе смотря на мундиръ гардемарина, сказалъ дежурный офицеръ.

Бахметьевъ отчетливо повернулся кругомъ и вышелъ. Онъ шелъ весело. Морозъ слегка пощипывалъ уши. Снѣгъ скрипѣлъ подъ ногами, иней садился на башлыкъ, солнце высоко стояло надъ Невой, а трамваи съ веселымъ звономъ сворачивали на набережную съ восьмой линіи.

— Вася, — нагналъ его запыхавшійся Овинъ. — Чудесно.

— Замѣчательно, — согласился Бахметьевъ, весело поглядывая кругомъ. — Тебѣ куда? Мнѣ налѣво! Я домой. Пока...

Приложивъ руку къ фуражкѣ, онъ свернулъ съ набережной.

— Какъ хорошо, — думалъ онъ, — дома уютно. Сестра, навѣрное, приѣхала изъ института. Вечеромъ пойдемъ въ оперу. — Потомъ мысль перескочила. — А будетъ ли Кетти? Конечно, будетъ. Она всегда бываетъ въ оперѣ. Обязательно сегодня же все скажу. Нѣтъ, все таки жизнь хороша. Корпусъ, родной флотъ. — Дальше почему то опять въ голову пришелъ домъ. — А мама навѣрное сейчасъ уже ждетъ. Будетъ опять жаловаться на дороговизну. Но почему все стало дорого? Конечно, война. Выиграемъ войну, и все будетъ снова хорошо. Черезъ шесть мѣсяцевъ производство. Корабль. Обязательно выйду въ Балтійскій флотъ...

— Морякъ, — вдругъ онъ услышалъ окрикъ картаваго голоса и сразу же остановился. Прямо передъ нимъ стоялъ съ иголки одѣтый, съ защитными погонами, сдѣланными подъ офицерскіе, военный чиновникъ, а, можетъ быть, и прапорщикъ. Трудно было разобрать, такъ какъ цифра 487 закрывала звѣздочку.

— Честь полагается отдавать!

У картаваго голоса были голубые глаза на выкатѣ и не слишкомъ умный видъ.

— Можно попытаться разыграть, — мелькнуло въ головѣ Бахметьева. — Прошу прощенія, я не морякъ, а старшій гардемаринъ.

— А что же изъ этого, собственно говоря, слѣдуетъ?

— Собственно говоря, — служебнымъ голосомъ отвѣтилъ Бахметьевъ, — изъ этого слѣдуетъ, что я старше васъ и что вамъ первому надлежало меня привѣтствовать.

— Позвольте... — началъ было картавый голосъ, но рукой въ бѣлой замшевой перчаткѣ Бахметьевъ остановилъ его.

— Уставъ говорить, что флотскій чинъ мичмана соотвѣтствуетъ чину поручика, а старшій гардемаринъ, чинъ, предшествующій мичманскому, есть не что иное, какъ подпоручикъ. — Для большей убѣдительности положилъ руку на палашъ съ офицерскимъ темлякомъ и приложилъ руку къ фуражкѣ: — Будьте здоровы.

Сошло. Определенно сошло. Картавый голос остался стоять съ разинутымъ ртомъ. Лихо было сдѣлано. По гардемарински. Нѣтъ, определенно жизнь хороша. Солнышко свѣтитъ во всю. воробьи чирикаютъ, даже огромный сѣрый домъ на углу Шестой линіи и Средняго проспекта выглядить весело.

— Здравствуйте, Василій Андреевичъ, — открывая ему двери, сказала швейцаръ, величавшій его съ тѣхъ поръ, какъ ему исполнилось пять лѣтъ, — какова погодка то?

— Красота, Терентій, красота! — согласился Бахметьевъ и черезъ ступеньку побѣжалъ наверхъ. Все таки чудесно было возвращаться домой, а дома, навѣрное, его ждетъ какая нибудь пріятная неожиданность. Позвонилъ радостно и рѣзко, въ прихожей ущипнулъ горничную Машу за подбородокъ.

— Дома наши?

— Да, барыня васъ уже ожидаетъ и барышня Кетти тоже у насъ, — лукаво улыбнувшись глазами, протараторила Маша.

Въ гостиной его встрѣтили сестра Ира и Кетти.

— Дѣвицамъ привѣтъ!

— Здравствуйте, адмиралъ, — вмѣстѣ отвѣтили дѣвушки. — Дабы вы знали, сегодня всѣ идемъ въ оперу. Ставятъ «Бориса Годунова».

— Я тоже, — глядя на Бахметьева, сказала Кетти. — Маманъ ѣдетъ въ гости, и я на всю ночь остаюсь у Иренъ.

— Вотъ и великолѣпно, мнѣ нужно вамъ обо многомъ рассказать, — принявъ вдругъ серьезный видъ, отвѣтилъ Бахметьевъ .

***

Въ оперѣ все шло гладко до тѣхъ поръ, пока въ антрактѣ не зашелъ кузень, блестящій юнкеръ гвардейской школы. Онъ такъ же, какъ и Вася, ухаживалъ за Кетти. Однако, несмотря на убѣжденіе въ томъ, что Кетти отвѣчаетъ взаимностью, сердце какъ то непріятно защемило.

***

Вечеромъ Бахметьевъ возвратился въ корпусъ въ ужасномъ настроеніи. Не найдя никого въ спальняхъ, онъ направился прямо въ курилку.

— Удивительное дѣло, — сказала баронъ Штиглицъ, поднявъ отъ удивленія брови, — если ты только не врешь, конечно!

— Вру, — возмутился Неймановъ, — это ты всегда врешь. Намъ сейчасъ показали приказъ. Старый хрѣнь Максимовъ уходитъ въ отставку и вмѣсто него въ исполненіе обязанностей вступаетъ Иванъ-Дерьмо. Такъ тамъ все и написано.

— Жаль старика! Онъ былъ безвредный, — сказала Домашенко.

— Баронъ, дай папироску, — спросилъ Неймановъ.

Наступила тишина, и стало слышно, какъ за стѣной въ

уборной кадеты пѣли. Жалобный голосъ начиналъ:

Ветчина пошла на дно,
И досадно, и обидно.

Пауза, а потомъ хоръ подхватывалъ:

Ну, да ладно, все одно.

— Красиво поють, — улыбнулся Домашенко.

— Скучно, — какъ бы не слушая, самъ себѣ сказалъ Бахметьевъ. — Лобчевскій, идемъ на кухню. Тамъ сегодня дежурный Степа. Потребуемъ у него пирожныхъ или на худой конецъ горбушекъ.

— Идемъ.

— Что съ тобой? — спросилъ Лобчевскій.

— Ничего, ерунда, — отвѣтилъ Бахметьевъ.

Всю дорогу они болтали, перескакивая съ темы на тему. Неймановъ сочинилъ для Ивана новое прозвище: полицейская ищейка Трезоръ, и ходить страшно счастливый. Всѣмъ рассказываетъ и первый смѣется, но въ концѣ концовъ нарвался на Ивана и сѣлъ на десять сутокъ. Иванъ неизвѣстно почему выслѣживаетъ Степу Овина. Все заговариваетъ и всюду ходить за нимъ. Вчера вечеромъ забрался даже въ уборную.

Тутъ, однако, произошло неожиданное происшествіе. Тихоня Колосниковъ, рѣшивъ почтить новаго ротнаго командира, сдуру скомандовалъ «смирно». Конечно, для веселья всѣ вскочили, кто какъ былъ, и получилось табло. Колосниковъ сѣлъ тоже на десять сутокъ. Вообще Иванъ свирѣпствуетъ и клянется, что достанетъ Кречета и выведетъ его на чистую воду.

Въ буфетной блестѣли красной мѣдью стѣнные самовары, и передъ ними суетились люди въ бѣломъ. Отъ длинной шеренги супниковъ шель теплый вкусный паръ. Навстрѣчу имъ на противняхъ несли сотни уложенныхъ плотными рядами котлетъ, а въ огромныхъ чанахъ дымились горы пюре. Здѣсь внизу было еще больше движенія, чѣмъ въ буфетной, только впереди за стеклянной перегородкой было тихо. Тамъ сидѣлъ и скучалъ Степа съ тремя младшими дежурными гардемаринами третьей роты. Лобчевскій открылъ застекленную дверь и низко поклонился.

— Степанъ, мы бьемъ тебѣ челомъ. Наши бѣдные организмы требуютъ ѣды и въ частности пирожныхъ.

***

Антонъ Кречеть, повидимому, взбѣсился. За два слѣдующихъ дня онъ снова натворилъ массу дѣлъ. Его превосходительству директору прислалъ дешевый вѣнокъ изъ жестяныхъ цвѣтовъ съ надписью на траурной лентѣ: «Дорогому, незабвенному Виктору Алексѣевичу — отъ А. К.» Начальнику строевой части — копію стариннаго Павловскаго кивера изъ фольги съ запиской: «По Федькѣ и шапка». Дежурившаго по корпусу

Ветчину предупредилъ телеграммой, что ночью бригъ «Наваринъ» выйдетъ въ плаваніе и, дѣйствительно, въ ту же ночь открылъ пожарные краны въ залѣ. Въ лазаретѣ вывѣсилъ плакатъ: «Завтра поставлю Оскару клизму» — и такъ напугалъ бѣднаго Оскара Ивановича, нѣмца, старшаго врача корпуса, что тотъ на другой день не пришелъ на службу.

Но короннымъ номеромъ Антона Кречета явилось уничтоженіе штрафнаго журнала, хранившагося въ кабинетѣ инспектора классовъ. Журналъ нашли разорваннымъ и залитымъ чернилами и гуммиарабикомъ. Инспекторъ классовъ былъ потрясенъ. За двадцать два года службы въ корпусѣ онъ видѣлъ много всякихъ «номеровъ», но того, что дѣлалось сейчасъ, никогда не бывало. Странныя наступили времена. Гардемарины играютъ въ разбойниковъ, а офицеры въ сыщиковъ, вродѣ Семенова. Инспекторъ пожималъ плечами. А съ чего началось?

Гардемарины были такіе же, какъ всегда. Какъ всегда, хорошій преподавательскій и строевой составъ. Инспекторъ опустилъ голову и закрылъ глаза. Ему было не по себѣ. Рядомъ затрещалъ телефонъ.

— Слушаетъ инспекторъ классовъ!

— Ваше превосходительство, — пропищала телефонная трубка, — съ вами говоритъ Антонъ Кречеть.

— Какъ? — и послѣ небольшой паузы добавилъ: — чѣмъ обязанъ?

— Разрѣшите принести вамъ свои извиненія. Я васъ глубоко уважаю и очень сожалею, что доставилъ вамъ непріятности, напакостивъ въ вашемъ кабинетѣ.

Инспекторъ улыбнулся печальной улыбкой.

— Что же васъ принудило сдѣлать это?

— Я борюсь съ кляузами. Вы меня понимаете, ваше превосходительство?

Совершенно неожиданно для самого себя инспекторъ понялъ, несмотря на свою сѣдину, орлы на погонахъ, что онъ уважаетъ смѣльчака, что онъ вдругъ почувствовалъ себя самымъ настоящимъ гардемаринномъ. Это было глупое чувство, но очень хорошее.

— Допустимъ, что понимаю. — И ему во что бы то ни стало захотѣлось узнать, какъ этотъ гардемариинъ-проказникъ попалъ къ нему въ кабинетъ. — Послушайте, какъ вы все это продѣлали?

Теперь на другомъ концѣ провода наступила пауза. Наконецъ пискливый голосъ отвѣтилъ, что онъ готовъ рассказать и надѣется, что хоть этимъ загладитъ свою нетактичность.

Все обстояло просто. Еще до прихода его превосходительства писарь былъ вызванъ къ городскому телефону — конечно, зря. За это время уже тотъ, кому нужно, сидѣлъ въ шкафу. Изъ

этого шкафа онъ вышелъ, воспользовавшись тоже не случайнымъ вызовомъ инспектора. Сдѣлавъ все, что требовалось, онъ вернулся въ шкафъ. Покинулъ кабинетъ только тогда, когда журналъ былъ отнесенъ дежурному по корпусу.

— Откуда вы говорите?

— Изъ лазарета. Только простите, ваше превосходительство. Вы же не лейтенантъ Семеновъ?

Негодяй далъ понять, что онъ знаетъ традиціи корпуса.

— Плохо кончите, — сказала инспекторъ и повѣсилъ трубку. Послать искать? Нѣтъ, они говорили, какъ джентльмены. Нужно найти способъ поймать иначе.

***

Утромъ въ ротахъ, въ курилкахъ поползли слухи, что въ городѣ забастовки, громятъ булочные и что войска не надежны. Новости приходили неизвѣстно откуда. Одно и то же извѣстіе слышали отъ кого то изъ офицеровъ, по телефону изъ города, и отъ матросовъ, строевыхъ инструкторовъ. Сперва не вѣрили, не хотѣли вѣрить. Отшучивались, смѣялись. Потомъ начали прислушиваться. Все тѣ же вѣсти шли со всѣхъ сторонъ, и становилось страшно. Изъ угловыхъ оконъ Пятой роты видѣли толпу на Николаевскомъ мосту, но въ темнотѣ нельзя было разобрать флаговъ. Толпа была огромной и зловѣщей.

Поползли новые, еще болѣе тревожные слухи. Гдѣ то шла перестрѣлка съ городскими. Въ такомъ то полку убили дежурнаго офицера. Кадеты говорили вполголоса и ходили, стараясь не шумѣть, какъ въ домѣ, гдѣ есть покойникъ. Потомъ рѣзкій, мучительный сигналъ къ вечернему чаю. Строились и шли съ тѣми же тяжелыми мыслями. Что же случилось? Что будетъ дальше? Разсѣлись по столамъ и пили чай въ такой тишинѣ, какой залъ никогда не зналъ.

Необъятный залъ, въ которомъ передъ бронзовыми глазами основателя русскаго флота, Петра Великаго, прошла двухсотлѣтняя славная исторія флота. Со стѣнъ глядѣли бронзовыя доски, увитыя георгіевскими лентами съ именами героевъ и связки взятыхъ въ плѣнъ во время морскихъ побѣдъ непріятельскихъ знаменъ. За высокими темными окнами стояла темнота. Въ этой темнотѣ творилось что то непоправимое, роковое.

Въ залѣ, всегда такомъ уютномъ, стало неожиданно холодно. По внезапному сигналу горниста вскочили съ мѣсть и повернулись къ выходу. Дежурный по корпусу быстро шель навстрѣчу къ медленно шедшему директору. Онъ медленно вышелъ на середину зала и посмотрѣлъ на кадета долгимъ взглядомъ и поздоровался. Громко, лихо, какъ всегда, прозвучалъ отвѣтъ. Снова наступила тишина, въ этой тишинѣ трудно было дышать, страшно.

— Гардемарины и кадеты, — тихо заговорилъ директоръ, — нашему врагу, Германіи, сегодня удалось одержать самую крупную побѣду за все время этой безпримѣрной, охватившей весь міръ войны...

Онъ остановился. Было видно, какъ ему тяжело говорить. Долетали только отдѣльные слова...

— ...Ихъ золото руками враговъ престола и отечества, предателями своей родины, вызвало безпорядки на столичныхъ заводахъ. Темный народъ, который не вѣдаетъ, что творить... Приостановка производства снабженія, все это грозитъ фронту...

Дальше совсѣмъ тихо добавилъ:

— Нѣкоторые запасные полки измѣнили присягѣ своему Императору... Но, по волѣ Божіей, — голосъ директора окрѣпъ, — у Россіи еще остались вѣрные сыны, а у Государя вѣрные слуги, и не пройдетъ трехъ дней, какъ порядокъ будетъ восстановленъ и великая Россія побѣдитъ. Будьте вѣрны своему Государю и служите Ему, какъ служили дѣды и отцы. Оставьте, забудьте въ эти тяжелые дни для Россіи мелкіе счеты, проказы. Да здравствуетъ Державный Шефъ, да здравствуетъ великая Россія и Императорскій флотъ!

Громовое ура прокатилось подъ сводами зала. Оно долго не смолкало и дежурнымъ нужно было приложить много стараній, чтобы успокоить роты. Наскоро выпивъ чай, строемъ разошлись по заламъ, какъ взбудораженный улей пчель, долго гудѣли спальни.

Въ эту ночь у воротъ, на парадной лѣстницѣ и по всѣмъ угловымъ помѣщеніямъ, выходившимъ на улицу, были поставлены караулы, снабженные полнымъ боевымъ запасомъ патроновъ. И въ ту же ночь въ картинной галлерей, противъ ниши дежурнаго по батальону, появился плакатъ: «Я умеръ». А подъ плакатомъ разорванныя въ клочки были разбросаны визитныя карточки Антона Кречета.

***

Утромъ на прогулку не пошли. Въ положенный часъ собрались въ классы, но преподаватели не пришли. Сидѣли отъ звонка до звонка. На третьемъ урокъ всѣхъ собрали въ ротныя помѣщенія. Какъ разъ въ это время со стороны Одиннадцатой линіи и съ набережной подошла толпа. Отшатнувшись отъ оконъ, бросились къ оружію. Кричали, толпясь у пирамидъ, и, схвативъ винтовки, выбѣжали на дворы и къ окнамъ.

Директоръ уже съ утра изъ телефонныхъ разговоровъ съ морскимъ министерствомъ зналъ о томъ, что произошло, и теперь, какъ капитанъ корабля, спокойно стоялъ и ждалъ конца на первой площадкѣ парадной лѣстницы. Караулы еще утромъ были сняты. Дверь широко распахнулась и черезъ порогъ хлынула толпа. Адмиралъ сдѣлалъ шагъ впередъ.

— Что вамъ здѣсь нужно?

Толпа, не разслышавъ, крикнула въ разбродъ: «Ура»!

Адмираль побагровѣлъ и гнѣвно, какъ когда то на мостикѣ во время аврала, крикнулъ:

— Вонъ, хамье!

Толпа сперва отпрянула назадъ, но потомъ сразу бросилась впередъ. Какой то солдатъ въ распахнутой шинели съ огромнымъ краснымъ бантомъ и пьянымъ лицомъ ударилъ адмирала наотмашь прикладомъ. Смятеніе, стрѣльба и крики. Штыковая атака кучки гардемариновъ на дворѣ.

Инспекторъ во время успѣлъ удержать старшую роту, увидѣвъ, что прольется напрасная кровь. Нѣсколько человекъ, пробравшись на чердаки, въ теченіе нѣкотораго времени отстрѣливались. На эти отдѣльные выстрѣлы толпа отвѣчала залпами. Солдаты ворвались въ картинную галерею, снова произошла дикая сумятица. Только общими усиліями всѣхъ корпусныхъ офицеровъ удалось собрать кадетъ. Приѣхавшій изъ революціонной комендатуры дежурный полковникъ приказалъ сдавать оружіе. Крики.

— Во фронтъ! Во фронтъ! Винтовки въ козлы! Во фронтъ!

Все равно защищаться было невозможно. Поняли, что побѣждены. Ставили винтовки въ козлы и выстраивались безоруженными. Тогда началось самое трудное. Больно было смотрѣть, какъ солдаты охапками выносили оружіе — винтовки и палаши, то, что двѣсти лѣтъ считалось самымъ святымъ.

Стояли, опустивъ головы, стояли долго — больше двухъ часовъ, и были распушены, когда послѣдній солдатъ ушелъ изъ корпуса. Разошлись, не разговаривая, не смотря другъ на друга. Обѣдъ получили на три часа позже, но ѣсть тоже не могли. Потомъ, разойдясь по ротамъ, выслушали новый приказъ исполняющаго обязанности директора корпуса: увольненіе по домамъ впредь до особаго распоряженія, которое будетъ дано циркулярнымъ письмомъ.

***

Бахметьевъ и Лобачевъ вышли изъ корпуса вмѣстѣ. На набережной стояла темень и пустота. Жуткая тишина.

— Холодно, — сказалъ Бахметьевъ и Лобачевъ кивнулъ головой. Потомъ вдругъ остановился.

— Знаешь, у меня безъ палаша такое чувство, какъ безъ штановъ, — махнулъ рукой и пошелъ впередъ.

Долго шли молча. Наконецъ, Бахметьевъ взялъ Лобачева подъ руку.

— Ты правъ, Борисъ. Лишившись палаша, мы лишились всего, что было намъ дорого. Корпуса, жизни; что будетъ съ Россіей?

Съ самой шестой роты они всегда были вмѣстѣ. Учились въ одномъ классѣ и рядомъ стояли въ строю, вмѣстѣ плавали и гребли на одной шлюпкѣ, вмѣстѣ собирались устраивать похороны «альманаха». Этой одной изъ самыхъ старыхъ традицій, всегда выполняемой по окончаніи выпускныхъ экзаменовъ по астрономіи. Тайный ночной парадъ всей старшей роты въ столовой залѣ, удивительные обряды, рѣчи и пѣсни, передаваемые отъ поколѣнія къ поколѣнію. Нептунъ на тронѣ изъ столовъ и красныхъ одѣялъ, альманахъ на пушечномъ лафетѣ и залпъ боцманской брани, какъ бы салютъ съ брига «Наваринъ». Святая, ненарушимая дружба, неумолимый законъ товарищества спаяли ихъ. Оба они вмѣстѣ лечились въ лазаретѣ у Оскара Ивановича и вмѣстѣ дѣлали Антона Кречета.

— Какъ глупы, — продолжалъ дальше Бахметьевъ, — мелки всѣ наши продѣлки съ Антономъ Кречетомъ. Напрасная лихость, даже преступность передъ тѣмъ, что совершилось. Неужели Россія погибнетъ?

Лобачевъ ничего не отвѣтилъ, но по его лицу текли слезы.

На углу 7-й линіи и набережной они разошлись. Рѣзкимъ рывкомъ Лобачевъ высвободилъ свою руку и коротко сказалъ:

— Прощай. Буду хлопотать о назначеніи на дѣйствующій корабль.

— Прощай, старый другъ. И я тоже.

В. Н. Вѣчеславскій.

Подписчики.

Съ 9 ноября по 31 декабря на „Морской Журналъ“ на 1937 годъ (или полгода) подписались слѣд. лица: 258) Н. А. Горкавенко, Братислава, 259) М. А. Мурзинъ, Бѣлградъ, 260) Д. Г. Богатыревъ, Хустъ, 261) И. В. Миштовтъ, Нью-Йоркъ, 262) М. И. Смирновъ, Лондонъ, 263) П. А. Вознесенскій, Братислава, 264) Ю. В. Чеховъ, Льежъ, 265) Е. А. Куфтинъ, Ужгородъ, 266) А. А. Лазаревъ, Ліонъ, 267) лейт. Карбоніеръ, Бѣлградъ, 268) А. П. Покотиловъ, Парижъ, 269) Л. Л. Юркевичъ, Ліонъ, 270) А. И. Тихменевъ, Тунисъ, 271) Г. Я. Торинъ, Братислава, 272—274) Я. В. фонъ-Бунсдорфъ, Н. А. Олюнинъ, Г. Я. Гербертъ (и за 1936 г. Г. Р. Хеккертъ — 275) всѣ Гельсингфорсъ черезъ А. А. Бейермана, 276) Б. Н. Ленцъ за Нац. Орг. Витязей, Парижъ. Кромѣ того, получены деньги изъ Шанхая отъ представителя „Морского Журнала“ бар. А. П. Медема; фамиліи подписчиковъ будутъ приведены въ слѣдующемъ номерѣ.

Фамиліи подписавшихся на 1938 годъ будутъ указаны въ январскомъ номерѣ.

О книгахъ.

— Вышла и разослана друзьямъ журнала въ разныхъ странахъ съ просьбой распространить книга № 44 „Зарубежной морской библіотеки“ — книга кап. 1 ранга М. Ю. Гаршина — „Королева Эллиновъ ОЛЬГА КОНСТАНТИНОВНА“. Цѣна книги 7 кронъ чешскихъ (25 амер. центовъ). Полученныя съ мѣстъ отзывы о книгѣ весьма благожелательны.

— Въ ближайшемъ будущемъ выходитъ въ Таллинскомъ издательствѣ книга лейт. Н. Н. Лишина — „Гражданская война на Каспійскомъ морѣ“. Книга обѣщаетъ быть очень интересной. Цѣна будетъ установлена минимальная.

**Привѣтствія къ 6-му ноябрю,
опоздавшія къ ноябрьскому номеру.**

— Прошу Васъ черезъ посредство „Морского Журнала“ передать мое искреннее поздравленіе съ дорогимъ морскимъ праздникомъ всѣмъ морякамъ, за рубежомъ Россіи находящимся, и мои добрыя имъ пожеланія.

Надежда Саблина,

рожд. *Баженова,*

внучка адмирала Баженова, правнучка
адмирала Тыринова, пра-правнучка
адмирала Кроуна.

— *Каютъ-Компанія въ г. Шанхаѣ* въ день праздника родного Корпуса шлетъ всѣмъ своимъ однокашникамъ и соплавателямъ свой сердечный привѣтъ, поздравленія и пожеланія скорѣйшей встрѣчи въ этотъ дорогой для всѣхъ насъ день въ стѣнахъ колыбели нашего славнаго Флота.

Предсѣдатель Каютъ-Компаніи к1р. *П. Крашенинниковъ.*

— Морскіе офицеры въ *Осло*, собравшись въ день праздника Флота 6-го ноября, шлютъ привѣтъ всѣмъ сослуживцамъ по Россійскому Императорскому Флоту.

В. Э. Лиснеръ, П. В. Яньковъ, М. Ф. Престинъ,

Б. С. Кормилицынъ, А. А. Смирновъ, А. М. Зайцовъ.

Къ 6-му ноябрю.

Собравшись значительной единицей морской семьи, подъ отдаленные раскаты орудій и взрывы бомбъ японцевъ, бывшіе питомцы Морского Училища, вѣчно дорогаго морскому сердцу, въ Гонконгѣ, послѣ вознесенія молитвы къ Господу Богу, за скромной эмигрантской трапезой, вспомнивъ всѣ подвиги славныхъ вождей Россійскаго Императорскаго Флота, — высоко поднимаютъ бокаль и поютъ многая лѣта нашимъ вождямъ, въ разсѣяніи сущимъ, и отъ глубины души молятъ Бога о скорѣйшемъ возрожденіи и освобожденіи Россіи отъ ига дѣвольскаго и о возрѣяніи вновь славы величія дорогой Родины, Россійскаго Императорскаго Флота подъ сѣнью Андреевскаго флага, да возрѣетъ вновь надъ Родиной нашей двухглавый орелъ на Императорскомъ Штандартѣ! Да загремятъ вновь орудія родного Флота въ привѣтственномъ салютѣ Императорскому Штандарту и Андреевскому флагу, а затѣмъ и за восстановленіе славы величія дорогой Родины и должнаго почтенія и уваженія къ Россійской Имперіи и ея Верховному Вождю и возстановителю Егѡ Величеству Государю Императору.

И вновь подымаемъ бокаль, и молча стоимъ минуты, въ знакъ почтенія памяти мучениковъ Государя Императора Ни-

колая II, Его Августѣйшей Семьи, Особамъ Императорской Фамиліи, всѣмъ адмираламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ, гардемаринамъ и охотникамъ Россійскаго Императорскаго Флота, на полѣ брани убіеннымъ, умученнымъ за Вѣру, Царя и Родину за честь Андреевскаго флага и родного Флота.

Отъ всей души поздравляемъ родную флотскую семью, желаемъ дружно провести день шестого ноября и скорѣйшаго возвращенія и соединенія на палубахъ родного Императорскаго Флота Россійскаго подъ сѣнь Андреевскаго флага и, хотя состарившимся, но крѣпкимъ духомъ любви къ Монарху, Родинѣ и Андреевскому флагу — послужить Родинѣ нашей на славу и могущество подъ сѣнью Императорскаго Штандарта! Многая лѣта всѣмъ въ разсѣяніи сущимъ членамъ морской семьи, здравія, благополучія, терпѣнія довести русское дѣло до конца и скорѣйшаго возвращенія на родныя палубы.

Ст. лейт. **Чухнинъ**, лейтенанты **Куровъ**, **Маляевъ**, мичманъ **Новиковъ**, гардемаринъ **Савицкій**, охотникъ **Тавасшерна**, лейтенантъ инж.-мех. **Нестеровъ**, морской священникъ **Шалобановъ**. Старшій въ Группѣ капитанъ 2 ранга **М. Афанасьевъ**.

Рѣчь, произнесенная на обѣдѣ 6 ноября 1937 года въ Гельсингфорсѣ.

Г. г. Сегодня у насъ гусь. Традиціонный гусь. Г. г., гусь — только обычай, это не традиція. Другія высокія, священныя традиціи далъ намъ Морской Корпусъ. Онъ намъ внушилъ любовь къ Родинѣ, долгъ служенія ей до послѣдней капли крови, какъ говоритъ присяга. Этимъ намъ дорогъ Корпусъ.

Мы всѣ служили Россіи. Легко и пріятно было служить богатой, доброй, веселой и щедрой Хозяйкѣ. Теперь Родина въ несчастьи, ей тяжело. Бросимъ ли мы ее? Теперь время показать, были ли мы наемными слугами, которые уходятъ, когда имъ перестаютъ платить жалованіе и норовятъ еще взыскать недополученное, или мы — ея любящіе сыны, которые готовы отдать ей все то малое, что мы сейчасъ имѣемъ, и нашу жизнь до послѣдней капли крови.

Нѣкоторые говорятъ, что эти чувства живы въ ихъ сердцахъ, что они отдадутъ себя, когда настанетъ моментъ, а сейчасъ дѣлать нечего и полигика только мѣшаетъ личнымъ дѣламъ.

Г. г. Традиціи и высокіе завѣты нельзя только хранить въ сердцѣ, ихъ нельзя внести въ записную книжку, какъ рецептъ, чтобы вспомнить въ нужномъ случаѣ.

Если эти чувства живы, они не даютъ людямъ покою, они стремятся выйти наружу. Люди ищутъ, страдаютъ, они не могутъ не дѣйствовать.

Если вы можете хранить эти чувства только въ сердцѣ, то остерегайтесь, это значить, что эти чувства у васъ уже отмирають.

Г. г., всѣ мы держимъ трудный экзамень. Когда настанеть моментъ, о которомъ всѣ говорятъ, поздно будетъ подзубривать завѣты, въ послѣдній моментъ вспоминать старые лозунги, разбираться въ обстановкѣ, примыкать къ какой нибудь группѣ, идти подъ чье либо начало.

Много будетъ людей, которые будутъ претендовать на роль начальника, не всѣ будутъ надежны и пойдетъ разрозненная, какъ сейчасъ, эмиграція не за Россію, а другъ противъ друга.

Тѣ, кто вдумается въ обстановку, вдумается въ исторію Россіи, ея славное прошлое, я увѣренъ, въ большинствѣ придуть къ заключенію, что наибольшую пользу Родинѣ они принесутъ, собравшись вокругъ Законнаго Русскаго Государя.

Тѣмъ же, кто не знаетъ, куда идти, и думаетъ, что не можетъ вынести свое собственное обоснованное рѣшеніе, я позволю себѣ перифразировать всѣмъ намъ знакомый совѣтъ Нельсона своимъ командирамъ:

„Никто не сдѣлаеть большой ошибки, поставивъ свой корабль бокъ о бокъ съ неприятельскимъ“.

Я же скажу: „Въ наше тяжелое время, когда возстають лже-пророки, а тайные Іуды соблазняютъ и продають, — никто изъ русскихъ людей не сдѣлаеть большой ошибки, если приведетъ свой корабль въ кильватеръ кораблю Августѣйшаго Адмирала — Законнаго Русскаго Государя“.

Пусть, господа, гусь будетъ у насъ на столѣ, но не въ сердцѣ. Въ сердцѣ пусть живутъ высокіе завѣты нашихъ предковъ, отдававшихъ свои жизни, время и трудъ за „Вѣру, Царя и Отечество“.

Я пью за всѣхъ, не потерявшихъ любви къ Родинѣ.

П. Вилькенъ.

— — —